

The background is an abstract composition of various shades of green and blue, with some yellow highlights. It has a textured, painterly quality, with some areas appearing more saturated than others. The overall effect is a moody, atmospheric backdrop for the text.

Тени на чёрной воде

Храмушина Надежда

Надежда Храмушина Тени на чёрной воде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69893230

SelfPub; 2024

Аннотация

Снова зазвучала музыка ветра, но теперь к грусти прибавилось ещё что-то, всего одна нота, но она снова запустила наши сердца. Всё пространство вокруг нас на короткий миг вспыхнуло светом, который разом пролился в реку, унося с собой светлые фигуры. Такое никогда не забудешь. Мы медленно возвращались в наш мир, чуть-чуть заглянув в тот, знакомый и далёкий. Восьмая книга из цикла "Магия Уральского леса"

Содержание

Глава 1. О вреде и пользе пауков.	4
Глава 2. Подруги.	31
Глава3. Калюткино.	58
Глава 4. Дневник.	82
Глава 5. Птошала.	108
Глава 6. Опять пауки.	132
Глава 7. Прощение.	160
Эпилог.	180

Надежда Храмушина

Тени на чёрной воде

Глава 1. О вреде и пользе пауков.

Я посмотрела на часы. Восемь. Пора закрывать аптеку. Бросила в сумку халат, на ходу поправила рекламку на прилавке, и достала ключи из своего шкафчика. Возле входа в аптеку стояла молодая женщина. Она так потерянно взглянула на меня, что я невольно спросила её:

– Вы к нам? Хотели что-то купить?

Она покачала головой и сделала ко мне шаг. Я на мгновение замерла с ключами, ожидая ответа. Но она остановилась, а потом резко развернулась и пошла от меня к троллейбусной остановке. Ну, нет так нет! Я закрыла аптеку и пошла домой, мечтая наконец-то досмотреть свой любимый бесконечный сериал.

На следующий день мы работали вместе с Наташей, заведующей нашей аптеки, и моей лучшей подругой вот уже почти тридцать лет. С утра был наплыв покупателей, словно неведомый вирус в нашем районе не на шутку решил проверить нашу коллективную иммунную систему. Часов в одиннадцать я снова заметила в зале ту самую женщину, которая вечером стояла возле аптеки. Она разглядывала витри-

ну, украдкой бросая на меня взгляды. Я начала вспоминать всех своих знакомых, всех знакомых моих знакомых, включая подруг моей дочери, но её я точно не знаю. Я всегда нервничаю, когда не могу вспомнить имя человека, которого или знала давно, или не могу вспомнить, где мы раньше встречались. Но она, точно, в круг моих знакомых никогда не входила. Я отпустила последнего покупателя, кивнула Наташе, чтобы она встала к кассе и вышла в зал.

Видя, что я иду к ней, женщина быстро вышла из аптеки и остановилась снова там, где и вчера стояла. Ну что за игры! Я хотела развернуться и опять встать за прилавок, но что-то такое было в её глазах, что я всё-таки вышла за ней на улицу.

– Простите меня, – сразу же начала она тихим голосом – я не знаю даже, что хочу Вам сказать. И не знаю, почему я пришла к Вам.

Она замолчала. Я тоже не знала, что ей надо от меня и поэтому просто спросила:

– Вас как зовут?

– Даша. – Она тут же поправилась – Дарья Веричко. Я здесь недалеко работаю, в магазине «Кировский».

– А меня зовут Ольга Ивановна. Даша, что у тебя случилось?

– Не знаю. Я как будто всё забыла.

– Но ты же помнишь, как тебя зовут, где работаешь. Значит, не всё ты забыла?

– Я не помню людей, которые раньше, – она замялась –

ну, в общем, которые раньше мне были дороги.

– Может они тебе не так уж и были дороги, раз ты про них забыла. Человек всегда выбрасывает из памяти то, что ему не важно.

– Да дело в том, что это было когда-то для меня очень важно, а может, и сейчас это важно! – Она отвернулась.

Это похоже на капризы избалованного ребёнка. Хотя, с другой стороны...

– Даша, а как ты поняла, что забыла? Тебе кто-то о себе напомнил?

– Нет, я заглянула в свой телефон, мне нужно было отправить маме скан своего паспорта, и стала искать его среди своих фотографий на телефоне. И натыкаюсь на фотографию, на которой я с Игорем на лыжах с горки катаюсь. Два года назад. Игорь, это мой бывший коллега, я тогда в другом месте работала. Мы на той фотографии с ним счастливые такие. И потом мы с ним в кафе сидим. И ещё много разных фотографий. Я его помню, но просто как коллегу, а про отношения наши ничего не помню! Совсем ничего. Я давай дальше смотреть фотки, а там мы втроём с Катей и Алиной в Турции. Купаемся, смеёмся, танцуем. Я их помню, они мои одноклассницы. Но я не помню, как мы дружили, вместе ездили куда-то. Турцию помню, отель, море. Но мне кажется, что я там была одна. Понимаете? Я не помню конкретно дружбу, любовь, будто этого ничего у меня не было.

– Да, странно. – Я задумалась – А может у тебя была ка-

кая-то травма? Поэтому у тебя такая вот выборочная амнезия?

– Не было у меня никаких травм. Я и на больничном всего один раз была за последние три года. Это я помню. Я простыла, с температурой дома валялась. Врач приходил. Помню даже, какие лекарства выписал. Помню стихи ещё со школы. Мороз и солнце, день чудесный... Да я каждый день помню! Сейчас вот Вам рассказываю это, и подумала, что я живу совсем без друзей. А фотографии говорят о том, что они у меня были.

– Так может позвонить им? У тебя остались их номера в телефоне?

– Остались. А что я им скажу?

– Спроси, куда они пропали, не случилось ли чего. Позвони.

Она достала телефон из сумочки, полистала телефонную книгу, и нажала вызов. Долго шли длинные гудки, потом ответил женский голос. Даша обрадовалась, и начала торопливо говорить:

– Алина, привет, это Даша. Извини, что долго тебе не звонила, у меня столько всего странного произошло, как у тебя дела?

В трубке какое-то время молчали, потом я услышала недоумевающий голос:

– Какая Даша?

– Даша Веричко, мы с тобой вместе учились во второй

школе. Алина, мы с тобой вместе в Турцию отдыхать ездили. Три года назад. Вместе с Катей.

– Мы ездили вдвоём с Катей. Да, я помню тебя, ты у нас в классе училась. А что произошло? Ты что с Катькой вместе? Вы меня разыгрываете?

– Алина, я сейчас тебе перешлю фотографии, где мы вместе с Катькой в Турции. Ты что, тоже всё забыла?

– В смысле тоже? Даша, тебе что надо-то? И откуда у тебя мой номер?

Даша отключилась и удивлённо посмотрела на меня.

– Она что, тоже про меня не помнит?

– Ты ей вышли фотографию, где вы вместе в Турции.

Она начала искать эти фотографии, а потом растерянно опустила руку с телефоном.

–Ничего не понимаю! Я не могу найти эти фотографии. – Она повертела в руках телефон – Это что за шутки такие! Может быть, кто-то подключился к моему телефону, чтобы свести меня с ума?

– Зачем? – Удивилась я – Ты что, наследница Рокфеллеров, или владелица заводов, газет, пароходов? Какой прок тебя с ума сводить?

– А что это тогда? – Она недоумевающе смотрела на меня.

– Знаешь, раз такое дело, тогда тебе надо не звонить, а самой съездить к своим друзьям. И к этому Игорю тоже. Ты знаешь, где он живёт?

– Нет, не знаю. Или не помню. И я не знаю, где живут Катя

и Алина.

– Но ты знаешь, где он работает. Ты помнишь ведь своё предыдущее место работы? Съезди туда, найди его. Поговорите. Просто честно ему всё расскажи.

– Я боюсь.

– Не бойся показаться слабой. И честно о себе надо уметь говорить. Это мужественный поступок. Начни с чего-то. И знаешь, наверное, надо тебе сходить к врачу, и сказать о проблемах с памятью. Тебе выпишут лекарства.

– А какими лекарствами можно вернуть фотографии, где я вместе с подругами? – Она снова начала листать фотографии в телефоне – Где они? А вчера я их смотрела, и там я была с Катей и Алиной. Она прижала руки к глазам и заплакала. Слезы ручьём катились по её щекам, и она всхлипывала, как ребёнок. Я её легонько обняла за плечи и сказала:

– Пошли, я тебе валерьянки накапаю, ты успокоишься, и будем дальше думать, что делать.

Она пошла за мной в аптеку, мы прошли мимо Наташи в нашу подсобку. Наташа заглянула к нам, кивнула на плачущую Дашу, и спросила:

– Что, любимый бросил?

Я махнула рукой, чтобы не мешала, и Наташа скрылась. Даша выпила валерьянку, и долго ещё всхлипывала. Я её спросила:

– Даша, а почему ты пришла ко мне?

Она непонимающе на меня посмотрела:

– Я не именно к Вам пришла. Я просто пришла в аптеку, и Вас увидела. Не знаю почему.

– Странно, а мне показалось, что ко мне. Ну ладно, просто, так просто. А где твоя мама живёт?

– В Заречном. Я там родилась и училась там. Во второй школе. Здесь я квартиру снимаю. Работаю.

– Понятно. Так что, ты пойдёшь к врачу? Я бы тебе посоветовала сходить. Анализы сдашь, МРТ сделаешь. У тебя деньги есть?

– Конечно, я же работаю. Но мне почему-то кажется, что дело не в этом. – Она встала – Спасибо Вам, Ольга Ивановна. Мне и вправду надо сходить к врачу.

Она взяла свою сумочку, потом снова задумалась.

– Мне кажется, что это случилось недавно. – Потом она откинула голову, будто прогоняя навязчивые мысли и пошла к выходу – До свидания. И спасибо Вам.

Когда она ушла, Наташа подошла ко мне и спросила:

– И что это было? Ты её знаешь?

– Нет, первый раз вижу, вернее второй. У неё какие-то проблемы с расстройством памяти. Ещё и какая-то странная ситуация с фотографиями.

– Да, болезни молодеют! – Вздохнула Наташа – Раньше такое только у старушек приключалось. А теперь, вон у каких молодых.

Прошло дня два, и я уже думать забыла про Дашу, но тут

я снова увидела её на улице, возле витрины аптеки. Я вышла к ней. Она удивлённо посмотрела на меня, и я поняла, что она меня не помнит. Я меня неприятно кольнуло сердце. Если эта болезнь так быстро прогрессирует, то девочке не позавидуешь.

– Даша, меня зовут Ольга Ивановна, и ты была здесь во вторник, два дня назад. Мы с тобой разговаривали о твоей потере памяти. И о твоих друзьях.

– О моих друзьях? О каких?

– Об Игоре, Кате, Алине. И о том, что тебе надо записаться к врачу. Помнишь?

– Я помню Вас, Вы работаете в этой аптеке. А разве мы с вами разговаривали?

– Да. Так ты помнишь об Игоре?

– О каком? – Удивление её было искренним – Может, Вы меня с кем-то спутали?

– А почему ты здесь стоишь?

– Не знаю. Я с работы иду. Вот остановилась, посмотреть.

– Даша, я знаю, что ты работаешь в «Кировском», твоя мама живёт в Заречном, ты там родилась и училась во второй школе. Как ты думаешь, откуда бы это я узнала, если бы ты мне сама об этом не рассказала? Ты можешь мне доверять. И ты мне уже один раз доверила то, что у тебя пропали фотографии всех друзей, с которыми ты вместе отдыхала. Я хочу тебе помочь. Я запишу тебя к врачу, и вместе с тобой схожу. Хорошо? Не бойся меня. Просто у меня дочь одного

с тобой возраста, и поэтому мне так больно, когда я вижу, какие у тебя серьёзные нарушения памяти.

Она стояла, опустив голову. Каштановые пряди упали на её высокий лоб, и ветер перебирал их, словно собираясь заплести их в косу. Она откинула их рукой, и подняла на меня глаза.

– Мне плохо, я не могу найти себе покоя. Словно я потеряла что-то. И ночью сны снятся странные.

– Расскажи. Только пойдём в аптеку, там у меня уже очередь скопилась. Ты посидишь, попьёшь чай, я отпущу их, и мы с тобой поговорим.

Я провела её опять в подсобку, и включила чайник. Она села на низенькую кушетку и сказала:

– Я здесь уже была.

– Да, и мы с тобой здесь разговаривали.

Покупатели уже начали волноваться, поэтому я заспешила к кассе. Когда я их отпустила, я позвонила Наташе, и попросила её, чтобы она меня подменила. Зашли две бабушки, и долго меня пытали, что лучше и что дешевле. Мне было видно, как Даша сидела в подсобке, грустная, с отрешенным взглядом. Мне было её жаль, это на самом деле очень страшно, когда вот так уходят из жизни воспоминания. И оставляют пустоту в сердце.

Наташа пришла минут через двадцать, заглянула в подсобку и увидела Дашу. Я ей объяснила, что её надо отвести к врачу. Наташа позвонила своей приятельнице, терапевту Ве-

ре Ильиничне, к которой мы с Дашей ещё успевали на приём. Я скинула халат, передела туфли и подошла к Даше. Она уснула, прислонившись спиной к стене. Я тихонько потормошила её за руку, и застыла в немом изумлении, когда увидела, как на её правом запястье вздулся чёрный знак, похожий на паука с множеством длинных лап. Я уже видела однажды такой знак, и тот знак ничего хорошего обладателю его не принёс. А по моему опыту, так любой такой знак несёт человеку только большие неприятности. У меня закололи подушечки пальцев, словно мелкие иголки впились, а это верный знак того, что я столкнулась с колдовством. Теперь я точно разглядела, что это паук, и он пульсировал, словно его накачивали воздухом. Я не знала, что делать. От таких знаков врач не поможет. Потом чёрный паук стал светлеть, светлеть и совсем пропал, будто ушёл вглубь руки. Я снова дотронулась до руки Даши, и паук снова вылез, раздуваясь и словно вырываясь наружу. Это что ещё за колдовство такое! Кто-то поставил Даше знак, а она или не заметила этого, или забыла. Только зачем? Что такого в этой девочке, что могло заинтересовать хозяина этого знака? Или хозяйку. Я не стала будить Дашу, вышла на улицу и позвонила Сакатову. Сакатов – ходячая энциклопедия всего, что касается истории и магии. Да, именно в такой очередности. И ещё он очень отзывчивый человек и мой хороший друг. Хоть и нудный.

– Алексей Александрович, привет. Хотела с тобой посоветоваться. У тебя есть свободная минутка?

– Здравствуй, Оля. Конечно. Я как раз тут разбираю наши старые записи. Напишу второпях, а потом сам не могу прочитать. А что у тебя? Ты в городе?

– Да. Я на работе. Я меня тут неожиданная гостья. И меня очень пугает одна деталь.

Я рассказала ему про нашу первую встречу с Дашей, про то, как она снова пришла ко мне, и конечно, про чёрного паука на руке. Сакатов молчал.

– Ты меня слышишь? Алло! – Мне показалось, что я уже давно разговариваю сама с собой – Алексей Александрович! Ты где?

– Да здесь я. Я просто с ужасом вспоминаю про тех ведьм, которые принадлежали к кругу, где такой вот знак паука был тотемом. Не хотелось бы снова с ними встретиться.

– Хочу тебя успокоить, что это другой паук. И тут же огорчу, он ещё страшней. Больше и чернее. И как будто живёт под кожей. Он показался тогда, когда я взяла за руку Дашу. Она, похоже, его не помнит. Или не видела его, или забыла, или ещё что. Такая хорошая девочка. Надо помочь ей.

– Понятно, что надо. А у неё есть родственники?

– Мама, но она в другом городе. Недалеко, километров пятьдесят. Заречный. Знаешь?

– Конечно. Оля, надо взять её к маме. Ей сейчас нужно внимание, пока она окончательно не потеряла память. И чтобы рядом был человек, которого она помнит, и которому доверяет. И заодно узнаем о ней что-нибудь.

– Да, согласна. Сейчас позвоню Илье, попрошу, чтобы нас туда отвез. Перезвоню тебе, когда договорюсь с ним о времени. А ты пока посмотри там у себя, может, что узнаешь о чёрном пауке, отбирающем память у девушек.

Илья, мой двоюродный брат, два раза скидывал звонок, пока я до него дозванивалась. Потом перезвонил сам. Услышав, что надо отвезти девушку в Заречный, он поинтересовался у меня, не думаю ли я, что он таксист, и если я так думаю, то он сейчас же подрисует шашечки на дверку своего Фольксвагена. Потом всё-таки дал себя уговорить, и мы условились, что он заедет сначала за Сакатовым в половине шестого, а потом за нами. Он, вообще-то очень добрый человек, и всегда всем готов помочь. Просто сегодня, видимо, опять звёзды выстроились в какой-нибудь неудачный коридор затмения именно для Ильи.

Осталось задержать Дашу до приезда Сакатова и Ильи. Она пока спала, но если проснётся и опять не будет меня помнить, мне снова придётся ей всё объяснять и постараться вызвать у неё доверие к себе. Так и случилось. Она проснулась примерно через полчаса, удивлённо огляделась, и сразу же засобиравшись домой. Я её усадила рядом с собой, и повторился прежний разговор, что я знаю, кто она, где работает, ну и так далее. Я старалась не трогать её руку, чтобы не напугать её ещё больше. Даша опять всплакнула, но следующие два часа мы с ней пили чай, разговаривали про всё на свете, причём говорила больше она. На удивление, она хорошо

помнила и то, где была, и то, что делала, и то, что смотрела и читала. Я спросила её про сны.

– Мне последнее время снятся каменные крепости без окон и дверей. И мне всегда надо в них попасть, я просто страдаю от того, что никак не могу в них попасть. Я хожу вокруг них. Они все обычно круглые и из круглых камней сложены. Так вот, я хожу вокруг них, а они всегда в воде стоят. В тёмной воде, дна там никогда не видно. И ещё начало снов всегда такое, будто я по подземным коридорам добираюсь до этих крепостей. Коридоры железом обиты и все в крупных заклёпках каких-то. И такие тёмные. Но там всегда люди, много людей, как в метро. А один раз передо мной плыло по воздуху чьё-то лицо. Я вроде и знаю его, но только вспомнить кто это, я не могла.

В подсобку заглянула Наташа, сказав, что приехал Илья. Я сказала Даше, что мы должны отвезти её к маме. Как и следовало ожидать, она отказалась с нами ехать, сказав, что завтра ей на работу. Она даже попыталась уйти. Мне ничего не оставалось делать, как дотронуться до её руки и она чуть не упала в обморок, увидев чёрного набухшего паука у себя на запястье. Сначала она взглянула на меня, и, видимо, хотела меня обвинить в том, что это я сотворила. И мне пришлось приложить немало усилий, чтобы разубедить её в этом. В подсобку зашла Наташа, потом Сакатов. Втроём нам удалось её уговорить ехать в Заречный с нами. Мне кажется, что главным аргументом в пользу поездки послужила фраза

Наташи, что Даша завтра может не вспомнить даже родную мать. Мы пошли к машине. Судя по сочувственному взгляду Ильи, брошенному на Дашу, я поняла, что Сакатов по пути сюда всё ему рассказал.

Дашу мы посадили впереди, потому что Сакатов мне сделал знак, что ему нужно мне кое-что рассказать. Мы сели с ним сзади. Как только машина тронулась, Сакатов тихо заговорил:

– Оля, мне кажется, что её кто-то проклял! Сначала проклял, а потом ещё и передал через неё кому-то предостережение.

– Может, матери? – Спросила я. – Больше она ни с кем не общается. Живёт одна, друзей нет.

– Не знаю. Вернее, думаю, что не матери. Мать бы не отпустила её, если бы увидела такой знак. Он же показывается только тому, кому предназначен.

– Я же его увидела! Я надеюсь, что это не мне знак!

– Не знаю, Оля. Она к тебе же пришла!

– Слушай, не пугай меня! – Я сердито посмотрела на него – Мы с ней не были раньше знакомы! У меня-то память не пропала, и это я точно знаю. Если бы именно мне такой знак собрались передать, они бы скорее тебя выбрали, или вон Наташку.

– Да что ты психуешь! – Он миролюбиво улыбнулся. – Я ведь для примера. Может тот, кому этот знак предназначался, уже увидел этот знак, уже знает про него. Плохо, что Даша

никого не помнит. Как можно найти того, кто, скорее всего, не захочет, чтобы его нашли.

– В любом случае, начнём с её матери. По крайней мере, узнаем, когда всё это началось. Даша мне в первую нашу встречу сказала, что это недавно началось.

– Я тебе про знак хочу рассказать. То, что пауки всегда у людей ассоциировались со злом, с вероломством, ты это знаешь. Поэтому чёрные колдуны охотно брали пауков себе на службу, или делали в виде пауков свои амулеты, или варили колдовские зелья из пауков. Пауки участвовали везде. Вольно или невольно. Но есть одно но. Паук не такое плохое создание, как его пытаются очернить. Он выглядит просто необычно для человеческого глаза. Представь, что пауки были бы больше в десять, двадцать, сто раз! Это же ужас какой-то. Но ведь большинство из них безобидны! Совсем малый процент, из всего многообразия видов пауков, на самом деле опасны для жизни людей. Люди даже болезнь придумали, которой оправдывают свою боязнь пауков – арахнофобия. Ну что за дикость! И про пауков придумали кучу всяческих страшилок. Но есть и другие истории, и там пауки не являются монстрами, или являются ими поневоле. Например, древнее сказание про воина Стишина. Послушай. Он был призван в войско воеводы совсем ещё юным, поэтому знал только военную службу, и ничего другого в жизни не видел. Если другие воины хотели после службы вернуться в свой родной дом, то Стишин не представлял свою дальней-

шую жизнь вне полка. Полк, где служил Стишин, участвовал во многих битвах, и Стишин несколько раз был ранен, но каждый раз судьба была к нему благосклонна. Раны на нём заживали легко, руки-ноги его были целы. Так прослужил он в полку двадцать пять лет, и его с почётом уволили со службы. Воевода ему, помимо заслуженного вознаграждения, ещё и от себя отсыпал серебряных монет, за долгую и верную службу. Стишину некуда было возвращаться, воспитывали его дед с бабкой, они были уже тогда старыми, столько лет прошло, их уже и в живых-то не было. Стишин сначала просадил всё серебро своё, которое ему дал воевода, в кабаках с боевыми своими товарищами, а потом задумался. Куда ему податься? Он умел только воевать. Пошёл он на постоянный двор, чтобы наняться охранять обозы, которые в ту пору очень далеко ходили, до самого южного моря. Идёт, смотрит по сторонам, и вдруг его кто-то окрикнул: «Эй, служивый! Что ходишь без дела? Работа нужна?» Он повернулся на крик, а там молодой парень сидит на телеге, на которой рядов в пять лежали тугонабитые мешки. Он отвечает парню: « Да, хотел вот наняться на службу. А тебе что, нужна охрана?» Парень кивнул головой: «Нужна, времена сейчас беспокойные. Слышал, обозы купцов из Кривояра пропали? Почитай, уже три месяца ищут». Стишин и говорит парню: «А кто хозяин у твоего обоза?» «А я и есть хозяин! Только мне нужна не любая охрана, а только та, на которую я могу положиться, как на самого себя». Стишин ему отвечает: « Я

двадцать пять лет служил верой и правдой у воеводы нашего в полку. Сейчас меня домой отпустили, так воевода меня за мою верность и доблесть сам лично серебром наградил. Тебе такой подойдёт?» Посмотрел на него парень и говорит: «Я тебя сразу заприметил, и сразу к тебе доверие почувствовал. Да, ты мне подойдёшь, и заплачу я тебе хорошо. Меня зовут Пим, и я из деревни Коркошино. Ни детей, ни жёнки у меня пока нет, вот вернусь с барышом, так сразу себе самую красивую невесту выберу. Сразу предупредить хочу. По плохим местам поедem. По опасным. В этих мешках шкуры соболиные, ткани беленыe, сарафаны да рубахи нарядные, да посуда расписная. Всей деревней готовились мы к этой торговле. Прошлой осенью по деревне нашей проезжала богатая старуха, увидела, какие красивые да расписные у нас сарафаны на девках, как искусно мехом обшиты, так и загорелась, что, мол, ей всё это надо. А ещё, как увидела, какая у нас посуда стоит на столах, вся в узорах из васильков да ромашек, так и такую же ей сразу захотелось. Подозвала она нашего старосту, и говорит ему, жду вас у себя в замке весной, как снег сойдёт. Золотом, говорит, заплачу, не обижу. Вот мы за зиму и нашили всяких нарядов, настреляли соболей да куниц, выделали шкуры, глиняных мисок да горшков наделали, расписали их. А замок той богачки стоит на реке Донгуз, и владеет им её семья уже две сотни лет. Нарисовала она нам на холщовой тряпице, как проехать до него. Да только проехать надо к нему через перевёрнутые горы, а в них, как мне сказал

дед Порфирий, водятся малюки, это такая злобная нечисть, для которой полакомиться человечинкой, самое милое дело. Посовещались мы в деревне, и решили, что есть там малюки, или нет, это ещё бабка надвое сказала, а дело это выгодное. И направили меня и ещё двух моих товарищей в дальний путь с обозом. Да тут, на притчу, один мой товарищ с коня упал, ногу сломал, а другой в лихорадке лежит на постоялом дворе, в себя не приходит уже третий день, и неизвестно, сколько ещё промается. А ехать надо, нам та старуха сказала, чтобы мы успели к празднику пролететь, иначе ей наш товар без надобности будет. Вот и почитай, шесть дней осталось до него». Стишин даже раздумывать не стал, подрядился сразу охранять обоз. Ударили они по рукам, Пим распряг одну кобылу с обоза, и Стишин поехал на ней верхом. Первый день они ехали без приключений, всю дорогу Стишин рассказывал Пиму о своих походах, а потом Пим рассказывал о нехитрой своей жизни в деревне. Так и доехали они до быстрой речки, которая спускалась с пологих гор, которые, словно исполинские головы, выросли перед их взором. Леса здесь были редкие, кругом только ветер носился по бескрайним степям. Стреножили они коней, напоили их, накормили, сами разожгли костёр и сварили себе похлёбку. А небо чистое, звёзды, словно блюдца, большие, яркие, тишина кругом, только речка перекатывает камни, да шумит на порогах. Утром проснулись, снова солнце сияет, тепло, кони спокойно пасутся рядом. Доели они свою вечернюю по-

хлёбку, запрягли коней, да и едут дальше. И второй день они так же ехали между невысоких гор, выбирая пошире тропу, чтобы телега прошла. И снова им не встретился ни один путник, ни один обоз. Стишин забеспокоился – как так, едут они второй день, а людей так и не встретили. Пим тоже удивлялся, но беспокойства не выказывал, а подбодрял, говорил, что может они не по основной дороге едут, вот выедут на основную дорогу, тогда и люди им встречаться будут. Заночевали у подножия очередной горы, снова сварив на ужин себе похлёбку. Стишин лежит, сон не идёт ему, и тут понял он, что его так насторожило. Мало, что ни одного человека не встретили, так и птиц в небе он не видел. А уж сколько Стишин в походах был, несчасть, и всегда вокруг них были пернатые попутчики. Так и заснул, весь в думах. Утром они встали, Стишин и сказал Пиму, что очень странно, что птиц нигде не видно. Тот грустно покачал головой, говорит, что он это в первый день ещё заметил, да не стал говорить. Стишин достал из ножен свой меч, проверил его, и они снова поехали. И третий день они никого не встретили. И в четвёртый день ехали, словно они одни на всём белом свете. К концу четвёртого дня выехали они на широкое поле, в конце которого, у самого горизонта виднелись две горы, словно зубы, торчащие среди тёмного леса. И Стишин понял, почему их называют перевёрнутыми. У подножия их они были тоньше, чем у самой вершины. Подивился он на такую невидаль, сказал Пиму, что больно ненадёжно стоят они, а как сотря-

сёт землю, так они сразу скатятся. Пим согласился, какие-то они неправильные, будто их кто-то поднял, а потом поставил кверху тормашками. Зато с пути не сбились, туда, куда надо доехали. Решили они тут же заночевать, а уж утром ехать к перевёрнутым горам. Обычно они вечером сидели, байки друг другу травили, а тут, словно грусть на обоих напала. Сидят у костра молча, похлёбку молча едят, и тревога подступила к их душам, но друг другу не сознаются. С утра встали, собрались и поехали через поле. Доехали они до перевёрнутых гор, когда солнце было в самом зените. Они взмокли оба, Стишин скинул свой кафтан, и Пим рубаху снял, да на плечи свои накинул. Когда они подъехали к горам близко, то увидели, что у обеих гор общее основание, и между ними трещина широкая, вот по этой трещине дорога и уходит дальше, петляет, конца ей не видно. Хотели они объехать горы, да болота кругом непроходимые, да чаща такая, что глаза на ветке не мудрено оставить. Делать нечего, думай не думай, а ехать придётся через ущелье. Стишин прислушался, а из расщелины этой, словно вздохи какие-то доносятся, и будто ползает кто по камням, песок и мелкие камушки вниз сыплются. Заехали они в расщелину, а там полумрак, всё затянуто ветками колючими, между ними паутина поблескивает. И каждый их шаг, каждый скрип колеса, эхом прокатывается от стены до стены и вдаль уносится. Проехали они немного вперёд, и лошадь под Стишином на дыбы встала. Впереди, у правой стены, два скелета человеческие сидят с пробитыми

черепами, и рёбра у них вывернуты наизнанку, а рядом с ними большая груда костей, тоже человеческих. Хоть Стишин на своём веку и много смертей повидал, да только волосы у него на голове зашевелились, беспокойно стало ему. Лошадь свою он успокоил, а сам наоборот, весь напрягся, рука сама потянулась к мечу. Пим говорит ему: «Скелеты эти, может, тут уже сто лет лежат, вон, даже одежды на них не осталось! И того, кто их убил, тоже, поди, уже много лет, как нет». Стишин согласился, может уже и нет. Едут дальше, а на дороге какой-то серый пух начал попадаться. И чем дальше они продвигались, становилось его всё больше и больше. Стишин к пуху этому приглядывался, приглядывался, но никак понять не может, что это. Потом не выдержал, остановил лошадь, слез с неё и поднял небольшой клочок этого пуха. Понюхал, в руках повертел, протянул Пиму, тот тоже не знает, откуда и что это, и на что это похоже. И вдруг видит Стишин, как из-за поворота, высоко над землёй по краю каменной трещины, как будто кто палец длинный высунул. Потом ещё один, и замер. Стишин тоже замер. Меч из ножен достал. Сделал шаг вперёд и перед лошадью встал, чтобы защитить её, в случае какой неожиданности. Вслед за пальцами голова вылезла, а затем и всё туловище. По стене полз огромный паук, в целый локоть длиной, и это кроме его длинных лап, которые каждая тоже с локоть были. Локоть, Оля, если ты не помнишь, то это сорок пять сантиметров. И ползёт этот паук кверху, на них не обращает внимания. Чёрный такой, а на спине пять пар

белых точек. Чтоб ты знала, Оля, по описанию очень похож на золотопряды. Его самки плетут паутину с золотым отливом, почему он и получил такое название. Но, конечно, пауков таких размеров в лесу не встретишь, они не больше десяти сантиметров бывают. Но это так, отступление. Так вот, ползёт этот паучище по отвесной скале наверх, и на людей не обращает внимание. Стишин выдохнул облегчённо, сел обратно на лошадь и они поехали дальше. Им ещё с десятка два попадались на пути таких больших пауков. Доехали они до входа в пещеру, дорога вела внутрь её, и далеко вдали там виден был свет от выхода из неё. Стишин слез с лошади, подобрал толстую ветку, обмотал её серым пухом, туго привязав его к палке, хотел зажечь его, да что-то остановило его. Он взял лошадь под уздцы и, перекрестясь, пошёл внутрь пещеры, как и вела их дорога. Пим тоже слез с телеги, и тоже зашагал рядом с лошадыю. С тёмного свода пещеры на них капала вода, под ногами тоже была вода. Холодно и сыро. Стены блестели чёрным обсидианом, кое-где вспыхивали золотом вкрапления, некоторые были размером с большую мушку. Только прошли они половину пути по пещере, как на телегу сверху что-то прыгнуло, покатилося по мешкам и накинuloсь на Пима. От неожиданности он закричал и повалился на землю. Стишин, резко обернувшись, увидел, как огромный паук с длинным телом, размером с человека, впился передними парами лап в шею и спину Пима, страшная пасть паука была раскрыта, из неё торчали острые, как

иглы, зубы. Стишин одним взмахом отрубил голову твари, и тут же на него посыпали десятки таких пауков. Но острый меч его прошёл с ним не одно сражение, и как управляться с неприятелем, Стишин знал. Пим, который уже поднялся с пола, достал нож и тоже начал кромсать отвратительных тварей, и липкая зловонная жидкость разлеталась во все стороны, и от неё слипались и глаза и нос. Стишин разрубил уже штук пять пауков, когда они все отшатнулись от людей и припали к земле. Из тёмной глубины пещеры, при каждом движении цокая и стрекоча, выползла огромная паучиха. Она была ростом метров в пять. Паучиха встала на задние лапы, и её голова упёрлась в свод пещеры. Брюхо у неё было с золотым отливом, и состояло, словно из металлических пластин, плотно находящихся друг на друга. Пим, тяжело дыша, повернулся к Стишину и сказал: «Прости, что позвал тебя на погибель!» Стишин ничего не ответил, а только крепче сжал в руке свой меч и пошёл на паучиху. Не привык он отступать перед противником. Паучиха цокнула своими лапами и пауки, лежащие на земле, быстро перебирая своими лапами, скрылись в темноте пещеры. А паучиха говорит Стишину: «Остановись, путник! Много веков мой народ жил мирно в этих пещерах, и никого мы не трогали. Но поселилась двести лет назад здесь старая колдунья, и стала заманивать к себе людей на погибель. Отравила она нас своим ядовитым зельем, и зелье это разбудило в детях моих кровожадность. Как только какой путник заходит в пещеру, накидываются

они на него и разрывают на мелкие части. А потом приходит колдунья и собирает сердца людей. А останки их превращает в эту серую пыль, которая у тебя на ветке намотана. Поворачивайте обратно, идите с миром, да не возвращайтесь сюда больше. В этот раз я услышала, как вы появились в пещере, поэтому вовремя смогла отогнать от вас своих детей. А в следующий раз, вам может и не так повезти. Прощаю я вас за то, что погубили вы моих детей, потому что знаю, что вы защищали свою жизнь!» И спрашивает её Стишин: «Если ты говоришь правду, тогда мы лучше найдём эту колдунью и положим конец её бесчинствам». Посмотрела паучиха на Стишина своими чёрными блестящими глазками и говорит: «Много было таких, кто хотел убить колдунью, да она всегда хитрее оказывалась. Вижу, храбрый ты солдат, но только с колдуньей одним железом не справиться. Помогу я тебе, скажу, как одолеть проклятую колдунью. Может и получится на этот раз!». Она протянула к Стишину свою длинную и крепкую лапу, коснулась меча его, и загудел меч, словно стукнул кто по нему другим мечом. И говорит ему паучиха: « Не верь её посулам, она обернётся доброй богатой старушкой, и хижину свою превратит во дворец, заморочит вас, чтобы ночью погубить. Чтобы морок её развеять, как только зайдёте в её дом, сунь ветку с пухом в её очаг, загорится серый пух, вот тогда сам всё увидишь. И проткни её своим мечом прямо в сердце, на острие твоего меча я капнула каплю своей крови, сожжёт она сердце колдуньи. Не дайте ей себя одурманить.

Если у вас всё получится, тогда вы и моих детей освободите навсегда от её проклятья». И уползла паучиха обратно себе в гнездо. Стишин и Пим пошли дальше, на свет, который указывал на выход из пещеры. Вышли они из пещеры на ровную местность, и увидели они прямо перед собой старинный каменный замок, стоявший на берегу узкой и быстрой горной реки. На шпилях многочисленных башенок развивались разноцветные флаги, в больших окнах играла на солнце разноцветная мозаика, а на открытых террасах столы ломились от изысканных яств, и из окон лилась негромкая чарующая музыка. Деревянные резные двери были настежь распахнуты. Переглянулись Стишин с Пимом, и пошли к открытым дверям. Поднялись по широкому крыльцу и очутились в светлом зале, стены которого были расписаны золотом. Большие свечи стояли в высоких медных подсвечниках, а посреди зала лежал огромный ковёр, на котором были вышиты все города, которые есть на свете. В высоком каменном камине весело потрескивал огонь. За длинным дубовым столом, в богатом бархатном платье, расшитом драгоценными камнями сидела седая старушка, и приветливо им улыбалась. Увидев Пима, она помахала ему рукой, подзывая к себе: «Исполнил ли ты волю мою, привёз мне товар, который я заказывала к пролетью?» Пим шагнул к ней, поклонился и ответил: «Да, госпожа, всё как ты велела». Колдунья ему говорит: «Хорошо, оставляю тебя у себя, будешь мне служить!» И Пим низко поклонился ей и смиренно ответил: «Да, госпожа, большая

честь для меня служить тебе!» Она ему говорит: «Раз ты мне уже служишь, убей товарища своего, он мне тут не нужен, одни хлопоты от него!» И зыркнула на Пима. Пим поклонился, достал из-за пазухи нож и пошёл на Стишина. Взглянул на него Стишин, и понял, что Пим находится под действием чар колдуньи, глаза стали у него пустыми и безжизненными. Оттолкнул Стишин Пима, подскочил к камину, сунул ветку в огонь, она запылала жёлтым светом, и вмиг рухнули все чары колдуньи. Исчез зал с огромным ковром и золотыми стенами, исчез дубовый стол, исчез и сам замок, превратившийся в грязную тёмную хижину. И сама старуха стала кривой и горбатой ведьмой, в чёрном тряпье и с крючковатыми пальцами. Завизжала она, закрутилась на месте, начала свой колдовской танец. Стишин подскочил к ней и со всего маху вогнал клинок в самое сердце ведьмы. Зашипела чёрная кровь её, запузырилась, закорчилась злая ведьма на земляном полу, хватаясь когтями за свою рану. Разверзлась земля рядом с ней, пахло серой, и из-под земли показались мохнатые руки, утащившие её туда, где ей и было место – в преисподнюю. Вот так победил Стишин отродье адское. А паучиха на обратном пути отсыпала Стишину целый мешок золота за то, что спас её детей от злых чар старой колдуньи. Стишин золото разделил с Пимом, всё по справедливости. Пим на обратном пути продал все свои товары на ярмарке в большом городе, и заплатил сполна Стишину. И позвал его с собой в свою родную деревню. Стишин поехал с ним, ему

ведь больше не куда было ехать, а Пим обещал за него свою сестру сосватать. Вот такая вот история, Оля. Смотри, мы так за разговорами уже и в Заречный приехали.

Глава 2. Подруги.

Я когда-то раньше уже была в Заречном, такой славный городок, особенно его старый район. Мама у Даши жила в четырёхэтажном кирпичном доме, на последнем этаже. Дома на их улице стояли только по одной её стороне, а с другой стороны, прямо к дороге, подходил сосновый лес. Илья с нами не пошёл, но вышел из машины и сказал, что лучше прогуляется, свежим воздухом подышит.

Когда Дашина мама открыла дверь и увидела Дашу в нашей компании, испуг промелькнул в её глазах, и она, молча, отодвинулась вглубь коридора, запуская нас в квартиру. Невысокая женщина, с приятными чертами лица, и абсолютно седыми волосами.

– Мама, это Ольга Ивановна и её друг Алексей Александрович. Они очень меня поддержали. Не пугайся, но мне кажется, что я заболела.

– Светлана Николаевна. – Представилась мама Даши – Проходите. Я чувствовала, что что-то не так. Хотела уж сама ехать. Вы с Дашиной работы?

– Нет, мы не с Дашиной работы, – ответила я – но мы хотим помочь вашей дочери.

Мы прошли в комнату и сели на большой диван. Светлана Николаевна, позвав с собой Дашу, начали накрывать на

стол. Я осмотрелась. В углу комнаты стояло пианино. На нём несколько фотографий. Я подошла ближе, чтобы их рассмотреть. На одной была маленькая Даша с косичками, в школьной форме и белом фартуке, наверное, ещё первоклашка. На другой фотографии маленькая Даша с мамой и симпатичным улыбающимся мужчиной, похоже, что со своим отцом. Да, очень Даша на него похожа, такой же открытый взгляд серых глаз. И ещё фотография Даши на выпускном вечере. Даша в воздушном бирюзовом платье, возле своей школы. Красивая девочка. Я снова села на диван.

– Оля, ты хоть сразу Светлане Николаевне не говори про знак на руке, она и так такая расстроенная! – Тихо сказал Сакатов.

– А про что я буду говорить? Про погоду? Или ты ей расскажешь сказку про пауков?

– Подготовить надо как-то. – Сакатов осуждающе посмотрел на меня – Ты можешь её насторожить, и если ей есть, что скрывать, она после этого ни за что тебе ничего не расскажет.

– Так ей может Даша уже рассказала про паука на руке! – Предположила я – Они о чём-то ведь говорят на кухне.

– Мне кажется, что Даша уже забыла про этот знак. Начни с того, что у Даши какая-то странная потеря памяти, а потом уже по развитию событий сориентируешься. Постарайся сначала как можно больше узнать.

Он прав. Сначала надо просто поговорить. Я согласно кивнула и мы опять замолчали. Светлана Николаевна вынес-

ла на подносе тарелки с нарезанной колбасой, сыром, и пригласила нас к столу. Даша принесла кружки, чайник, целую вазу с конфетами и печеньем и села рядом со мной.

Мы расселись, и воцарилось неловкое молчание. Его нарушил Сакатов:

– Светлана Николаевна, а Вы как давно живёте в Заречном? Я просто очень люблю Ваш город, и несколько раз приезжал сюда, у меня здесь есть знакомые, может и Вы их тоже знаете. В таких небольших городках все друг друга знают.

– Я родилась здесь. Мои родители были среди первых строителей Заречного, приехали ещё тогда, когда начали только строить электростанцию. Заречный теперь уже не тот город, где все друг друга знают, он уже разросся, одни уезжают отсюда, другие приезжают. Но у меня здесь много знакомых, я ведь учительницей всю жизнь проработала, в музыкальной школе. Поэтому знакома и с детишками, и с их родителями. До сих пор мне звонят, в гости приезжают мои бывшие ученики.

– Значит и Даша тоже в музыкальной школе училась? – Спросила я, стараясь перевести разговор на Дашу.

– Недолго. – Вздохнула Светлана Николаевна – Пять лет проучилась по классу фортепиано, а потом ни в какую не захотела больше заниматься. Жаль, у неё абсолютный слух, но что поделаешь!

– Потому что я всегда хотела играть на гитаре! – Вступила в разговор Даша – Я маме с самого начала говорила, а она,

нет, будешь на пианино учиться, будешь взрослая, тогда и играй, на чём хочешь, хоть на барабане!

– Вот, я же хотела, как лучше! – Светлана Николаевна с упрёком посмотрела на Дашу – А теперь продавцом работаешь.

– Мне нравится. – Даша улыбнулась – Ну не всем же быть Мариной Юдиной!

– Даша, а чем же тогда ты увлекалась, пока в школе училась? – Спросила я и тут же осеклась.

Даша сидела бледная, словно вся кровь схлынула с неё, глаза её уставились в одну точку, руки опустились. Светлана Николаевна, проследив за моим взглядом, вскрикнула и взяла её за руку.

– Не паникуем, её надо отнести на кровать, пусть поспит. – Сказал Сакатов.

– Я вызову скорую! – Светлана Николаевна схватила телефон со стола.

Сакатов мягко положил на её руку свою и сказал мне:

– Оля, дотронься до запястья Даши.

Светлана Николаевна выдернула руку и схватила телефон:

– Что это за самодеятельность, вы что, врачи? Моя дочь больна, её нужно обследовать!

Я дотронулась до правого запястья Даши, и изнутри снова вылез большой чёрный паук. Он пульсировал, и казалось, что там, внутри, он перебирает лапами, стараясь разорвать тонкую кожу. Светлана Николаевна взглянула на паука, уро-

нила телефон на пол, он громко стукнулся об деревянный пол, но она даже не посмотрела на него. Я убрала руку с запястья, и паук стал бледнеть.

– Что это? Откуда? – Она потянулась к тому месту, где только что был паук, и дотронулась до него. Мы с Сакатовым замерли. Но паук не показался. Я облегчённо вздохнула.

– Светлана Николаевна, давайте отнесём Дашу на кровать и тогда поговорим с вами. – Снова повторил Сакатов.

На этот раз Светлана Николаевна согласно кивнула головой, и мы отнесли Дашу в маленькую комнату, где, скорее всего, всё осталось на своих местах ещё с тех пор, когда её дочь училась в школе.

Мы вернулись к столу, и я рассказала Светлане Николаевне про то, что узнала от Даши.

Она слушала меня очень внимательно, не отводя глаз. Потом спросила:

– Как помочь моей дочери? Это ведь не просто знак на её руке, нужно искать того, кто может снять это проклятье.

– Светлана Николаевна, мы постараемся Вам помочь. – Сказал Сакатов – Мы с Ольгой Ивановной уже занимались такими делами, это просто чудо, что Даша сама пришла к Ольге, хотя я считаю, что она не просто пришла. Что-то или кто-то направил её, и это очень странно. Ольга Ивановна заметила этот знак, и он среагировал на неё.

– Почему? – Спросила Светлана Николаевна.

– У меня есть кое-какие небольшие способности, я могу

чувствовать колдовство. — Ответила я — Чтобы с чего-то начать, надо знать окружение Даши, её друзей. Например, Катя и Алина. Они дружат ещё со школы, какие у них были отношения? Если заклятие действовало только на Дашу, почему и Алина тоже не помнит о том, что они вместе с Дашей отдыхали в Турции? Расскажите про них.

— Девочки учились вместе с первого класса. И жили все рядом. Ну, у нас все тут рядом со школой живут. Пока росли — всё было, и ссорились, и мирились, и плакали, и расставаться не хотели, если в разные лагеря путёвки были. В старших классах уже, конечно, сложнее стали отношения. Интерес к мальчикам, какие-то соревнования между собой. Катя девочка спокойная, у них с Дашей меньше было конфликтов, а вот с Алиной не всё гладко было. Даша понравилась одному мальчику из параллельного класса, Денису Смирнову, и он её пригласил в кино, потом гуляли они несколько раз. И Даше он тоже нравился. Она у меня попросила разрешения пригласить его к себе на день рождения. Я, конечно, разрешила. Он пришёл с большим букетом, нарядный такой. Симпатичный мальчик, он у них в школьной волейбольной команде играл. И подружки Дашины тоже пришли, и ещё три девочки из класса, и соседская Оля, тоже подруга с детства Дашина, она её на год младше. Мы с Дашей стол накрыли, и я ушла к соседке, чтобы не мешать, им без меня веселее и свободнее. Вернулась я часа через три, а там уже кошка чёрная пробежала между Дашей и Алиной. Рассорились, а

из-за чего, не говорят. И Дениса уже нет. Как только я пришла, Алина с Катей сразу же ушли, Даша даже до двери их не проводила. Потом, когда остальные разошлись, я Дашу спрашиваю, что случилось, а та, ничего, всё нормально. Я и отступилась. Не хочет говорить, пусть не говорит. После дня рождения смотрю, а Даша всё дома одна сидит, я спрашиваю, а где Денис. Она мне говорит, мы больше не дружим. Потом уже, через какое-то время, она мне и рассказала, что Денис Алине понравился, она весь вечер с ним танцевала, кокетничала с ним, вот Даше это и не понравилось. Денис этот с Дашей перестал дружить и с Алиной у них тоже не заладилось. Через какое-то время всё забылось, девочки снова стали вместе, а я Даше сказала, что настоящие друзья так не поступают, не пытаются отбить парней у своих подруг. Не красиво это, плохая черта. А Даша мне говорит, что в любви запрещённых приёмов нет. Вот и поговори с ней. После школы Даша поехала с Катей поступать в Екатеринбург, Катя поступила в Педагогический институт, а Даша баллов не набрала, но тоже там в городе осталась, устроилась работать секретарём в какую-то транспортную контору. Алина не поехала с ними поступать, устроилась работать к матери, у той магазин свой детских товаров тогда ещё был в Заречном. Но через полгода уехала в город, с матерью что-то не получилось у неё вместе работать. Катя жила в общежитии, а Даша сняла квартиру, я ей помогала с оплатой. Алина первое время жила у Даши, и они вместе каждый выходной приезжа-

ли домой, в Заречный. Дружно так, меньше стало ссор. Потом Даша стала встречаться с мальчиком с работы, Игорем. Я его не видела, но она только о нём и говорила. Он заочно учился в университете, на последнем курсе. И у Алины тоже в городе друг появился. Они все вместе гуляли, ездили на природу. Потом Алина переехала к своему другу жить, но перед тем как переехать, они с Дашей опять поссорились. Даша одна приехала домой, и вижу, сама не своя, глаза на мокром месте. Сама мне рассказала, что Алина Игорю сказала, будто у Даши здесь парень остался, и это она к нему каждые выходные ездит в Заречный. И они из-за этого чуть с Игорем не рассорились. Потом разобрались, и Алина сказала Игорю, что пошутила, хотела проверить его чувства к Даше. Вот такая она подруга. Потом опять все помирились, но вскоре Даша рассталась с Игорем. Мне сказала, что разочаровался он ей. Уволилась с той работы и перешла на работу в магазин. Поступать она больше никуда не хочет, говорит, что будет работать.

– А вторая её подруга, Катя, она с ними так и продолжает дружить? – Спросила я.

– Катя потихоньку отошла от них, подружилась с девочками из своей группы, но всё равно на все дни рождения, праздники, они встречаются. И сюда когда приезжают, тоже вместе гуляют. И в отпуск вместе в Турцию летали. У Кати мама в туристическом агентстве сейчас работает, она им путёвки и нашла, горящие, совсем задёшево.

– А у Кати есть мальчик? – Спросил Сакатов.

– Нет у неё мальчика. Я вам сейчас фотографии покажу их. – Она достала из шкафа несколько альбомов и стала их листать – Вот они все, на выпускном. Вот Алина, вот Катя.

Мы с Сакатовым начали рассматривать фотографии. Алина выделялась среди всех девчонок – высокая, русые волосы накручены в какой-то невообразимый клубок, глаза голубые, смотрят с вызовом, словно королева стоит. А Катя похожа на серую мышку, даже её роскошное платье не добавляло ей шарма. Серенькие волосы, бровей почти не видно, носик как пуговка, глаза небольшие, и взгляд без искорки. И ростиком небольшая, Алине и Даше только до уха достаёт.

– Они такие разные, а столько лет вместе дружат. – Удивилась я – Катя хорошо училась?

– Средне, но в старших классах взялась, как говорится, за ум. Почти не бегала гулять, корпела над учебниками. Я и сама порой удивлялась, соберутся у нас, только Дашу с Алиной и слышно, а Катя сидит тихо в уголке, её ни слышать и не видеть.

– А что за семья у Кати? – Спросил Сакатов – Вы с ними знакомы?

– Да, конечно. Они через дом от нас живут. Мама Лена и бабушка Лидия Фёдоровна. Отца Катиного я никогда не видела. Бабушка у них очень строгая, Катю держала в ежовых рукавицах. Она и воспитывала Катю, мать несколько лет в Екатеринбурге жила, там работала. Вернулась сюда всего лет

пять назад.

– Когда мы зашли, вы сказали, что сами к Даше хотели ехать, Вы что-то заметили странное, или просто почувствовали? – Спросила я её, закрыв альбом с фотографиями.

– Да, почувствовала. Месяц назад мне Даша позвонила и сказала, что не приедет на выходные, они собираются на природу, позагорают, покупаются. Да так быстро всё протараторила и отключилась, что я не успела даже спросить, с кем и куда она едет. Я ей после выходных звоню, а она не отвечает. Я забеспокоилась. Снова перезвонила ей, уже поздно вечером, думаю, в это время уже дома, телефон услышит. Опять не берёт трубку. Я подумала, может она не одна, и не стала больше звонить. Она мне на следующий день сама позвонила, с работы. А голос такой сонный, будто только проснулась. Извини, говорит, мама, я себя вчера плохо чувствовала, пришла с работы, и сразу спать легла. И сегодня тоже что-то мне не очень хорошо. Я опять не спросила её, как в выходные съездили, потому что про таблетки начала говорить, чтобы температуру померила. И так всю неделю она была, словно сонная. И опять ко мне не приехала, говорит, отлежусь, на больничный не охота идти. В выходные она отлежалась, да и голосок повеселее стал, я и успокоилась. А в воскресенье мы с ней разговариваем, я её спрашиваю, а как ты съездила неделю назад на природу, расскажи. Она так удивилась, никуда, говорит я не ездила. Тут уж я удивилась, но опять не придавала этому значения. А ко мне на дом ходят ученики, я

сейчас дома уроки даю, так вот, пришла Лида с Ванечкой, мы с Ванечкой пока занимались, она сидела в телефоне. Потом меня спрашивает, а где это Дашка твоя шашлыки жарила? И показывает мне фотографию. На берегу речки мангал, и Дашка моя шашлык прямо с шампура ест, смеётся и большой палец кверху держит. И дата, как раз та самая суббота, когда она и должна была на природу ехать. Я неприятно удивилась. Даше совсем не обязательно меня обманывать, я в её жизнь уже давно не вмешиваюсь, не спрашиваю у неё, где была. И она обычно мне рассказывает всё. Они ушли, а я набираю Дашу и говорю ей про эту фотографию. Она сначала засмеялась, а потом говорит, мама, ты шутишь со мной, я бы тебе рассказала, если бы куда ездила. Мы с ней чуть не поругались. Потом я чувствую, что не врёт она, и что даже она как-то расстроилась, со мной говорит, а голос дрожит, вроде сейчас расплачется. Ну, я не стала больше ничего ей говорить, но у самой внутри будто сжалось, сама не знаю отчего. В выходные она приезжает, только в двери заходит, и сразу меня спрашивает, а что в подъезде нашем новые жильцы появились, я их раньше не видела. Я говорю, не знаю, вроде никто квартиры у нас не продавал. Никуда она больше не пошла, дома просидела. И такой рассеянной она мне показалась, спрошу её что, она не сразу отвечает, включила телевизор и сидит, смотрит в одну точку. В воскресенье я её проводила до станции, говорю, дочка, сходи к врачу, может ты не долечилась, больничный дадут. Уехала она, а мне са-

мой беспокойно, и тревожно за неё. И по телефону со мной два слова скажет, и отключается. Я договорилась в нашей больнице, что запишу её к эндокринологу, пусть обследуют. Да она мне так скан своего паспорта и не выслала.

– Светлана Николаевна, а Вы бы не могли попросить ту женщину, которая к вам сына на урок приводила, чтобы она переслала нам фотографию Даши на реке, и может, там ещё есть какие фотографии, пусть и их тоже перешлёт. – Попросила я.

– Или пусть скажет, где они размещены, мы сами посмотрим. – Подсказал Сакатов.

Светлана Николаевна позвонила, ей там что-то долго объясняли, и она, когда положила трубку, сказала, что все эти фотографии есть на Дашиной странице в Инстаграме. Мы с Сакатовым отыскивали её страничку, и нашли эти фотографии. Там их было несколько, но везде была только Даша, и подпись была к ним: «Ура, лето!» И всё. Где она была, с кем, мы так и не узнали.

– Похоже, с той поездки и начались у Даши проблемы. – Сказал Сакатов – Надо съездить к Кате и Алине.

– Давай найдём их странички в Инстаграме, посмотрим их профиль. – Предложила я – Светлана Николаевна, а мы не сможем в Дашином телефоне посмотреть? Вы знаете её пароль?

– Знаю, у неё на пароле дата её рождения, сейчас найду её телефон. – Она пошла в коридор и вернулась с сумочкой

Даши.

– Вот он. – Сказала она, открыв сумочку – А это что?

Она достала из сумки Даши расшитый вручную малиновыми цветами носовой платок с каплями крови. Она положила его на стол и посмотрела на меня.

– Не видела я его у неё раньше. Это тоже относится к проклятью?

– Не знаю, но мы возьмём это с собой. – Ответила я.

Она принесла небольшой пакет, я положила в него платок и убрала к себе в сумку. Мы быстро нашли и Алинину и Катину странички в Инстаграме. Алина регулярно делала посты, фотографировала она всё, куда пошла, что надела, что ела, с кем встречалась. Каждый день. Мы долистали до 16 июня, это когда Даша была на реке, но Алина провела этот день в торговом центре вместе с двумя девушками, они там перемеряли бесконечное число кофточек, и ещё и в кино сходили. У Кати не было такой насыщенной жизни, она фотографировала то красивую бабочку, то кошку, то собачку. Были у неё и фотографии с однокурсниками, но очень редко, и обычно за партой. 16 июня фотографий совсем не было. Зато мы нашли фотографии, где они с Дашей и Алиной в Турции. Я сделала снимок с экрана, и переслала её себе на телефон.

– Я позвоню Кате! – Вдруг сказала Светлана Николаевна – Поговорю с ней. Заодно и Алине позвоню, спрошу, почему она так Даше ответила.

Она набрала Катю с Дашиного телефона, но абонент оказался вне сети. Потом она набрала ей со своего телефона, потом я набрала со своего, но телефон Кати оказался вне зоны доступа. Зато у меня остался Катин номер.

Потом она набрала со своего телефона Алину. Та не сразу, но ответила. Светлана Николаевна поставила на громкую связь, чтобы мы тоже слышали:

– Здравствуй Алиночка, это Светлана Николаевна, мама Даши.

В трубке долго молчали, потом раздался виноватый голос Алины:

– Здравствуйте, Светлана Николаевна, я сейчас вам всё объясню, мы просто с Катькой решили приколоться над Дашкой.

– Зачем?

– Ну, она тоже ведь мне так ответила, когда я ей звонила.

– Она не узнала тебя? Когда это было?

– Две недели назад. Она долго не звонила. Ни она, ни Катька. Вот я ей и позвонила, а она меня спрашивает, ты кто. Я тогда очень обиделась на неё.

– А потом? Ты ей больше не звонила?

– Нет, я позвонила Катьке, а она говорит, ты тоже сделай вид, что её не помнишь.

– Это Катя тебе посоветовала?

– Ну да. Ещё говорит, чтобы я ей первая больше не звонила.

– А когда ты с Катей последний раз разговаривала?

– Так вот, тогда я последний раз с ней и разговаривала.

Больше я ей не звонила. Светлана Николаевна, а что случилось?

– Алина, что-то с Дашей происходит, она на самом деле теряет память.

– А где она сейчас? В городе?

– Нет, у меня, её привезли друзья. Она спит в соседней комнате.

– Я же не знала! Чем я могу помочь?

Светлана Николаевна посмотрела на меня. Я кивнула.

– Алина, можно к тебе приедут мои друзья, они хотят кое-что спросить у тебя?

– Конечно, пусть приезжают. Я очень хочу помочь. Простите меня, пожалуйста. Если бы я знала! Какая я дура, зачем повелась!

– Ладно, Алина, всё нормально, мы справимся. Так я дам твой номер?

– Конечно.

– Приедут Ольга Ивановна и Алексей Александрович. Всё, до свидания, Алина.

– Светлана Николаевна, – заговорил Сакатов – простите меня великодушно, но я хотел бы Вас спросить о Дашином папе, если это удобно.

– Он давно уже с нами не живёт. У него другая семья. – Она грустно улыбнулась – Она и была у него всегда, он с

нами недолго пожил, а потом снова к ним вернулся.

– Он в Заречном?

– Да. Сейчас это уже в прошлом, но когда-то был целый скандал с его этими переездами. Городок у нас маленький, и всё это было, как на ладони. Его жена нам так и не дала спокойно жить. Конечно, моя вина, что я связалась с женатым.

– А Даша с ним общается? – Спросила я.

– Почти нет, жена ему не даёт с ней видаться, скандалы ему закатывает. До смешного дошло, он начал общаться с Дашей только тогда, когда она в город уехала. Он к ней туда приезжает. Но очень редко. Можно сказать, раз в год.

– А не могла жена Дашиного папы что-то сделать? Наказать Дашу, чтобы было больно вам? – Предположила я.

– Не знаю, но вряд ли. Они уже и без меня раза два разбегались, последний раз он почти год в садовом домике жил. Ему много ведь уже лет. Седьмой десяток. И ей столько же. Не знаю, мне кажется, если она раньше ничего не сделала, то сейчас зачем. Восемнадцать лет прошло. – Она пригладила волосы, потом грустно посмотрела на меня – Что мне сейчас делать? Как помочь Даше?

– Ну, во-первых, обязательно идите в больницу. Даше нужно полноценное обследование. Держите нас в курсе. А мы будем искать причину в другом месте. – Ответила я.

– Мы тоже будем Вас держать в курсе. – Заверил её Сака-тов – И не падайте духом! Поверьте, в жизни много такого, о чём мы даже не догадываемся. Но, по моему скромному

опыту, всё можно решить.

Мы попрощались с ней, и вышли на улицу. Ильи возле машины не было. Мы прогулялись по аллейке до старой площади, обошли дом культуры, и увидели Илью, выходящего из кафетерия.

– Ну что, борцы с бесовской несправедливостью, как успехи?

– Пока никак. – Ответил Сакатов – Но мы уже составили план, как нам действовать дальше.

Пока мы шли до машины, Сакатов рассказал Илье про окружение Даши, а я думала про бабушку Кати. И про то, что сама Катя в этой истории тоже играет определённую роль, хотя и Алина тоже неоднозначная личность.

На следующий день мы созвонились с Алиной и встретили её после работы. Алина, хоть и девушка уверенная в себе, но держалась очень скованно, будто боялась чего-то.

– Вам бы лучше с Катей поговорить. – Сразу же сказала она, как только мы сели в машину.

– Почему? – Удивилась я.

– Мы с Катей мало общались, она больше к Даше приходила. И всегда я чувствовала, что она даже ревнует меня к ней. Даша нас связывала. Одни с Катей мы никогда никуда не ходили. Не знаю, зачем она нужна была Даше. Я, конечно, к ней привыкла с годами, но сейчас мы с ней почти не видимся, и это меня тоже устраивает. И теперь я думаю, что Катя не просто так сказала мне, чтобы я сделала вид, что не

помню о Даше.

– Расскажи про Катю. Какая она? – Попросила я её.

– Да никакая! Скучная. Никогда ничего не рассказывает про себя. В магазины за тряпками только с мамой ходит. В кино тоже не любит ходить. Когда мы парней обсуждаем, она вся съёжится, и будто это ей не интересно. Больше всего она не любит куда-то ходить. Я просто удивлена, что она с нами в Турцию ездила отдыхать. Хотя, знаете, в Турции она была весёлая, совсем не похожая на обычную себя.

– А дома ты у Кати была? – Спросил Сакатов.

– Да, на её дне рождения, полгода назад. Один раз всего она нас звала. Бабка у неё прикольная. У нас с Дашкой всё интересовалась, какие у нас планы, про наших родителей спрашивала. И гладила нас по голове. Ещё звала нас в гости к своей сестре, она где-то в деревне у неё живёт. Говорила, что нам обязательно надо там побывать. Мама Каткина сидела в другой комнате, к нам только один раз вышла, посидела минут пять за столом, и опять ушла, говорит, что плохо себя чувствует. Да, ещё бабка Катина нам по платочку носовому дала, вышитые такие, прикольные. Я свой где-то потеряла.

Я вытащила платок, который мы нашли в Дашиной сумке, и показала его Алине:

– Это от Катиной бабушки?

– Да, у меня такой же был.

– Алина, а мы не можем сейчас проехать к Кате, ты её вызовешь, и мы с ней пообщаемся?

– Можно. А что с Дашкой? Всё плохо?

– Хорошего мало. Надо ей обследоваться. Алина, а почему Даша рассталась с Игорем?

– Так он жадный! Подарил ей на Новый году цепочку, а потом сказал, чтобы она половину денег вернула, потому что это для него большая сумма. Да он всегда такой был, с самого первого дня. Если они гуляли вместе с Дашкой, обязательно все расходы пополам делили. Мне он вообще не нравился. У него квартира есть в городе, так он, когда нас пригласил к себе, весь изнамекался, что ему надо чайник электрический. Дашка сначала не обращала внимания на это, а потом враз накипело и она его бросила.

– И ты ей помогла в этом? – Я посмотрела в глаза Алине

– Из-за тебя они ведь один раз уже ссорились?

– Было дело. – Алина засмеялась – Потому что Дашка слушать не хотела, когда я ей про него говорила.

– Неблагодарное это дело, в чужие отношения вмешиваться. – Сказала я – Так недолго и друга лишиться.

– Но и молчать нельзя! – Ответила Алина – Кто ещё правду скажет, если не друг.

– Правда не должна быть навязчивой. – Поддержал меня Сакатов – В итоге, мы только на своих ошибках учимся, чужие советы не все любят слушать.

Мы подъехали к общежитию Кати, и Алина набрала её номер.

–Странно, не доступен.

– Да, мы ей звонили. Алина, а у тебя есть номер её мамы?

– Да, мы путёвки через неё покупали, с тех пор остался.

Сейчас наберу, спрошу.

Мама Алины ответила сразу.

– Тётя Лена, это Алина. Да, конечно, спасибо, всё хорошо.

Я Кате не могу дозвониться. Всё у неё нормально? Зачем? Даже мне? Конечно, позвоните, спросите. Я очень хочу с ней поговорить. Спасибо.

Она повернулась ко мне:

– Катя сейчас на другом номере, ни с кем не хочет общаться, сказала, чтобы никому её номер не давали.

– Как ты думаешь, почему?

Ответить она не успела, снова зазвонил её телефон.

– Да, тётя Лена. Почему? А что случилось-то? Нет, не ссорились. В майские праздники вместе ездили домой. Нет, после этого её не видела. А когда у неё экзамены заканчиваются? Она домой после этого приедет? Конечно, приду и поговорю. Спасибо. – Она повернулась ко мне и виновато улыбнулась – Я ничего не понимаю! Катя не разрешила дать мне свой новый номер. Я в шоке. Мы с ней ни разу за всю жизнь не поссорились! Если бы это сделала Дашка, у меня ещё какое-то бы было ей оправдание, мы с ней сто раз навек расходились. Но эта .... мышь!

Алина бросила в сердцах телефон в сумку.

– Алина, – Сакатов повернулся к ней и спросил – а ты знаешь, в какой комнате Катя живёт?

– На втором этаже, окна на ту сторону выходят. Окно знаю.

– А давай-ка мы к ней сами придём. На вахте скажем, что родители. А, Оля? Приехали неожиданно, надо срочно поговорить с дочерью. У меня паспорт с собой, оставим на вахте.

– Так у тебя же фамилия другая. – Запротестовала я – Нас не пропустят.

– А может я когда-то бросил семью, а мама снова вышла замуж. Да можно такого наплести! Пошли, посмотрим, где окно, чтобы сориентироваться с расположением комнаты.

Проход в общежитие оказался проще, чем мы думали, поэтому мы с собой взяли и Алину. На вахте сидел молодой парнишка, мы ему дали паспорт и он нас запустил, почти не слушая про наши сложные семейные отношения. Общежитие было полупустым, многие уже разъехались по домам после экзаменов. На наш стук в дверь открыла сама Катя. Она от неожиданности так растерялась, что просто повернулась и пошла села на кровать, глядя испуганно на нас. В комнате она была одна.

– Катя, что случилось? Что у вас всех случилось? Дашка заболела, ты со мной не хочешь разговаривать! – Затараторила Алина, присаживаясь рядом с Катей.

Потом она немного отстранилась от Кати и удивлённо спросила:

– Что с тобой? Ты какая-то... не такая. У тебя всё нормально?

Катя уже отошла от шока и ответила тусклым тихим голосом:

– Мне заниматься надо, у меня завтра экзамен. Извините, мне некогда.

– Катя, когда ты возила Дашу к своей бабушке в деревню? – Я решила, что пока Катя совсем не оправилась, лучше задать ей вопрос в лоб.

Она распахнула свои глаза, и, испуганно глядя на меня, залепетала:

– Мы только на один день, всё нормально, Даше понравилось. Ей носки подарила бабушка Нюра.

– Даша после этого начала терять память. Ты поэтому сказала Алине, чтобы она тоже сделала вид, что не помнит Дашу?

– Мы пошутили, это Алина сказала, я не знаю.

– Катя, ты что? – Алина от возмущения чуть не подскочила – Ты же мне сказала, чтобы я тоже сделала вид, что не помню Дашку!

– Может быть, не знаю. Я не помню разговор. – У Кати на глаза навернулись слёзы – Я ничего не знаю! Мы просто съездили в деревню, а что там было, я не знаю!

– Хорошо, не знаешь, так не знаешь! – Миролюбиво заговорил Сакатов – Мы ведь ни в чём тебя и не обвиняем. Ты ничего не видела, ни в чём не участвовала. Тебе ведь твоя бабушка сказала, чтобы ты Дашу привезла в деревню?

– Да, она сказала, что надо попроведать бабу Нюру, а од-

ной мне будет там скучно.

– Но ты ведь знаешь, что не просто так надо было Дашу привезти, да? Надо было помочь вашей бабе Нюре, она ведь старенькая, а Даша вон какая молодая, у неё здоровья на двоих хватит.

Катя зло уставилась на Сакатова:

– Никто ничего Даше плохого не делал, это всё неправда! И при чём тут здоровье бабы Нюры!

– Катя, сейчас Даше лежит у мамы и в себя не приходит. А до этого она частично потеряла память. И твоя бабушка оставила на ней знак. Ты его видела?

Даша замотала головой:

– Нет, я ничего не знаю про знак. Бабушка бы никогда ничего плохого не сделала Даше. Я не знаю, почему Даша заболела.

– Катя, скажи нам честно, что ты знаешь. Понимаешь, от этого зависит жизнь твоей подруги. Она может просто не проснуться.

– Но что я вам расскажу? Мне бабушка сказала съездить к бабе Нюре, мы там отдохнули, позагорали, на следующий день вернулись домой.

– А что меня не позвали? – Спросила Алина – Мы же всегда вместе ездили!

– Бабушка сказала, что места в доме мало, только двое могут приехать. Прости, Алина. Бабушка Нюра еле ходит. И через порог еле перешагивает. Ей очень много лет.

– А что же её вы к себе не заберёте? – Вмешался Сакатов
– Ей же трудно, наверное, одной в деревне?

– Бабушка её звала, но она не хочет ехать к нам.

– А в какой деревне она живёт? – Сакатов посмотрел на Катю и улыбнулся – Где-то недалеко?

– Недалеко. – Кивнула Катя – В Калюткино.

– Понятно. А почему ты всё-таки номер после этого сменила? – Сакатов всё так же улыбался, но взгляд его выдавал настороженность.

– Мне бабушка сказала, чтобы я перестала с девочками общаться. – Катя опустила голову – Говорит, надо об учёбе думать, а они не учатся, только о парнях и думают.

– А месяц назад, когда Дашу ты звала в деревню, разве всё было по-другому? Почему именно сейчас всё так изменилось? – Снова спросил Сакатов.

– Не знаю! – Голос Кати предательски дрогнул – Что вы от меня хотите! Я ничего не знаю, мне надо готовиться к экзаменам!

– Ну всё, всё! – Миротвориво заговорил Сакатов – Спасибо, что уделила нам время. А Алине зря номер свой не дала, старых друзей не надо терять, даже если у тебя появились новые. Алина, ты с нами?

– Да. Прощай, Катя, хорошо тебе сдать экзамены, и вообще, всего хорошего! – Алина встала, и решительно направилась к двери.

– Алина! – Катя соскочила с койки – Пожалуйста, остань-

ся!

– Так тебе же к экзаменам надо готовиться! – Алина оставилась.

– У меня сегодня был последний экзамен. Я всех обманывала, и маму, и бабушку, чтобы домой не ехать. Не хочу. Пожалуйста, останься со мной! – Катя с надеждой посмотрела на Алину.

– Хорошо, только провожу Ольгу Ивановну с Алексеем Александровичем, и вернусь.

Мы попрощались с Катей и спустились к вахте.

– Я постараюсь ещё что-нибудь у неё узнать. И мы с ней съездим к Даше вместе. Может, надо что помочь. Я позвоню вам. – Алина махнула нам рукой и пошла обратно.

Илья стоял возле входа в общежитие.

– Ну что, Катина работа? – Спросил он.

– Не именно Катина, но её родни. – Ответил Сакатов – Для чего это сделано, мне кажется, я догадываюсь, здоровье для бабки деревенской решили позаимствовать у молодой девушки.

– Вот сволочи! – Илья открыл машину – Ненавижу ведьм! Всё бы им подольше пожить за счёт других! Хочу вернуть то время, когда ведьм сжигали!

– А знак зачем было ставить? – Спросила я.

– Так может он и контролирует передачу здоровья от Даши к бабке. – Ответил Сакатов.

– Здоровья они захотели, это понятно, но почему у Даши

память-то пропадает? Зачем бабке её память? – Я этого действительно не понимала.

– Может побочный эффект? – Предположил Илья.

– Или мы что-то не до конца понимаем! – Вздыхнул Сакатов – Надо ехать к бабе Нюре.

– Она, поди, уж прыгает там через скакалку, накачала здоровья себе. Где она живёт? – Спросил Илья.

– В Калюткино.

– Ерунда, пятьдесят километров. Завтра суббота, можно прямо с утра ехать. А вы знаете, где её там искать?

– Нет, конечно, – ответила я – сейчас Алине напишу, чтобы как-нибудь выпытала у Кати.

– Хорошо, поедem с утра. – Согласился Сакатов – Я сегодня постараюсь ещё раскопать что-нибудь про знак паука и потерю памяти.

Вечером мне позвонила Алина.

– Ольга Ивановна, мне кажется, что бабки у Кати колдуньи!

– Нам тоже так кажется, что ты ещё узнала?

– Только то, что бабушка очень боится за Катину маму, и Кате кажется, что бабушка чувствует себя виноватой перед ней. И они иногда с ней ругаются. И бабка деревенская тоже, когда раньше приезжала к ним в гости, тоже перед Катинной мамой себя чувствовала виноватой. Кате кажется, что они на её маму что-то там раньше наколдовали.

– Может здесь что-нибудь другое. И Катя просто с

предубеждением к своей бабушке относится.

– Мы завтра едем с Катей в Заречный. Повидаем Дашу. Я схожу к Кате в гости, мы с ней уже договорились, что при её бабке разговор начнём про Дашу.

– Алина, не надо. Не ходи к Кате, по крайней мере, завтра. Давай вечером созвонимся. Ты, как от Даши придёшь, набери меня. Хорошо? И ещё, мы, когда зашли к Кате, ты сказала, что она какая-то не такая. Что ты имела в виду?

– Не знаю, как объяснить. Но она будто повзрослела за это время. Изменилась она, это точно. Вот поедем с ней в Заречный, побольше пообщаемся, тогда я и пойму, что с ней не так.

Что-то мне совсем не хотелось, чтобы Алина спровоцировала бабуку на откровенный разговор. Катя и так сама бабушке скажет, что мы к ней приезжали. И бабка может запаниковать. Я поймала себя на мысли, что уж не очень ли большого я о себе мнения, и может это нам с Сакатовым впору начать паниковать?

Глава3. Калюткино.

Рано утром мне позвонил Сакатов. Ну не спится же человеку! Разве можно людям в субботу звонить в половине восьмого!

– Оля, что я откопал! Ты слушаешь? В восемнадцатом веке в деревне Сосновка, это километрах в ста от Екатеринбурга, крестьяне целую семью ведьм утопили в реке. За то, что они насылали разные болезни на их скот, и за то, что отбирали молодость у девушек! Поняла? По факту этого дела приезжали жандармы разбираться, но почти целый год длилось следствие, и жандармы признали крестьян невиновными. В резолюции на этом деле написано, что действие это они совершили в порядке самообороны, так как семья Аникиных, это фамилия утопленных женщин, вредила людям, в церковь не ходила, и неоднократно была замечена в призывах дьявола. Вот так! Не больше и не меньше! Они дьявола вызывали! Самое главное в том, что они отбирали молодость у юных дев!

– А про память что? У Даши никто молодость не отобрал, она так же на свои двадцать три года и выглядит.

– Послушай, Оля, там написано, что девушек уводили в лес, и некоторые вообще не возвращались. Я думаю, что они теряли память и не могли вспомнить, куда им надо вернуться. Потому что, когда первая такая жертва вернулась в де-

ревню, она не домой пошла, а начала бесцельно бродить от дома к дому. И её родные не узнали, так как она выглядела, словно столетняя старуха! А когда начали её расспрашивать, кто она, откуда она, она сказала правду, но ей не поверили. Её посчитали умалишённой старухой. Но когда через некоторое время пропала ещё одна девушка, и снова появилась очередная старуха, утверждающая, что она именно та, которая потерялась, тогда все и задумались. А потом ещё две девушки вообще не вернулись. Крестьяне разоблачили эту колдовскую семейку, когда те собирались ещё одну девушку обработать, да той удалось сбежать. Она рассказала, что её они околдовали, что она даже не могла противиться их воле, и повели куда-то. А в это время гроза загрохотала, девушка и очнулась. Побежала к деревне. Вот после этого и совершили местные жители самосуд над колдуньями.

– Похоже, что наш случай не уникален.

– Совершенно не уникален. И ещё я нашёл старую историю про крестьянина Емельяна Головина. Он женился на своей односельчанке Агапе, и у них было уже шестеро ребят, когда случилась эта история. Емельян со своей семьёй жили бедно, впроголодь. Их барин совсем не заботился о своих крестьянах, выгребал всё под частую каждую осень, но зато отпускал их на заработки в город, чтоб совсем с голоду не померли. Вот Емельян осенью и ушёл с другими мужиками в город на заработки. Работал там себя не жалея, копеечку каждую экономил, чтобы домой было с чем вернуться. А к

началу полевых работ, ранней весной, вернулся домой. Приходит, а жена его Агапа просто расцвела, словно снова невеста. Он подивился, но она на все его расспросы только отшучивалась, что, мол, его ждала, вот и старалась. И чтобы он в городе другую зазнобу не встретил, помоложе. Всё лето они с женой на поле работали, с первыми лучами солнца вставали, и до ночи не разгибали спину. А у Емели был младший брат, в той же деревне жил, ещё не женатый, собирался в том году жениться, и деваху себе уже подсмотрел. Емеля его спрашивает, что, свадьба-то когда будет? А брат ему и говорит, а ты что, не слышал, этой зимой у нас в деревне две девки заболели да померли. Да так странно, легли вечером здоровые, а утром их нашли замёрзшими у реки. Одна из них и была его невеста. Но мы знаем, что к смерти в древние века не так относились, как сейчас, даже когда молодые умирали. Бог дал – бог взял. И брат уже себе другую невесту нашёл. А Емельян задумался. И стал он замечать, что жена его Агапа, каждый вечер работу по хозяйству допоздна делает, ни разу с ним вместе спать не легла, и всё у неё отговорки, что, мол, работы у неё много. А Емельян за день так упадется, что только до подушки, и всё, до утра спит. И тут неясная тревога у него появилась, стал он приглядываться к жене. Вроде и его Агапа, да не его. Другая какая-то стала. Смелее, сильнее, увереннее. Это всё и неплохо, но куда денешь тревогу в сердце, какую словами и не объяснишь. Раньше-то как было, Агапа делами занимается, а походя, то одного из ре-

бятишек по головке погладит, то другого прижмёт. А сейчас ласки от неё никто и не видывал, ни Емельян, ни дети. Вот и решил Емельян понаблюдать за своей женой тогда, когда она думала, что он спит. Также с вечера лёг на кровать, Агапу позвал, она, понятно дело, сказала, что работы много. Через некоторое время он громко засопел, чтобы она подумала, что он уснул, и стал ждать. Агапа тихо подошла к кровати, послушала, удостоверилась, что Емеля уснул. Потом накинула шаль на голову и выскользнула из дома. Емельян – за ней. Она огородами, да в лес. Он – за ней. Еле успевает, больно быстра стала его женушка. Подбегает Агапа к речке. Раздевается донага и в воду кидается. Поплавали Агапа, на берег вылезла, оделась, и подошла к кромке воды, склонилась над ней и что-то зашептала. А потом говорит кому-то: «Подожди, скоро и ты так же будешь воздухом дышать, траву топтать, да на солнце греться. Потерпи немного». И убежала домой. А Емельян подошёл к тому месту, где Агапа с водой разговаривала, наклонился к воде и чуть удар от страха не схватил. На него, из тёмной пучины глядела столетняя страшная старуха, кожа на ней давно сползла с костей, глаза ввалились, губы впали, вся такая костлявая и волосы седые течение колышет. Потянулась она к нему, да Емельян соскочил с колен и побежал, что есть духу домой. Возле деревни остановился. Задумался, что теперь делать с Агапой. Ведьмой стала его любимая жена. Как теперь детишек с ней оставишь? И не она ли загубила девушек, ради красоты сво-

ей? Пошёл он к брату своему, тот удивился, что да как, вот и рассказал ему Емельян, всё, как на духу. И вместе решили они, что делать с Агапой. Когда он вернулся домой, Агапа испуганно спросила его, не случилось ли чего, где он был так поздно. Она только во двор вышла, вернулась, а я его уже след простыл. Ответил Емельян ей, что забыл он предупредить брата своего насчёт завтрашнего сенокоса, вот и пришлось к нему сходить. Агапа поверила ему. А на следующую ночь, он опять прокрался за Агапой на реку. И как только она прыгнула в реку, он спрятал одежду её. Выходит Агапа, туда, сюда, а одежды-то нет! И выходит к ней Емельян, она смотрит на него, и лицо её начало меняться. Злоба сделала лицо её похожим на ту старуху из воды, зашипела она, как змея, протянула свои когтистые лапы к нему и прыгнула на него. Он схватил её за руки, да где там! Словно разъярённая медведица напала на него, ладно брат его подкрался сзади и стукнул по голове её обухом. Потом отрубили они голову ей и бросили в воду. Вода окрасилась в чёрный цвет, забурлила, запахло тиной и болотом. Вот такой конец был у одной ведьмы, которая забирала красоту и молодость у других девушек.

– Да где ты такие истории жуткие находишь! – воскликнула я – Я нигде про такое не читала!

– Конечно, ты не читала! Все же любят про любовь, да про счастье читать. Знаешь, сколько всего на свете творилось и творится до сих пор! Не надо, как страус, голову в песок прятать. Надо с этим уметь сражаться. И мы с тобой долж-

ны быть готовы, что та ведьма, которой сейчас досталась молодость или здоровье Даши, будет сражаться за них, как та разъярённая медведица.

– Ну хорошо, поняла я. Так что мне надо делать?

– Во-первых, возьми с собой оберег. Обязательно! И ещё, ты же говоришь, что не забываешь ни одно из тех заклинаний, которым тебя научила Анна?

– Да, не забываю. Но, видишь ли, каждое заклинание к конкретной беде привязано, а против ведьм у меня нет заклинаний.

– Феломена же тебя учила огнём защищаться!

– Нет, она мне на время дала силы этим пользоваться, так сказать, напрокат. Она была рядом, поэтому я могла вызывать огонь. Но я предлагаю лучше. Газовый баллончик. У меня остался с тех пор, когда мы за Лазутчиком гонялись. Против него трудно выстоять. Я тебе дам газовый баллончик, он полный, можно им целый полк ведьм до слёз довести.

– Ага! Доведёшь их. Ладно, уговорила. Будем считать, что защиту себе мы обеспечили.

Илья и Сакатов приехали ко мне в девять часов, у меня все позавтракали перед дорогой. Илью тоже очень интересовало, как мы сами будем защищаться от ведьмы.

– Хорошо бы нам ружьё купить! С ним бы мы себя намного спокойнее чувствовали! – Мечтательно произнёс Сакатов.

– Ага, с серебряными пулями. – Добавил Илья с ехидцей – Что мелочиться!

– У нас есть баллончик, и этого пока достаточно. – Сказала я – Там же старушка, одна, еле ходит.

– Еле ходит, но летать и злодеяния творить умеет! – Илья покачал головой – Надо этот вопрос будет продумать. Может нам чеснока наесться?

Мы поехали в Калюткино, так и не решив, как нам пополнить наш арсенал. Когда мы выехали из города, мне позволила Светлана Николаевна. Дашу она записала сначала к терапевту, решила, что надо сдать анализы, а там уж терапевт сам решит, к какому специалисту её направить. Услышав, что мы едем в Калюткино, где были Даша с Катей, она сказала:

– Да, бабушка у Кати держит их с матерью в ежовых рукавицах. Когда Лена жила ещё в Екатеринбурге, мы с ней встретились случайно в магазине, она на выходные к своим приехала. Стоит возле прилавка, задумалась о чём-то, я к ней подошла поздороваться, она вздрогнула и быстро так мне сказала: «Как я хочу Катюшку увезти отсюда! Они ей так же, как и мне, жизнь испортят». Никогда раньше и никогда потом она больше мне ничего не говорила про бабушку. Но этот крик души я помню.

Калюткино – довольно большое село, хотя, как и везде сейчас, в большинстве там живут дачники. В деревне даже есть старинная церковь, стоит на холме и её видно со всех сторон, очень красивая. Сакатов назвал это уральским барокко. Он показал нам на скалы, которые возвышались над

деревней:

– Базальтовые скалы, памятник природы. Очень живописные. Здесь выходят на поверхность залежи мрамора и базальта.

Илья поехал медленнее, что бы мы могли полюбоваться на них. Скалы в нескольких местах были почти гладкие. Цвет в них чередовался от голубовато-серого до ржаво-жёлто-коричневого. Особенно красивой мне показалась скала, которая состояла из трёх почти одинаковых и ровных пластов, стоявших друг за другом как тарелки в сушилке. Просто не реальный, не земной пейзаж! Прямо на скалах растут сосны, подчёркивая своей зеленью монументальность скал. Река Исеть неспешно протекает по селу, разделяя его на две половины. Со всех сторон к Калюткино подходят леса. Небо с утра было затянуто тучами, поэтому всё было окрашено в сказочные серо-голубые тона. Берендеево царство!

Бабушка Нюра жила в конце самой длинной улицы, немного поодаль от соседей. Дом её ничем не выделялся от других, такой же старый, серый, стоящий за таким же старым и серым деревянным забором. Мы поставили машину прямо напротив её окон.

– Я пойду одна. – Твёрдо сказала я – Не будем старого человека пугать такой большой делегацией.

– А если она тебя сразу в лягушку превратит? Как мы тебя узнаем? – Спросил Илья – Ты не забывай, она не простая бабка, а старая ведьма.

– Да, Оля, опасно в такое место по одному ходить. – Поддержал его Сакатов – Давай, хоть я с тобой пойду.

– Нет, я иду одна. Если что, буду кричать.

– Или квакать, смотря в каком виде ты на тот момент будешь. – Добавил свою ложку дёгтя Илья.

Я подошла к воротам и постучала в них колотушкой, висевшей на верёвке. Тишина. Я толкнула калитку. Закрыта. Я снова постучала, но уже сильнее. Рядом раздался голос:

– Иду, слышу. Видела, что подъехали.

Раздалось какое-то кряхтение, и калитка открылась. Передо мной стояла бабушка обычного деревенского вида. Длинная цветастая юбка, футболка, на голове платок, из-под которого выбиваются седые пряди. Но взгляд! Цепкий, недобрый, с хищным прищуром. Ей-богу, не шучу! Да и какие шутки, когда я про себя сразу подумала: «Ведьма!»

Видя, как я на неё внимательно смотрю, она улыбнулась, подслеповато щурясь, и сразу превратилась в милую старушку.

– Вы на одну ночь? Или на две? – Спросила она меня.

– На одну. – Я сразу поняла, что она сдаёт в наём жильё – А можно посмотреть комнату?

– Смотрите. Одна посмотришь, или все зайдёте?

– Одна.

Она повернулась, и, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, зашагала передо мной к дому. Нет, она ещё не скакала на скакалке, это точно. Во дворе у неё было чисто вымете-

но, у стенки сарая, под навесом, аккуратно сложена поленница, напротив неё круглая клумба с анютиными глазками. Дверь в дом настежь открыта, там полнейшая темень, но она включила свет, и я увидела небольшую чистенькую веранду с двумя дверями. Она открыла правую дверь и махнула мне рукой, чтобы я туда прошла. Комната с большим окном, у одной стены диван, у другой кровать, застеленная голубым узорчатым покрывалом. Между ними круглый стол под клеёнкой. Прямо у двери узкий шкаф. Я словно очутилась в старом советском времени. Полный минимализм и давно забытый уют, не отягощённый забитыми до краёв полками с китайским ширпотребом. На полу два половика, один постелен на полу вдоль дивана, другой вдоль койки.

– Хорошо, – сказала я – а как тут у вас с питанием?

– Можете готовить, у меня баллон с газом. Кухня в избе. Посуду дам. За собой убирать только придётся вам самим, я сама видишь, еле хожу.

– А у вас тут тихо? Никто не включает громко музыку?

– Тихо, в нашем краю тихо. Так остаётесь?

– Да, остаёмся.

– Деньги вперёд. Постельное бельё чистое. Если баня нужна, топите сами и воду таскайте тоже сами. Как тебя зовут-то?

– Оля. А вас?

– Анна Фёдоровна меня зовут. Но можешь меня называть баба Нюра. Меня все так называют.

– Так вы тут одна живёте?

– Одна, а кого мне тут ещё надо?

– Так прямо у леса, хоть бы собаку завели.

– Я сама, как собака. – Она усмехнулась – Заселяйтесь.

Она повернулась и зашла в другую дверь, которая вела в дом. Я вышла из двора и подошла к машине. Сказав, что баба Нюра меня приняла за туристку и сдала мне комнату, я спросила:

– Там кровать и диван, то есть можно двоим остаться. Илья, ты можешь уехать, мы завтра на автобусе вернёмся. Ты будешь проезжать мимо остановки, посмотри расписание, мне позвонишь и скажешь.

– Не скажу, что я расстроен. – Честно признался Илья – Но я буду на связи, если что, звоните.

– Я вообще-то планировал сегодня вернуться в город, – вздохнул Сакатов – да ладно, места здесь хорошие, походим, посмотрим окрестности.

– Какие окрестности! – Возмутилась я – Мы же здесь по делу. Поезжай с Ильёй до магазина, купи лапши, тушёнки, я буду готовить на кухне и общаться с бабой Нюрой. А ты приглядывайся.

Я достала свою сумку из машины, и они уехали. Я увидела, как в окно смотрит баба Нюра. Это ж надо так ненавидеть людей! Даже не скрывает этого. Или она не понимает всю тяжесть своего взгляда? Я прошла до своей комнаты. Она вышла ко мне, и назвала сумму, которую я ей должна за два

дня. Слава богу, что она реально оценивает звёздность своей гостиницы. Это меня немного успокоило.

– Уборная во дворе, за поленницей. – Бросила она мне, выходя из комнаты.

Я села на диван. Наверное, Катя и Даша тоже в этой комнате ночевали. Надо найти место, где они шашлыки жарили. Не знаю, почему мне пришла в голову такая мысль, может под воздействием сказки Сакатова, в которой ведьма бегала к речке и разговаривала со страшной старухой в воде. Я откинула покрывало на кровати и проверила простынь, матрас, под подушкой, но никаких подложных предметов там не было. Я даже под кровать заглянула. Зато под диваном лежал старый чемодан. Я оглянулась на дверь, вроде там тихо, и осторожно выдвинула его, чтобы приоткрыть и посмотреть, что в нём. Замки были ржавые, поэтому я еле его открыла. Там лежали какие-то тетрадки, исписанные неровным почерком, вырезки из старых газет, и письма. Я быстро взглянула на адрес, Томская область, деревня Чекасино. И штамп на конверте, одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год. Ого! Давненько написано. Я снова задвинула чемодан под диван, и села к столу. Любопытство просто распирало меня, но я решила не рисковать, будет время, успеем посмотреть. Сакатов любит такую старину, если я ему скажу про содержимое чемодана, он, точно, спать не будет, но всё изучит.

Я выглянула в окно, которое выходило на огород. Огромная площадь была засажена картошкой. И как бабушка, ко-

торая еле ходит, смогла засадить соток пять, а может и больше! И причём, она вся уже окучена, сорняков не видно. Ровные грядки образцово тянутся до самого забора. Вернулся Сакатов, я ему сразу сказала про чемодан с документами. Он заинтересовался, и мы решили, что я пойду готовить нам обед, а он будет изучать содержимое чемодана.

Баба Нюра сидела возле окна в комнате, и подшивала на руках какую-то тряпку, похоже, полотенце. Она, видя, что я направляюсь на кухню, сказала, чтобы я принесла воды. Колодец был напротив соседнего дома, я набрала сразу два ведра и огляделась. Всё вокруг было в кустах рябины, и только у бабы Нюры перед окнами росли две берёзки. Соседей не было видно. Прямо за огородом у неё было чистое поле, за которым начинался реденький лес. Река Исеть, которая протекала через деревню, была метрах в ста от её дома. Берег в этом месте был пустой, только трава и несколько низкорослых кустарников.

Вернувшись в дом, я поставила кастрюлю с водой на газ и присела рядом с бабой Нюрой.

– Много у вас в деревне туристов приезжает? – Спросила я, чтобы начать разговор.

– Хватает, ползают по скалам да по лесам, ищут что-то. Что им не ползать! В городе в выходные делать ведь нечего, огородов у них нет, дрова заготавливать не надо. – Ответила она нехотя.

– А как же Вы справляетесь с таким большим огородом!

У Вас есть помощники? – Спросила я.

– Нет у меня никаких помощников, разъехались все. Так и справляюсь. – Серdito ответила она.

– Так можно и меньше садить, Вам одной много ли надо! Такой огород для большой семьи годится. – Осторожно сказала я.

– А на что тогда жить? Пенсия не велика у меня, а осенью я сдаю картошку, вот этим и зарабатываю, а ещё комнату летом сдаю. Вот как вам.

– А много ли у Вас тут дачников?

– Много. Посчитай, больше половины к зиме разъезжаются. Рядом со мной никто из соседей зимой не живёт. Так, на выходные иногда приезжают, дома свои попроведавать.

– Места у вас тут красивые, давно Вы тут живёте?

– Давно.

– Родились здесь?

– Родилась я в другой деревне.

– А откуда вы приехали?

Она отложила шитьё и внимательно посмотрела на меня.

– А ты что так всё про меня узнаёшь? Спроси, что хочешь узнать, да не ходи рядом да около. Что хочешь узнать?

– Да ничего определённого, просто интересно.

– Ничего интересного в моей жизни нет. У тебя вода уже закипела, иди, вари.

Я сварила лапшу, обжарила её с тушёнкой и пошла в свою комнату.

Сакатов сидел, как на иголках.

– Оля, ты что так долго! Представляешь, я начал читать вырезки из газет и журналов, и они все по одной теме. Кто-то долгие годы собирал всю информацию о реках, уходящих под землю, и которые потом выныривают в другом месте!

–А что, и такие есть?

– Есть, и они у нас на Урале. Например, река Сим. Она уходит под землю резко у подножия горы, и снова выходит на поверхность с другой стороны горы. И там есть чудесное место, это ключ, который бьёт прямо из скалы. И он изливается регулярными толчками. Три минуты бьёт сильно, а потом три минуты спокойно, и так всегда. А в Пермской области, рядом с посёлком Кын, ныряют под землю притоки Чусовой и потом выныривают обратно. Местные называют места, где вода ныряет под землю нырками, а где они выходят обратно на землю – вынырками. Например, река Кумыш ныряет под землю, и там проходит шесть километров, и только потом выныривает из-под скал. Но есть и абсолютный рекордсмен по подземному прохождению, это река Губёшка, правый приток Косьвы, она под землёй проходит целых десять километров.

– И что там за газетные вырезки по этому поводу?

– Больше всего про Кумыш. И фотографий этой реки много, и про грот в скалах много написано. Статья археолога Серикова об обследовании пещеры, которую пробил река. Смотри, какая необычная скала, прямо на реке стоит, словно

старинный замок. Интересно. Да, ещё там сохранилось погребение каменного века. И там же найдены были предметы, относящиеся к семнадцатому веку. Археолог пишет, что в пещере приносили в жертву людей. А возле пещеры памятник, старый и ржавый. Непонятно, кому он поставлен. Знаешь, смотрю я на эти фотографии, и мне всё больше кажется, что эти скалы хранят очень большие тайны. И кто-то не просто так, не от простого любопытства так интересовался реками, которые уходят по земле, а потом снова возвращаются на свет божий. Не связано ли это, каким-то образом с той водой, в которой злые ведьмы караулят свои жертвы. У меня даже в голове появился какой-то неясный пока сюжет этого действия. Я, правда, пока не могу его ухватить, чтобы сформулировать и озвучить тебе. Просто он пока вокруг меня витает.

– Да, очень интересно.

– Оля, именно в таких местах иногда люди находят такие странные вещи, которые полностью переворачивают их жизнь, и жизнь других людей. Я тебе хочу рассказать про пещеру в горах Бадахшан, это в Таджикистане. Когда-то на их месте были ледники, которые совместно с тектоническими процессами и сформировали современный ландшафт. И следами их действия остались в горах бесчисленные лабиринты и глубокие ниши, уходящие глубоко в скалы. Так вот, в конце девятнадцатого века началось активное освоение этой территории. Тогда-то и случилась эта таинственная история.

Экспедиция Русского географического общества в одна тысяча восемьсот девяносто пятом году была снаряжена Туркестанским генерал-губернатором Вревским. В команде было семь человек, и командовал там никому не известный преподаватель истории Пашенин Владимир Игнатьевич. К тому времени у него был ещё небольшой стаж преподавания, были всего две статьи в столичном издании, но коллеги его ценили, а студенты обожали. Вот и отправился Пашенин со своими лучшими студентами-историками в холодные пещеры загадочного Бадахшана. Они там изучали лёссовые толщи, которые являются настоящей летописью прошлых веков. В одном из расколов они нашли богатую коллекцию раннепалеологических орудий труда. А за водой они спускались к подземной реке, пробегающей в одной из низкорасположенных пещер. Обычно они по двое ходили, кто-то из экспедиции и мальчишка-проводник. А тут они проводника послали наверх, в свой палаточный лагерь, поэтому пошёл один студент. Набрал он воды во фляжки и пошёл обратно. Путь они везде краской на стенах отметили, чтобы в длинных и хаотичных коридорах лабиринта легче было ориентироваться. Увидел студент нишу в отвесной стене коридора, а там внутри неё что-то вроде поблёскивает. А коридор тот не был помечен краской, значит, тот ход не был изучен, и Пашенин строго-настрого запрещал соваться в такие коридоры. Но когда это кого останавливало! Студент просунул руку с факелом подальше в нишу и заглянул, чтобы посмотреть, что там

отражает свет. И в это время что-то мелькнуло перед его глазами, затушило факел и укусило его за руку. Взыл от боли студент и повалился на холодный пол пещеры. И лежал так в темноте, пока его товарищи не прибежали на крик. Посмотрели руку, рана небольшая, но глубокая, как от двух клыков. Обработали они её, а к тому времени и проводник вернулся, они раненого с проводником наверх, в лагерь отправили. На вопрос, как выглядит тот хищник, который укусил его, студент так ничего внятного и не мог сказать, что-то тёмное, большое, быстрое. И звуков от его шагов совсем не было слышно, мягко передвигался, неслышно. Пашенина тоже заинтересовал предмет, который был где-то в глубине этого нового коридора. Он со студентами спустился до самого дна коридора, который оказался тупиковым, и видят они, что там кувшин медный лежит. Длинный, примерно с метр, узкий, весь уже зелёный от старости, а выдавленное на его боку изображение какого-то животного, похожего на козла, блестит так, словно его только что начистили. Они подняли кувшин в лагерь, раскупорили его, а в нём скрученный пергамент лежит и деревянная рогатина. На пергаменте рисунок – профиль человека, следом профиль с рогатиной, одеждой на нос, а над макушкой человека луна в последней фазе, и третий рисунок, профиль человека с рогами, а над ним корона. Пашенин был атеистом, как и все учёные его времени, поэтому такую трансформацию назвал выдумкой, игрой шаманов, и сказал, чтобы они не обращали внимания

на это мракобесие. И сам не обратил внимания на то, что луна над ними в то время как раз была в своей последней фазе. Они снова спустились в пещеру, а раненного товарища оставили в лагере, долечиваться. Вышли они из пещеры, когда была уже полночь. Сразу заняли свои спальные места, и не заметили, что раненый в лагере отсутствует. А утром встали, начали кашеварить, потом поели и начали записывать и систематизировать находки и свои наблюдения, и тут поняли, что раненого то нет в лагере. Они обычно оставались в лагере, пока солнце не начинало печь, после этого только спускались в пещеры. А тут, какие пещеры! Начали они его звать, потом искать, но его нигде не было. Так целый день под палящим солнцем и искали его. А вечером возвращаются в лагерь, усталые, вымотанные, а там, на матрасе, на котором ранее спал раненый, лежит горный козёл, а кончики рогов его блестят, покрытые золотом. Они его гнать, а он отбежит, и опять старается в палатку заскочить. В конце концов, прогнали они его. Так они ещё несколько дней искали потерявшегося товарища. Местные подключились. А мальчишка-проводник своему деду рассказал историю о забежавшем в палатку козле с золотыми рогами. Потом он пришёл к Пашенину и сказал, что этот козёл и есть их потерянный раненый товарищ. И передал ему то, что сказал ему дед. Оказывается, у их народа давно существовала такая история, что в горах их живёт нечистый Бала, который заманивает путников в пещеры, превращает их в животных, потом сам охотит-

ся на них и съедает. Кинулся Пашенин в палатку, заглянул в медный сосуд, а там нет ни пергамента с рисунками, ни этой чёртовой рогатины. А мальчишка-проводник добавил, что дед сказал, что надо сосуд этот медный уничтожить, чтобы не было ни у кого соблазна больше в него ничего положить. Потому что именно сам этот сосуд нечистый. Его изготовили лунные духи, которые служат Балу. Пашенин хоть и не поверил, но смял молотком сосуд так, что он стал плоским, как пластина. А потом бросил в глубокий колодец, который был на самом выходе из пещеры, и был настолько глубокий, что когда они бросили туда камень, они так и не услышали, как он стукнулся о дно. А на следующий день они нашли прямо у входа в пещеру растерзанный труп этого козла с позолоченными рожками. Вот так, Оля, обернулась таинственная находка для одного из членов экспедиции.

– Стопроцентная сказка! – Засмеялась я.

– Не скажи! А как, по-твоему, появилась сказка о золотой антилопе? Слышала такую? На пустом месте сказки не появляются! Может какие-то мелочи народ и сочиняет, чтобы приукрасить историю, и чтобы интереснее она была, но событие в сказке обязательно такое было. И не спорь.

– Особенно в сказке о колобке! Ладно, пошли, поедим, а потом походим по окрестностям, то баба Нюра заподозрит нас, что мы не туристы! Я хочу дойти до тех Базальтовых скал, которые мы издалека видели. Там так красиво!

– Да, пойдём, только я с собой возьму вот этот дневник,

который я нашёл на самом дне чемодана, и мы его там вместе прочитаем. Да, забыл тебе сказать, в чемодане полно листов, вырванных с отрывных календарей за много лет, и, похоже, кого-то очень интересовали фазы луны.

Мы зашли в дом, баба Нюра всё так же сидела за шитьём. Она сердито нам бросила, что всё уже остыло. Мы пригласили её с собой за стол, но она отмахнулась от нас, и снова уткнулась в свою работу. Сакатов меня легонько пнул под столом и показал глазами на печку. Печка была покрашена белой извёсткой, но в том месте, где начиналась труба, красивой вязью были изображены какие-то знаки, или символы, похожие на червячков. Нанесены они были чёрной краской, а два символа были нарисованы красной краской. Он незаметно вытащил телефон и щёлкнул камерой. Баба Нюра сразу подняла на нас глаза. Сакатов притворно вздохнул:

– Ничего не понимаю, утром зарядил, а сейчас зарядка опять почти на нуле.

Баба Нюра долго смотрела на нас, но Сакатов повертел телефон, жалуясь на китайское качество, и она снова отвернулась.

– Анна Фёдоровна, – обратился он к ней – я слышал, что здесь собираются у Вас краеведческий музей под открытым небом организовать, правда это?

– Почём я знаю! – Серdito ответила она – Со мной не советуются.

Больше мы ничего не могли придумать, чтобы разгово-

рить её. Отвечала она односложно, и видно было, как её раздражают наши вопросы. Я вымыла на улице посуду, и мы стали собираться на прогулку. Чемодан мы снова поместили под диван, но дневник взяли с собой. Пройдя всю длинную улицу, мы вышли к Базальтовым скалам. Там уже увлечённо ползали такие же, как и мы, любители родного края. Много было детей. Они радостно бегали, прыгали по каменным ступеням, родители их тоже от них не отставали.

Я сделала кучу фотографий, потому что была в полном восторге от красоты местных видов. Некоторые из скал были абсолютно гладкие, будто срезанные острым ножом, и на ощупь оказались тёплыми и будто шёлковыми. Деревья росли буквально в каждой расщелине, на каждой горизонтальной площадке, даже самой маленькой. Поэтому скалы казались ещё живописнее. Тени от солнца причудливо подчёркивали фантастические очертания, делая их не похожими на творение природы, а больше на развалины древней крепости. А когда я увидела голубую скалу, состоящую из тысячи напластований, я подумала, что это уже совсем не похоже на земной пейзаж, а больше на другой, где-то в далёкой галактике. Оказывается, эти места посещал уральский писатель Мамин-Сибиряк, и тоже был в восторге от таких красот, даже статью про них написал.

Мы выбрали уютное место рядом с моей, теперь уже навсегда любимой голубой скалой, и сели на выступающие камни, словно специально предназначенные для отдыха лю-

дей. Но я буквально через минуту уже подскочила. Сакатов тоже. Оказывается, это место облюбовали не только мы с ним, но и десять тысяч рыжих муравьев, дорога которых проходила именно по этому месту. Они моментально объявили нам войну. Мы пошли подальше от недружественных нам обитателей леса, и дошли до заросшего карьера, поднялись до самой его высокой точки и нашли место, где вся округа вместе с деревней, была как на ладони. Солнце парило над этим океаном невообразимой зелени, а ветер легко качал макушки сосен и елей. Запах хвойного леса растёкся вокруг, и я назвала это мир – миром до начала времён.

Сакатов достал дневник, и пока я просто восхищалась природой, он уже прочитал пару страниц. Потом он мне сказал:

– Оля, это писал мужчина. Почерк у него не очень, но читать можно. Написан дневник лет сорок назад. Посмотри, что ты можешь сказать о том, кто писал эти строчки.

Он протянул мне дневник, я его взяла и из него выпал сложенный листок. Сакатов подхватил его и развернул.

– Выписка из домовой книги. Рубашин Виктор Алексеевич. Год рождения одна тысяча девятьсот сорок шестой. Прописана с ним жена, Рубашина Элла Борисовна. Год рождения тридцать седьмой. Дом по адресу город Алапаевск, улица Кузнечная, дом номер, непонятная цифра. Выписаны шестого октября одна тысяча девятьсот шестьдесят девятого года. Ну вот, мы знаем, кто автор дневника. То, что его жену

звали Эллой, он пишет в своём дневнике.

— А что с почерком? Ты сказал мне, чтобы я посмотрела на почерк. Мелкий, неровный. О чём это мне должно сказать?

— Нет, какие буквы, или какой наклон, это слишком сложная тема, это специалисты только могут нам сказать о характере человека. Но у него все строчки уходят вниз. Это значит, что человек отчаялся, что он уже не надеялся на то, что в жизни у него будет всё хорошо. Пессимистический наклон строчек. Почерк меняется у человека всю жизнь, и по дневнику мы можем то же самое сказать и об авторе его, почерк у него на разных страницах разный. Но наклон строчек у него так же продолжает уходить вниз. Но это так, лирическое отступление. Слушай.

Глава 4. Дневник.

«16 мая с.г.

Уже год как нет моей Элочки. Сегодня с утра сходил к могилке, посидел возле неё и понял, что теперь я могу спокойно всё разложить по полочкам, собрать воедино все факты и идти в милицию. Чтобы мне не присудили, это будет справедливо. И я смогу наказать ещё одну виновницу всех наших несчастий. Я постараюсь написать всё по порядку, хотя даже спустя год после последних событий, мысли часто путаются у меня в голове, и порой мне кажется, что часть событий мне просто приснилась, настолько дикими они были.

Когда я вернулся из армии домой, то я сразу обратил внимание на красивую Эллу Тихонову, работающую в продуктовом магазине. Она тоже смотрела на меня заинтересованно, и когда я приходил в магазин, то улыбалась мне. А приходил я всё чаще и чаще. Она сама позвала меня на свидание, иначе я бы ещё год не решился к ней подойти. Мне казалось, что такая красавица даже не посмотрит в мою сторону. Но она пригласила меня прогуляться до озера, и в тот же вечер я сделал ей предложение. А она мне ответила «Да». Я был на седьмом небе от счастья. Правда только в загсе я узнал, что Элочке тридцать один год, то есть на десять лет она меня старше, но я был настолько влюблён, что это меня совершенно

но не тревожило. И потом, я думал, что ей не больше восемнадцати лет! Мы с ней прожили три года в моём родительском доме на окраине Алапаевска, и вдруг она засобиралась переезжать в какое-то далёкое Калюткино, непонятно зачем и непонятно что она там собиралась делать! Я был в ужасе от этого её решения. Но я любил её, и не представлял себе жизни без неё. Матушка моя с отцом пытались меня отговорить, да куда там!

Мы переехали в Калюткино, это небольшая деревня на реке Исеть, купили здесь небольшой старый дом, который был намного меньше дома, который был у нас в Алапаевске. Его пришлось срочно ремонтировать, так как нижние венцы были гнилые, а крыша была покрыта досками, часть которых просто сыпалась от дождя. Я устроился по своей специальности, трактористом в колхоз. А Элла пошла работать не зерносушилку, так как продавщица в деревне уже была.

Переехали мы не одни. С нами переехала подруга Эллы, Аня Туринцева. Сначала она жила с нами, примерно месяца три, потом она закрутила роман с моим бригадиром, Славиком Ивановым. Увела его из семьи, в которой было трое ребятишек, мал мала меньше, и они купили избу на другом конце деревни от нас. Слава богу, что не рядом. Эта Аня, признаюсь, мне сразу не понравилась. Она и на свадьбе нашей была свидетельницей у Эллы. Смотрит так, будто ты ей должен, а отдавать не собираешься. Но она съехала со Славиком, тот вроде счастливый бегают, да и пусть живут. Хотя

бывшая жена Славика, ходила с опущенной головой, и глаза всегда заплаканные. Но Славик ей помогал, и к детишкам часто ходил, а несколько раз, я видел, как он всю ораву вёл к себе в гости.

Обустроились мы более—менее, кур завели, телушку купили, я в ограде новый сарай сколотил, забор сменил в нескольких местах. Да и дом стал веселее выглядеть. Я в колхозе краску выпросил, мы стены в доме покрасили, и комната даже светлее стала. Смирился я с переездом, уже не стал тосковать по Алапаевску, так, иногда вспомню товарищей, мать.

Всё было у нас хорошо, да не всё. Не было у нас с Эллой детей. Она плакала, когда я начинал об этом говорить, я замолкал, но проходило время, и вопрос снова сам собой возникал. Я однажды даже сгоряча сказал, что может у нас лучше с другими получится, когда мы разойдёмся. Но потом одумался, прощения попросил, помирились мы, и долго потом о детях не говорили. А тут, как назло, вечером пионеры приходили нашего соседа-фронтовика дядю Митю поздравлять с девятым мая, вот мы там постояли рядом, домой вернулись, слово за слово, в общем, разругались в пух и прах. Я даже на сеновал ушёл спать. Утром встал раньше, пошёл работать. И чёрт бы меня дёрнул, когда утром у меня лопасть веялки заклинило, руку туда сунуть, чтобы её с места сдвинуть. Ведь знаю, что нельзя! И никогда со мной такого раньше не было. Сорвало кожу мне чуть ли не со всей ладони. Хорошо рядом Михалыч был, он за мой трактор сел,

меня мигом до фельдшера довёз, там мне наложили швы, уколов натыкали, всё обработали. Полежал я часа два, и домой пошёл. Подхожу к ограде, а калитка настежь распахнута, я осторожно захожу, думаю, не случилось ли чего. А окна в доме все распахнуты настежь, и закрыты марлей, от мух. И слышу, что в доме Эллочка ругается со своей подружкой Анной. Да так громко! Так они разошлись! Думал, что подерутся. И услышал я слова Эллы, которые заставили меня спрятаться под окном и выслушать этот разговор:

– Если я этого не сделаю, он уйдёт от меня, он мне уже десять раз говорил об этом!

– Я тоже хочу счастья! Думаешь, ты одна хочешь быть счастливой! У меня тоже, может, первый раз такой нормальный мужик появился, а он бежит к своим детям, и та мерзавка опять его вернёт! Нам тоже нужен ребёнок! А вы ещё успеете, и на следующей луне!

– На какой следующей! Это можно сделать только на тринадцатое полнолуние! А оно бывает раз в три года! Витя может просто не прожить со мной ещё столько! И не забывай, на третью синюю луну, мы будем два десятилетия снимать! Ещё надо найти у кого, здесь выбор не велик, почти все девки из деревни в город уехали! Это нам не Алапаевск! Не до детей будет. А в этот раз у меня всё так удачно сложилось, приедет моя младшая сестра, и как раз будет в это время у нас гостить, я и получу себе младенца! Аня, пожалуйста, давай сначала на меня проведём!

Они спорили и ругались, а я тихонько выполз из-под подоконника и пошёл со двора, куда глаза глядят, не в силах принять то, что услышал. Сел я на берег Исети, на воду смотрю, как она бежит и переливается, и думаю, может лечь на дно, и забыть то, что жена у меня такое чудовище. К нам действительно, должна была приехать её младшая сестра погостить. Тасе было семнадцать лет, она только окончила школу с золотой медалью. Её без экзаменов приняли в УПИ, и мы её ждали через три дня, в воскресенье. На неделю обещалась приехать погостить. Я не знал, что собиралась Элла с ней делать, чтобы получить ребёнка, но то, что это было что-то страшное для Таси, я догадывался.

Уже вечерело, надо было идти домой, а я ещё и не знал, как поступить. И Славку жалко, жил ведь раньше с нормальной бабой! Нет, ведьма его эта подцепила, от детей увела! Да и про своё будущее я боялся загадывать. Два десятка лет скинуть ещё захотели! И такая злость на неё у меня поднялась! Загубили они с Анькой чьи-то жизни, каких-то девчонок больше нет, не стать им никогда жёнами, матерями. Выбор тут им не велик! И я решился. План у меня возник буквально за минуту. Целый день сидел, нюни распускал, а тут вмиг всё стало на свои места, и голова стала такая ясная!

Я пошёл домой. В доме была только Элла. Она, увидев мою руку на перевязи, заойкала, засуетилась. Посадила меня за стол, накормила, и всё рядом ходила, наглаживала меня. Я виду не подаю, что стал свидетелем их разговора с Анной.

И говорю ей:

– Слушай, пошли, прогуляемся до поля, где я сегодня пахал, я там прямо на земле сумку с инструментами оставил, надо забрать, а то не ровен час, растаскают. Инструмент-то хороший у меня.

Она, на радостях, что мы так легко с ней помирились, готова была со мной идти хоть до Москвы пешком. Я дождался, когда сумерки немного спустятся, тогда и пошли мы через лес к полю. Зашли подальше в лес, я ей говорю:

– Давай-ка сядем, передохнём немного, я ещё слаб от раны, крови много потерял.

Она ничего не заподозрила, села к рябинке. Я рядом сел, медленно снял ремень, который у меня руку забинтованную держал, да и схватил её за обе руки, мигом стянув их между собой. Такой приём нам старшина ещё в армии показывал. Вот и пригодился.

Она сначала оторопела, потом засмеялась, думала, что я шутики шучу. А я ей и выложил всё, что слышал сегодня под нашим окном и что понял. Ох, и заметалась она, пыталась кричать, царапаться, ругаться, напоминала о нашей любви, просила прощения. Я сидел и слушал её. И понял, что все мои надежды, что она скажет, что это всё шутики, и что они так, не по правде с Анной это говорили, разом рухнули. И рухнула моя любовь к ней. Да, рухнула. То, что я раньше было для меня самым главным в жизни, моментально стало таким пустым и далёким, что я сам от неожиданности сначала

не мог прийти в себя. Она словно почувствовала во мне такую перемену. Замолчала, отвернулась, и я видел, как горькие слёзы капали с подбородка на её белую кофточку. Я ей тихо сказал, чтобы она мне рассказала всё. Привожу её рассказ полностью.

Жили-были две подружки, Аня и Элла. Дома их стояли по одной улице друг напротив друга. Им можно было не выходить из дома, чтобы общаться, а достаточно было открыть окна. Они даже придумали целую систему сигналов, чтобы не кричать через всю улицу, и этих сигналов было так много, что они порой сами путались в них, что приводило к непониманию и ссорам. Но ссоры быстро затихали, потому что прожить друг без друга они не могли ни одного дня. Детство их выпало на тяжёлые военные годы, жили впроголодь, но они делились друг с другом даже последней хлебной корочкой. Отцы у них у обеих не вернулись с фронта. Анин отец пал под Москвой ещё в сорок втором году, а отец Эллы погиб в Германии в сорок пятом, совсем немного не дожив до победы. Пришло время, и из нескладных подростков они превратились в красивых девушек, вступив в возраст невест. Да только женихов не было. Время такое было, бабье. У них на улице жил всего один парень. И девять девушек. Вот такой расклад.

Однажды мать Эллы заставила её лезть на чердак, чтобы найти котят, которые родила их кошка и спрятала где-то на чердаке.

– Не надо нам целый выводок диких кошек, спусти их, я их утоплю.

Элле было жалко котят, но с матерью не поспоришь, сказала, значит надо их найти. А Муська их и так каждые три месяца приплод таскает, еле успевает мать их топить. Муська стала умной, прячет их каждый раз теперь в разные места, но мать видела, как она тайком на чердак пробирается.

Элла залезла на пыльный чердак и прислушалась, вроде не слышно их. Она тихо пробиралась между толстыми брёвнами, стараясь не зацепиться об торчащую острую щепу или гвоздь, и чтобы в пыли не испачкаться. А на чердаке темно, свет попадает только через небольшой узкий проём, под самым коньком. Уже все руки были у неё чёрные от того, что она ощупывала под балками укромные места, где могла устроить гнездо хитрая Муська. И под одной балкой она нащупала угол какой-то тонкой книжки. Она потянула её, и в руках у неё оказался блокнот, завёрнутый в красную тряпку, весь в чёрной копоти, что не разобрать, что написано на обложке. Зато видно, что нарисовано. Луна с рогами, и такая же отражается в воде. Она положила его на балку, и дальше начала искать котят. Нашла она их под самой дальней балкой, четыре серых комочка мирно спали, уткнувшись друг в друга своими тёплыми носами. Элле стало жалко их, и она решила сказать матери, что никого не нашла. Она взяла найденный блокнот и спустилась с ним в дом. Вымыла руки, обтерла блокнот тряпкой, и побежала в огород, чтобы спокойно

рассмотреть свою находку. Весь блокнот был исписан простым карандашом, часть слов было уже не разобрать. Но то, что она разобрала, повергло её в такое потрясение, что она долго сидела, не в силах даже пошевелиться. В блокноте были описаны колдовские ритуалы. И Элла сразу поверила, что это не розыгрыш какой, а настоящее колдовство. Она прочитала всё от корки до корки. Половину она не разобрала. Но один ритуал, который назывался «Вода в синей луне», её впечатлил больше всего. Он возвращал молодость. Синей луной называлось полнолуние, которое происходило один раз в три года, потому что оно было тринадцатым в одном календарном году. Возвращать молодость можно было только на пятую синюю луну. Зато в другие синие луны можно было наколдовать себе богатство, детей, наслать на неугодного проклятья, и отыскать свою потерю.

Элла побежала к своей подруге Анне. А с кем она ещё могла поделиться такой новостью. Анна тоже сначала слушала ошеломлённо, не перебивая, пока Элла ей читала про ритуал, а потом сразу взяла всё в свои руки. Нашла старый численник, они стали изучать, когда какие были полнолуния, высчитали сами ближайшую синюю луну, потом ещё сходили к учительнице по географии, наплели ей всякого, поверила она или нет, но она с удовольствием вместе с ним посчитала, в какие годы была тринадцатая луна. Сложнее было с пятой синей луной, не понятно, с какого года считать синюю луну пятой. Но в блокноте они нашли подсказку, и да-

же удивились, как это, почему они сразу-то её не заметили! И высчитали, когда она будет. Пятая синяя луна наступит, когда им исполнится по двадцать девять лет. Это было хорошо, значит, после двадцати девяти лет им снова будет по девятнадцать. И они стали готовиться. Ритуал был не простой, и годы просто так на них с неба не свалятся. Годы надо было взять у другого человека. А тот человек умрёт. Это их не смутило. Осталось найти воду, которая уходит под гору, проходит под ней, и снова возвращается на поверхность. И с этим они справились.

В тот же год они уехали обе в город, поступили в училище, которое готовило швей, а потом обе остались жить в городе, устроившись на камвольный комбинат. Жили в общежитии, в одной комнате. С ними жили ещё две девушки. На комбинате Аня познакомилась со слесарем, обслуживающим их станки, они сыграли свадьбу. От комбината дали им комнату, но пожили вместе Аня с мужем недолго, тот оказался любителем каждый вечер выпивать в компании своих друзей. Непонятно, как он держался, пока они встречались. Ещё и руку на неё начал поднимать. Аня снова вернулась в общежитие к Элле. У Эллы тоже не складывалась личная жизнь, даже если она и знакомилась с парнями, но до свадьбы дело никак не доходило. Аня с Эллой несколько раз съездили на место, где река уходит под скалы, и обратно возвращается, там они сидели и мечтали, как это будет. Но они всё не могли решиться на ритуал, который мог принести им женихов,

всё как-то не получилось у них его провести. Мешало то, что ритуал этот могла выполнить только одна из них, а другая должна была ей помогать, а это оказалось самым невыполнимым. Кому из них должно достаться первой счастье?

А возраст их неумолимо приближался к двадцати девяти годам, и пятая синяя луна уже маячила очень близко. Этот ритуал они могли провести обе сразу. Надо было только найти двух девушек, которые им помогут в возвращении молодости. И ещё так всё дело обставить, чтобы никто из окружающих их людей ничего не понял. Поэтому они решили, что самое главное, надо будет сразу после проведения ритуала уехать из общежития, и вообще из города. Они ведь не знали, какими они вернутся, и как на это посмотрят те, кто их знал до перевоплощения. И Аня придумала хитрый план. Они обе написали заявление на увольнение, сказав, что Анина мама в тяжёлом состоянии лежит дома, а Элла не хочет одна без подруги остаться в городе, и тоже возвращается домой. В их комнате жили две новые девочки, которым было лет по двадцать. Те первые, которые с ними заселились, давно уже вышли замуж и разъехались. Аня с Эллой пригласили своих соседок на пикник, посвящённый их отбытию, но попросили, чтобы они не говорили, что едут с ними, а что просто, разъезжаются на выходные по домам. Вроде как неудобно, что пригласили только двоих, а остальных приятельниц не пригласили. Девочки с радостью согласились.

Последний день пятого полнолуния синей луны выпал в

ночь с пятницы на субботу. Они вчетвером сели на электричку и поехали к месту, где должны были провести ритуал. У них были большие рюкзаки с собой, одна четырёхместная палатка, и они были похожи на счастливых туристок, всю дорогу шутили и смеялись.

Когда они сошли с электрички, и Аня сказала, что пешком придётся идти больше четырех километров, девчонки, которых они пригласили с собой, удивились, зачем так далеко было ехать, можно было и поближе место для пикника найти. На что Аня с Эллой наперебой начали восхвалять реку Чусовую, какие на ней закаты, в общем, уговорили девчонок, пообещав, что они до конца жизни не забудут этот вечер.

Эллу бил озноб. Видя, как впереди неё идёт, весело шепеча, невысокая Света, с добрыми голубыми глазами, как она весело смеётся над шутками Ани, Элла чувствовала себя очень погано. Она ненавидела себя, она ненавидела Аню, найденный блокнот. Но она очень хотела начать новую жизнь, выйти замуж, тем более что женихов у нового поколения было значительно больше, чем было у них, у военного поколения.

И вот они дошли до места, где приток Чусовой уходит под гору. Места тут действительно красивые, и никто не пожалел, что они столько времени потратили на дорогу, чтобы полюбоваться именно на эти красоты. Элла разожгла костёр, пока Аня с девчонками ставили палатку. Костёр должен быть высоким, чтобы он отражался в воде. Элла подошла к реке

и опустила в неё свои ладони. Вода была тёплой, солнце нагрело её за день, а летняя тёплая земля не давала остыть ей ночью. Она сбросила платье и поплыла вдоль берега. Она доплыла до скалы, которая перегородила путь притоку Чусовой, заставив его нырнуть под камень, и почувствовала внизу сильное течение. Там, возле дна, течение было намного холоднее, чем в верхнем пласте воды, в котором до этого плыла Элла. Она опять внутренне содрогнулась, представив, что будет здесь, когда покажется луна. Ничего, она это переживёт. Зато потом у неё всё будет хорошо. Будет дом, муж, дети. Она счастливо улыбнулась. Если для этого нужны жертвы, ну что ж, она будет остаток жизни молиться о прощении. От этих мыслей ей стало легче. Она услышала, как девочки, наконец-то поставившие палатку, с визгом заходили в воду. Она повернулась и стала смотреть на них. Анна была очень возбуждена, это было видно, она нервно смеялась, брызгала на девчонок водой, молотила по воде руками и ногами, словно ей уже сейчас было восемнадцать лет.

Они пожарили колбасу, хлеб, открыли бутылку вина, но пили только приглашенные девушки, а они сами незаметно сливали вино в землю. Уже стало совсем темно, звёзды были редки, так как небо было затянуто облаками. Но вот луна показалась в сером мареве, и отражение её поплыло по реке. Время настало. Аня с Эллой переглянулись.

Аня встала, сбросила халат и призывно смеясь, побежала к реке, на ходу крикнув: «Кто за мной? О, какая тёплая

вода! Какая прелесть! Девчонки, пошли ещё разок при луне искупаемся!» Девчонки неуверенно переглянулись, но Элла встала, схватила Свету и потащила её в воду, тоже смеясь, но только смех её не был таким жизнерадостным, а Света будто почувствовала что-то. Она робко отбивалась, но вторая девочка, Вера, тоже бежала к воде, на ходу скидывая накинутую на купальник кофточку. Вера добежала раньше них и прыгнула в воду, подняв фонтан брызг. Аня ей махнула: «Поплыли, кто быстрее, до скалы!»

Элла не отпускала Свету, они уже зашли в воду, тут Света вырвала руку, и сделала шаг назад, сказав, что раздумала купаться. Элла повернулась к Анне, и увидела, что та уже начала свой ритуал. Элла вздохнула, подошла к Свете и, схватив её за предплечье, потащила в воду. Та уже поняла, что что-то здесь не то, и попыталась вырвать руку, но поскользнулась и упала в воду. Элла хорошо плавала, и физически была намного здоровее Светы, поэтому она без особого труда дотащила её до скалы. Аня плыла обратно, и Веры уже не было рядом с ней. Аня помогла Элле, схватив Свету за другую руку. Элла закрыла глаза, положила на лоб Светы свою холодную ладонь и произнесла: «Тошáла, твоя луна надо мной, и ты надо мной, открой глаза, посмотри на меня, возьми сто лет себе, а мне оставь десять». И держала Свету под водой, пока та не перестала биться. Почернела вода вокруг Эллы, стала, словно холодная бездна, а потом схлынула и снова в ней отразилась луна, покачиваясь в спокойных водах и без-

участно смотревшая на Эллу.

Они с Анной молча вылезли из реки. Обеих их била мелкая дрожь. Они обтёрлись полотенцем, переоделись в сухое. Теперь они должны были такой же ритуал провести на другой стороне скалы, где из-под неё выходит река, и куда должно было вынести тела загубленных ими девушек. Надо было спешить, чтобы перехватить их там, и они быстро пошли по лесу. Они уже давно изучили этот маршрут, и давно рассчитали время, по которому у них выплывал брошенный предмет с другой стороны скалы, пройдя под ней. Но то был просто предмет, а сейчас должны были выплыть тела мёртвых девушек. Они прошли половину пути, когда у Эллы подкопились ноги, и она упала. Она не чувствовала ног, она не чувствовала вообще ничего, и рыдания начали трясти её грудную клетку. Аня сначала тянула её, стараясь установить на ноги, потом била её по щекам, потом бросила её, сорвалась и побежала одна, оставив Эллу лежащей на траве, всю мокрую от слёз.

Элла лежала на холодной земле, руки и ноги не слушались её, слёзы уж не лились, но перед глазами стояла Света, и Элла шептала: «Что я наделала! Прости! Прости!» И снова рыдания подступали к горлу, и снова она с корнем вырывала траву руками, ломая ногти.

Аня вернулась через час. Элла уже не плакала, она сидела с закрытыми глазами, прислонившись спиной к стволу дерева. Аня села рядом.

– Я опоздала, тела уже унесло течением дальше. Из-за тебя я опоздала. Чёртова истеричка! Ты уже всё сделала, ты уже утопила её, её и так уже не вернуть! Что ты наделала! Всё впустую! Следующего раза ждать надо будет пятнадцать лет.

Но неоконченный ритуал, неожиданно для них, сработал, и они стали выглядеть, как восемнадцатилетние девушки. На следующее же утро. Как только Элла проснулась и увидела солнце на крыше палатки и открыла глаза, она сразу поняла, что она стала другой. Она растормошила Аню, и они начали, как сумасшедшие, прыгать вокруг палатки, они купались и загорали, они болтали и шутили. От ночных слёз и раскаяния не осталось и следа. Это было немыслимо, необъяснимо, но это было! Напрыгавшись, они утопили в реке все вещи девушек, собрали палатку, уничтожили все следы своего пребывания на берегу и побежали на остановку, стараясь не опоздать на утреннюю электричку, и быстрее покинуть это место.

Потом, когда они вышли на вокзале и сели ждать свой автобус, чтобы уехать в Алапаевск, Аня тихо спросила:

– Слушай, мы не провели половину ритуала, но он сработал. Ты не думаешь, что тут может быть не так?

– Не хочу даже думать! – Беззаботно ответила Элла – Главное, мы теперь сможем начать новую жизнь! И у нас всё будет по-новому. Хочу быстрее забыть всё, что было сегодняшней ночью.

Но вспомнить об этом им всё-таки пришлось. Они верну-

лись в свой родной город, и никому даже в голову не пришла мысль спросить, а что это они такие помолодевшие? Что случилось такого, что время пошло для них вспять?

Они снова изучили запись в блокноте, описывающий этот ритуал. Вот уж воистину, если бог решает кого наказать, так он лишает того рассудка. Они обе не раз изучали ритуал, они его читали раз сто, не меньше. И только сейчас прочитали строчку, на которую они за всё время ни разу не обратили внимания. В самом начале описания ритуала синей пятой лунны было написано: «Первое десятилетие надо проводить тогда, когда уже народится столько детей, сколько надобно, потому что их больше не будет».

А потом и поняли, почему они помолодели, не проводя весь ритуал. А ведь ни одного действия лишнего, ни одного слова, там не было, всё было именно так записано, как должно было быть проведено. Тошала, к кому они обращались во время ритуала, не получил то, что должен был получить, и поэтому он у них вскоре появился. Ему нужны были две мёртвые девушки, эти или те, или они сами, это не важно. Но он должен их получить. Тошала был похож на длинное обгоревшее со всех сторон полено. Чёрный, блестящий, только красные огненные глазки сверкали из-под чёрных неровных век. Первый раз он появился через три года ночью у Анны, сел ей на грудь, оставив на ней след от ожога, и в голове у Анны застучало: «Отдай то, что принадлежит мне!» Аня прибежала вся в слезах к Элле, и та похолодела от её расска-

за. Ещё две девушки? Они должны убить двух девушек? Они снова открыли блокнот, и снова нашли там запись, которую сразу не увидели! Внизу описания ритуала была небольшая приписочка, что Тошале надо будет вернуть долг, даже если они не смогут полноценно провести ритуал. Блокнот словно открывал им свои знания дозированно, по частям.

Потом Тошала появился у Эллы. К тому времени Элла уже вышла замуж, и то, что снова нужно было через всё это пройти, совсем не входило в её планы. Элле Тошала сказал, что если он ещё раз придёт, то только уже за их жизнями. Долг Тошала готов был принять не в синюю луну, а в любое полнолуние.

Элла, в отличие от Ани, уже не могла сорваться и убежать, куда глаза глядят, после того, как они отдадут Тошале его долг. Поэтому они ткнули пальцем в карту, выбрали какое-то Калюткино, написали туда письмо с просьбой принять их на любую работу. И им пришёл ответ, что их ждут там с распростертыми объятиями, так как в то время остро не хватало рабочих рук в колхозах.

Аня и Элла снова подстроили такую же ловушку, как когда-то Свете и Вере, двум девушками, которые работали вместе с Аней машинистками. В последний вечер, перед отъездом, они пригласили их на шашлыки, и там их утопили, повторив, первую часть заклинания, чтобы Тошала взял себе сто лет.

А на следующий день приехал заказанный грузовик, они

погрузили свой скarb в него и снова поехали навстречу своей будущей счастливой жизни.

Вот такую историю мне рассказала моя жена. Она не смотрела на меня. Ни нотки раскаяния, ни грамма сожаления о содеянном у неё не было. Голос тусклый и ровный.

А я вспоминал тот скоропостижный отъезд из моего родного Алапаевска, в котором я прожил всю свою жизнь. И объяснение такого быстрого переезда Эллой: «Твоя мать не даёт нам жизни, всегда во всё вмешивается, до всего ей есть дело, а там мы будем только вдвоём». Ложь, всё было ложью, от самой первой нашей встречи до сегодняшней ночи. Кем она стала? Такой же, как Тошала, мёртвой головёшкой?

Она наконец-то посмотрела мне в глаза:

– Вот так всё и случилось! Я знаю, что ты меня осуждаешь, я себя тоже осуждаю. Просто, отпусти меня, я уеду.

– Вы четверых убили. Я не могу даже подумать о том, что две женщины убили четверых девушек! И они не защищали свою жизнь, они не защищали жизнь своих детей, а просто хотели остаться молодыми! Элла! Да ты чудовище! Ты не человек. Если ты мне сейчас напишешь чистосердечное признание про тех четырёх девушек, я просто отведу тебя в милицию и сдам.

– А если не напишу? – Она прищурила глаза – Что, хочешь убить меня? Вижу, хочешь. Но это не просто, поверь мне, я знаю.

– А я не просто тебя убью. Я убью тебя, чтобы предотвра-

тить новое преступление. Против твоей сестры. Я же слышал, о чём ты с Анной говорила. Тася совсем ребёнок. Ты хочешь убить одного ребенка, чтобы родить другого? И твоя подруга этого хочет?

– Просто отпусти меня, ты мне не судья. – Она посмотрела на меня, и в глазах её я увидел испуг.

Она боялась меня. И я боялся себя. Да, я не судья. Но ведь и она не судья тем, кого осудила на смерть. Теперь она предприняла нашу с ней дальнейшую судьбу. Она сломала нам жизни. И обратного пути уже не будет ни у меня, ни у неё.

– Напишешь чистосердечное, уйдёшь живой! – Твёрдо сказал я.

– Ты не сможешь меня убить, я знаю тебя. – Она попыталась встать, но я толкнул её, и она повалилась на бок. – Конечно, с женщиной можно быть таким сильным и смелым! – В тоне её уже зазвучали нотки издевательства.

Я подождал, пока вся её злость изольётся и сказал:

– Элла, твоя и моя жизнь закончилась прямо вот здесь, возле этой невысокой рябинки. Не важно, кто из нас уйдёт отсюда, но мы здесь оба умрём. Ты и меня сделаешь убийцей. Сделаешь равной тебе. Правильно мамка мне говорила, выбираешь свою половину, выбираешь судьбу. Я выбрал.

Домой вернулся я один. Половину ночи лежал без сна, приходя в себя. Да, человека убить очень непросто. Так это же человека. А ту тварь, которая думала только о своей молодости и своём счастье, оказалось убить просто. Но это не

значит, что после этого можно продолжать жить, как ни в чём не бывало.

На следующее утро, только я открыл глаза, как в ворота постучали. О, ещё одна тварь пришла. Я открыл Анне ворота и пропустил в дом. Она пробежала мимо меня, видимо, с какими-то срочными новостями. Она заскочила в комнату и повернулась ко мне:

— А где Элка? Ушла что ли уже?

— На рябине болтается. — Тихо сказал я.

Она опешила, но потом опомнилась:

— Чего болтаешь! На работу уже ушла?

— Ты что, глухая? Я её повесил вчера вечером, пока вы с ней своему Тушале, или Тошале, ещё чью-нибудь жизнь не отдали.

Она сползла по косяку на пол, я присел рядом:

— Где блокнот с ритуалом?

— У Элки, в шкатулке её.

Я подошёл к тумбочке, где стояла шкатулка Эллы, открыл её и увидел на дне серый небольшой блокнот. Я достал его, положил на плиту печки, и поджёг. Анна соскочила с пола, и попыталась отобрать его, но я оттолкнул её к окну. Я только открыл рот, чтобы сказать ей, чтобы она писала чистосердечное признание, как увидел, что её глаза буквально вылезли из орбит, и она смотрит куда-то за меня, и пытается мне что-то сказать. Я обернулся и тоже весь похолодел. Прямо на плите печки стояло чёрное существо, всё покрытое обо-

жжёнными коростами и держало дымящийся блокнот своими обрубками.

– Не твоя вещь! – Заскрипело существо – Нельзя! Не твоя! Рассказывать нельзя! Никому нельзя рассказывать! Весь твой род сожгу! И тому, кому ты расскажешь, его, и весь его род тоже сожгу! Нельзя!

Потом у меня потемнело в глазах, и когда я очнулся, возле меня не было уже ни Анны, ни этого Тошалы, и конечно, не было блокнота.

Анна уехала в тот же день куда-то к сестре, да я уже и не искал её. Блокнот забрала эта головёшка. Эллу нашли в этот же день. Все думали, что она сама повесилась, так как я с перевязанной рукой лежал дома. И соседи, оказывается, слышали не раз наши разговоры об отсутствии детей, поэтому все подумали, что она повесилась, потому что была бесплодна.

Как я жил этот год, не знаю. То дико тосковал об Элле, то валялся и выл, вспоминая всё, что она натворила, и всё, что я сам сделал. А два дня назад я увидел, что вернулась Анна. Ну вот, у меня ещё одно незаконченное дело, которое надо завершить, а потом я пойду в милицию. Так что, если у меня больше не появится записей, значит, у меня всё получилось».

Сакатов закончил читать и просто сидел, глядя в одну точку. Я тоже. Все красоты вокруг меня разом померкли, а солнечный день стал просто очередным днём. Вывел из ступора

меня телефонный звонок. Звонил Илья:

– Ты что не звонишь, я же беспокоюсь! Чем вы заняты?

– Илья, мы нашли дневник человека, который убил свою жену, которая в свою очередь убила с подружкой четырёх молодых девушек, и подружка эта – и есть наша баба Нюра.

– Баба Нюра Корлеоне! – Илья присвистнул – Ладно, больше ничего пока не рассказывай, хочу ещё пожить, радуясь жизни. Завтра за вами приеду. Как только определитесь со временем, позвоните. Сакатову привет.

Я посмотрела на Сакатова, который неподвижно сидел на каменном выступе, сам похожий на каменное изваяние, а ветер перелистывал страницы дневника.

– Алексей Александрович, но ведь Анна жива! И записей в дневнике больше нет. Чтобы это значило? Да, и самое главное, чемодан Рубашина Виктора у неё!

– Да, Оля, это самое главное. Я думаю, что не он с ней разобрался, а она с ним. И детей у неё нет. Значит, блокнот тогда Тошала с собой взял. А теперь он снова у неё как-то появился, потому что она готова снова отобрать чужую жизнь и продлить свою.

– Ты думаешь, что Тошала вернул ей блокнот?

– Думаю, что да. А что, ему тоже достаются годы девушек, и, причём, не десять лет, а намного больше. Он тоже, наверное, хочет жить вечно.

– Но ведь Катя привозила сюда Дашу, в Калюткино, а не к тому месту, где река уходит под скалы, а ритуал там должен

был проходить.

— А мне почему-то кажется, что этот блокнот прямо на ходу сочиняет ритуалы. Карандашиком там водит именно Тошала, с помощью таких вот Анн и Элл, и записывают они под его диктовку то, что ему нужно. Просто блокнот исполнения его желаний. Посмотри, что случилось, когда Анна и Элла впервые не выполнили ритуал до конца. Им намекнули, что бездетными они останутся потому, что сначала нужно было завести детей. Как ты думаешь, могли ли женщины проглядеть такую важную строчку?

— Я думаю, что нет.

— И я так же думаю. Он пишет им по ходу дела, потому что он всегда рядом с блокнотом, и ему нужно, чтобы кто-то постоянно приносил в жертву девушек. Он за это платит продлением молодости. Может Аня и Элла не первые, кто воспользовался Тошалой. Вернее, Тошала не первыми ими воспользовался. Сейчас он людям блокноты подсовывает, а раньше, может, на бересте писал.

— Значит он и теперь где-то рядом с бабой Нюрой. И ритуал изменил так, чтобы удобнее ей было его проводить. Она ведь сейчас не может идти за пять километров в лес. Тогда ещё вопрос. Даша жива, хоть и память покидает её, но её не утопили, как других девочек.

— Ну да, не утопили. Может, ей другую смерть приготовили. Этот Тошала очень загадочная личность, надо поискать его родословную, на что он способен, и вообще, как его ней-

трализовать.

– Тебе не кажется странным, что дневник – это улика, и его должны были в первую очередь уничтожить. Зачем хранить такую опасную вещь в доме? Я бы, на месте бабы Нюры, давно бы всё это бросила в печь.

– Это ты бы так сделала, но ты не преступник, поэтому у тебя нет чувства преступника.

– Какого чувства преступника?

– Чтобы быть на грани разоблачения, и не быть разоблачённым. И думать, какой я хитрый да мудрый. А может даже иногда читать и перечитывать.

– Так почему она у себя его не хранит? Вот мы с тобой его нашли, и знаем про эти события.

– Мы с тобой можем это связать, потому что заранее уже знали, кто эта баба Нюра. Она за столько лет себя почувствовала такой безнаказанной, особенно после расправы над единственным человеком, который её мог в чём-то обличить, что совсем страх потеряла.

– Такой дневник не придумаешь.

– Нет. А ты ещё говоришь, что у меня сказки страшные! Жизнь, получается, ещё страшнее!

– Даже не знаю, с чего нам начинать! – Сказала я – Наверное, пора поговорить с бабой Нюрой начистоту.

– Ага, так она тебе и созналась! Теперь, когда молодость и здоровье так близко от неё! Нет, Оля, надо Тошалу этого отловить. И блокнот уничтожить.

– А может, его как-то по-другому зовут? И это просто слова заклинания? Прочитай снова заклинание, пожалуйста! – Попросила я.

– Найди сама, у меня больше нет сил смотреть в этот дневник. – Он протянул мне тетрадку, и я нашла там заклинание.

– Слушай ещё раз. «Тошала, твоя луна надо мной, и ты надо мной, открой глаза, посмотри на меня, возьми сто лет себе, а мне оставь десять». Может тошала – это просто заклинательное слово? Или слово-проводник, которое открывает волшебный ритуал?

– Нет, это имя его, именно к нему обращаются, чтобы он взял сто лет. Пошли Оля домой, посмотришь, что ещё есть в этом чемодане, а я про Тошалу постараюсь больше узнать.

Мы не спеша спустились с горы, прошли по густому, заросшему молодыми соснами, лесу и вышли к деревне. Целая компания туристов, весело обсуждая поход, шла впереди нас. А мы, словно два старика, шли грустные и молчаливые. Как зависит наше восприятие мира от нашего душевного состояния!

Глава 5. Птошала.

– Знаешь, если мы найдём блокнот, то и Тошала возле нас объявится сразу. Надо искать блокнот в доме у бабы Нюры. – Сказала я Сакатову, когда мы пришли домой и сели в своей комнате.

– Так она всегда дома, никуда не выходит, как мы найдём блокнот?

– Ну да, надо её как-нибудь выманить.

– Сначала надо узнать, как нам с этим обгоревшим Тошалой справиться, а потом и думать, как с ним встретиться. Не отвлекай меня. Доставай чемодан и посмотри, может, какую ещё подсказку найдёшь.

Я достала чемодан и стала перебирать старые листки, часть которых можно было сразу выбросить, потому что ничего там было не разобрать. Был там и журнал «Юность» за семьдесят первый год. Там была загнута одна страница, на которой было напечатано стихотворение Александра Хромова «Испытание»:

У женщины гордой

Девять детей.

Горя – по горло

Радости – по горло

С ними ей.

Росли, как просо.

Где силы взяла!

Выросли -

рослые,

русоволосые -

Гордость селá.

Мать смотрела,

Ахала:

— Боги, а не пахари!

Мне понравилось стихотворение. Такое хорошее, русское. Я думаю, что когда Рубашин Виктор читал эти стихи, он думал о своих неродившихся детях, о том, что никогда его не разбудит утром весёлый стук босых пяток по деревянному полу, и никогда не гордиться ему их успехами. Я не стала читать стихотворение Сакатову, чтобы ещё больше не расстраивать его, да и мешать ему не хотелось, всё-таки Тошала у нас сейчас первая цель. В чемодане было полно каких-то билетов на поезда, автобусы, было даже несколько старых советских рублей, но больше никаких интересных записей не было. Я закрыла чемодан, поставила его под диван, и прилегла на кровать. Проснулась я от голоса Сакатова:

— Там Анна Фёдоровна по огороду ходит, поливаться вышла. Не хочешь к ней присоединиться?

— Хочу. Пойду, разведу обстановку.

— Потом, когда вернёшься, поедем, а то я уже проголодался. Там что-то у нас осталось?

– Полкастриюли лапши с тушённой.

Я вышла в огород и подошла к бабе Нюре:

– Баба Нюра, давайте я вам помогу. Я умею поливаться.

– А что тут уметь-то? Невелика наука! – Она сунула мне лейку в руку, повернулась и пошла снимать бельё, висевшее возле бани.

Ни тебе, пожалуйста, ни тебе, спасибо. Вот ведь барыня, приняла всё, как должное. Ладно, чего возмущаться, я сама напросилась! Она сняла бельё и ушла с ним в дом. Вот и поговорили! Я полила длинную грядку с морковью и горохом, таская воду из бочки, которая стояла на входе в огород. Потом прошла вдоль всего огорода. Когда я повернулась, чтобы идти обратно, она уже стояла возле бочки.

– В бочку надо натаскать воды! Вёдра я выставила в ограде. Колодец ты знаешь где. – И опять пошла в дом.

Я вся кипела от её бесцеремонности, но вёдра взяла и десять раз сходила с ними к колодцу. Она больше не вышла, и я вернулась в комнату.

– Ну что, золушка, злая мачеха разрешила тебе ехать на бал? – Сакатов хихикнул.

– Сам же всё слышал. У меня руки отваливаются. – И я снова легла на кровать.

Минут через десять в комнату постучала баба Нюра:

– Идите, я на стол накрыла, творог свежий и лепёшки, поешьте! – Она закрыла за собой дверь и протопала к себе в дом.

– Ого! – Воскликнул Сакатов – Я не ослышался? Нас будут кормить? Значит, осталось в ней что-то человеческое!

– Подожди! – Осадила я его – Как бы этот творог с ватрушками не вылился нам с тобой в кругленькую сумму при окончательном расчёте!

– Да ладно, пошли, поедим. Это всё равно вкуснее твоей лапши.

– Спасибо!

Мы зашли в комнату бабы Нюры, и увидели на столе целый ассортимент разных блюд. Кроме творога и ватрушек, была нарезана колбаса, в отдельном блюде стоял холодец и рядом с ним лежала горчица. У меня даже слюнки потекли от предвкушения, у Сакатова, наверное, тоже.

– Анна Фёдоровна, нам право неловко как-то! – Извиняющимся тоном сказал он.

– Да садитесь уж, чего там! – Она поставила чайник на стол и сделала жест рукой, приглашая нас за стол.

Мы живо заняли места и от души поели, баба Нюра на нас так ни разу и не взглянула. После окончания нашей нечаянной трапезы, мы поблагодарили её, я помогла ей убрать со стола и вымыла посуду. Только мы зашли в свою комнату, и я легла на кровать, а Сакатов развалился на диване, как снова раздался стук в дверь.

– Да, заходите! – Блаженно откликнулся Сакатов, думая про себя, наверное, что приятности продолжаются.

– Надо дверь перенавесить в бане, внизу щель образова-

лась, дует. – Снова не траяться на «пожалуйста», коротко бросила баба Нюра. Только она закрыла дверь, как я подскочила на кровати, тихо зашептав Сакатову:

– Это шанс! Пока ты будешь возиться в бане с дверью, она будет рядом с тобой, а я в это время поищу блокнот у неё в доме.

– Много она была с тобой, когда ты возилась в огороде? – Философски изрёк он – Но попытаться стоит. А как я тебе подам сигнал, если она в дом пойдёт? Не буду же я свистеть или мяукать!

– Пой тогда, раз не хочешь мяукать!

– С чего это я там запою?

– Тогда закричи: «Ой, баба Нюра! Кто это у Вас там!» И сделай вид, будто кого-то увидел и испугался.

Сакатов внимательно посмотрел на меня:

– Ольга Ивановна, я что-то не знаю в твоей биографии? Такое на ходу не придумаешь.

Он вышел из комнаты, а я стала у дверей и прислушалась. Баба Нюра вышла из дома, они с Сакатовым зашли в сарай и слышались звуки перебираемого инструмента. Я незаметно выскользнула из своей комнаты, оставив свою дверь открытой, чтобы в случае опасности сразу нырнуть обратно.

В комнате я сразу направилась к шкафу и стала открывать все ящики и дверки, стараясь по возможности не перерывать всё, а просто заглядывая под её многочисленные полотенца, скатерти, салфетки. Но блокнота там не было. От-

дельно у неё стояла коробка из-под обуви, где хранились бумаги и документы. Блокнота там тоже не было видно. Я заглянула под матрас, посмотрела среди нескольких книг, лежавших на спинке дивана. В кухне в шкафах тоже ничего не было. Комод в углу был туго забит постельным бельём, оно пахло какой-то душистой травой, я прошарила каждый ящик и каждую простынку. Безрезультатно. Я огляделась, можно посмотреть ещё на печке, я быстро запрыгнула на неё и перевероришила все её подстилки. Ну где он может находиться? Не с собой же она его носит!

Может у неё есть подпол? И тут я услышала крик Сакатова. Я пулей спрыгнула с лавки, выскочила из дома, заскочила в свою комнату, бросилась на кровать и закрыла глаза. Сердце моё бешено колотилось. А потом снова раздался крик Сакатова. Я открыла глаза, и услышала, как баба Нюра что-то монотонно говорит Сакатову. Я быстро встала и вышла во двор. Сакатов прыгал на одной ноге, а рядом лежала тяжёлая дверь. Всё понятно. Плотник из Сакатова так себе. Мы втроём навесили на петли эту чёртову дверь, и баба Нюра, вроде бы, осталась довольна.

Сакатов доковылял до дивана, баба Нюра ему принесла тряпку, смоченную в каком-то молочном растворе, и сказала, чтобы он держал её на ушибленном месте.

– Чёрт бы побрал эту бабу Нюру, со всеми бабами Нюрами на свете! Ты хоть нашла блокнот? – Спросил он, морщась от боли, когда за бабой Нюрой закрылась дверь.

– Нет нигде. – Покачала я головой – Я подумала, может у неё в доме есть погреб, и она там его хранит? Если бы ты не закричал, я успела бы посмотреть наличие погреба.

– Ах, извини, что мне было больно!

– Ладно, извини. Больно?

– А ты как думаешь? Вон шишка какая сразу вспухла! А знаешь, эта её примочка реально помогает. Она холодит.

– Что ты хочешь! Ведьмы знают своё дело.

Сакатов наконец-то угнезвился на диване, и снова начал изучать что-то в своём телефоне. Я мысленно вспомнила все закутки в комнате бабы Нюры, и единственное, где он мог быть спрятан, так это где-нибудь за обшивкой стен. А может она его не дома хранит, а где-нибудь в сарае?

– Оля, я написал про нашего Тошалу, и мне ответил Рома Саницкий, мой давний приятель. Он считает, что речь идёт про семейство Птошала, которые являются мелкими бесами. Упоминание о них встречается больше в восточной мифологии. И я с ним согласен. Вполне может быть. Так как дневник Виктор Рубашин начал писать только через год после тех событий, то он вполне мог перепутать имя, оно могло в его памяти и подзабыться.

– И что это за семейство такое – Птошала? – Заинтересовалась я.

– Это сообщество, ну, или семья бесов, которые жили когда-то в пустыне, возле колодцев. Птошала – это их общее название, множественное число, в единственном числе они

тоже так же называются. Они подкарауливали торговые караваны, и с ними кочевали от колодца к колодцу. Они приносили караванщикам мелкие неприятности, то верблюда укусят, и он взбесится, то развяжут мешок и товар высыплется, в общем, гадили по-мелкому, но постоянно. Сообщество это состояло из пяти-шести особей. Описание их я нашёл в двух источниках, и они немного разнятся. В одном месте Птошала похожи на вытянутую и тощую курицу, с редкими и короткими перьями, на недоразвитых крыльях имеются пальцы, лапы примерно такой же длины, как и всё туловище, глаза красные, огненные, как и у всех представителей преисподней. Но они не жили никогда в аду, они его побочный продукт. Есть небольшое упоминание о том, что Иблис, демон у тюркских народов, вроде нашего сатаны, остановился однажды в селении под видом человека, и в это время два брата там ссорились из-за наследства. Иблис с интересом наблюдал за ними, и пришёл к выводу, что когда близкие люди ссорятся между собой, тогда они выплескивают больше негатива, чем когда ссорятся абсолютно чужие люди. И это ему очень понравилось, поэтому он незаметно для всех бросил в кормушку, где клевали своё зерно курицы, семена шипов адского тука. Курицы после этого превратились в бесов, которые провоцировали близких людей к конфликтам. В другом источнике описываются Птошала, как птицы, прилетевшие к людям после того, как Иблис сжёг первого своего шайтана за то, что тот ему попытался возразить. Он рассыпал этого

шайтана на десять частей, и когда все части шайтана с испугом полетели от него, Иблис в след им кинул молнию, и они обгорели. Деятельность их упоминается по той же схеме. То есть, сидят в местах остановки караванов, а это колодцы, караулят добычу, едут с ними до следующего колодца, принося в пути им раздор и неприятности. Только у них ещё над глазами имеется один острый рог. Люди их не видят, ни иногда они им показываются.

– Значит их тут у нас минимум пять-шесть штук? – С ужасом спросила я.

– Слушай дальше. Про этих Птошала первое упоминание было очень давно, три тысячи лет назад. А потом короткое упоминание о том, что нашёлся хитрый колдун, который решил подчинить себе одного такого полезного сотрудника. Он понимал, что целая банда Птошала не будет ему служить, и в любой момент сами могут расправиться с ним, они ведь всё-таки бесы, и у них больше возможностей и сил это сделать. И он придумал им ловушку. Организовал караван на запад, да только вместо шелков и камней драгоценных, навьючил на верблюдов мешки с землёй, на которую он сделал заговор рассеивания и забвения. И как только кто-нибудь из семейки Птошала рассыпал мешок, то он сразу вдыхал этот заговор, и после терялся в пустыне, забыв, кто он и зачем он. И к тому же под палящими лучами солнца он быстро превращался в мумию, так как не поддерживал больше в себе жизнь доступными ему способами. Так он и извёл всё семейство,

оставив только одного, последнего Птошала. Его он поймал на "Око востока", это самый загадочный алмаз, сияющий во сто крат ярче, чем любой другой алмаз в мире. Птошала, не отрываясь, зачарованно смотрел на этот камень, и в глазах его застыл его отблеск. Так колдун привёз последнего Птошала в свой замок и хитростью и коварством полностью подчинил его себе. А планы у этого колдуна были великие. А с чего надо начинать, когда у тебя великие планы? – Сакатов вопросительно посмотрел на меня, и сам тут же ответил – С того, что надо жить долго, иначе никогда и не увидишь, как сбудутся твои мечты. И колдун решил с помощью Птошала добавить себе многия лета жизни. Понятно, что для этого он должен был у кого-то эти годы жизни отнять. И понятно, что это должны быть молодые люди, потому что у старых людей не много лет остаётся впереди. И понятно, что это должны быть девушки, потому что юноши на востоке с малых лет учились сражаться, и с ними было сложнее справиться. Колдун был умелый, и научил Птошала, как приходить во сне к человеку и внушать ему то, что потом этот человек считал полностью своими мыслями. И уже вскоре Птошала принёс ему первый улов, первые десятки лет жизни. Колдун был доволен. Ещё бы! Ведь не просто у него впереди было ещё пятьдесят отобранных лет жизни, он ещё и помолодел! Но мы знаем, что жадность человека, доведённая до абсурда, губит его, каким бы мудрым и продуманным изначально он не был. Вот скажи, добавилось у тебя пятьдесят лет жизни, ты

помолодел, болезни от тебя отступили, что надо ещё? Занимайся тем делом, ради которого ты всё это и задумал. Так ведь? Зачем тебе ещё сверху пятьдесят, а потом ещё пятьдесят, и пять раз по пятьдесят! Разве не проще и рациональнее, что ты, когда почувствуешь, что годы твои идут к окончанию, тогда и озаботишься продлением своей жизни? Зачем ненужные жертвы? И потом, а кто сказал, что годы можно добавлять до бесконечности? А может у того, кто видит, как ты себе накидываешь за счёт других десятки и сотни лет, у него, может, другие планы насчёт тебя! Так и вышло. Колдун себя возомнил чуть ли не богом. Но «чуть ли» это ненадёжное понятие. Птошала, который тоже не был до конца уж совсем безголовым орудием, послужил-послужил колдуну и подстроил ему хитрую ловушку. Отомстив, таким образом, ему за ту ловушку, которую когда-то устроил для всей семьи Птошала сам колдун. А может и не сам Птошала сообразил насчёт ловушки, может, кто из его далёких адских братьев ему подсказал. Но ловушка сработала. Колдун и подумать не мог, что годы годам рознь. До этого он получал годы от молодых здоровых девушек, и никаких забот они ему не приносили, только одни радости. И вот, в один не прекрасный день, Птошала приносит ему снова свой улов, и колдун принимает его. В тот же миг нестерпимая боль прожгла его от макушки головы до пят. Он рухнул на пол, ловя ртом воздух, а внутри у него поднимался пожар. Все его внутренности захлестнула нестерпимая боль, пальцы у него скрючились, ко-

сти на всех суставах выперло наружу, кожа приобрела землистый оттенок. А всего-навсего, Птошала забрал годы больного старика, всего покрытого страшными кровоточащими язвами и мочившегося под себя, который валялся возле городских ворот! И так как у колдуна было в запасе пятьсот лет, он в полной мере насладился своим немощным состоянием, забыв и про богатство, и про жажду удовольствий. А Птошала обрёл свободу, так как колдун не мог отныне сотворить ни один знак, не мог произнести ни одного заклятия, боль не давала ему больше колдовать. Вот такая, Оля, история произошла когда-то с безымянным колдуном.

– А Птошала? Ему зачем годы? Он зачем себе их берёт?

– Вот теперь про Птошалу поговорим. Можно сказать, это уже не тот Птошала, который когда-то давно пакостил караванщикам. Его перекроил колдун под определённую задачу. Это стало его новой сущностью. Я думаю, что теперь он является чем-то вроде беса, который просто губит людей. Как и все бесы. Только не своими руками, а чужими. Скажи мне, какая польза любому демону оттого, что он человека погубил?

– Не знаю, радость, наверное.

– Радость не радость, но это точно не материальная заинтересованность. Просто, моральное удовлетворение плюс пунктик в его копилочку плохих дел. Человек, когда выполняет какую-то работу, должен кроме моральной заинтересованности, получать материальную, так как ему надо забо-

титься об одежде и каждодневном пропитании. А демону не надо заботиться о пропитании и об одежде. Ничего ему не надо, ни одежды, ни еды. Так и Птошала, ему не нужны годы погубленных девушек, но ему нужно делать что-то плохое. Может, он так баллы себе набирает, чтобы в пекло его приняли.

– Ладно, с этим понятно. Но ты ведь не думаешь, что он умеет писать и читать? С пальцами на крыльях. А, стоп! Какие пальцы на крыльях? Виктор Рубашин же видел какую-то головёшку обгорелую с горящими глазами! Совсем не похож на первоначального Птошала!

– Согласен, не похож. Но мы ведь не знаем все егоключения за последнее тысячелетие. Может он был в пылающей Москве в одна тысяча восемьсот двенадцатом году, когда там Наполеон сидел, и в пожарах московских обгорел? Или его кто-то почти поймал, и в печке пытался сжечь? Ты думаешь, мы одни только хотим его уничтожить? Я думаю, что врагов у него за его сотни лет хватало. И про то, что он не грамотный. Да, он не грамотный. Так ты что, не поняла, как возникают рекомендации и приказы для людей? Он каким-то образом внушает сонному человеку мысль, что надо исполнить. Раньше люди, когда ещё не была стопроцентная грамотность, как теперь, устно получали инструкции. А теперь человек запросто может в сонном состоянии записать то, что ему диктует Птошала, а утром об этом не помнить, и думать, что это ему кто-то магическим образом написал.

Про такие случаи я читал.

– Так что, нам не поможет блокнот поймать его?

– Я боюсь, что Птошала уже получил жизнь Даши, поэтому он не появится больше здесь. И ещё, мне кажется, что мы вообще зря сюда приехали. Дело сделано!

– Слушай, прекрати свой пессимизм другим насаждать! Посмотри на бабу Нюру, она не помолодела, здоровья у неё не прибавилось! Так что же это было за колдовство? Я не пойму, зачем ей память у Даши отбирать? И самое главное, этот ужасный паук у Даши на руке! Что это? Мы с тобой, получается, ещё ни одного шага не сделали, чтобы решить эти главные загадки. Мы ведь должны Даше помочь, а мы пока только про разных чертей и бесов узнали!

– Оля, ну что я сделаю? Мы с тобой всё равно хоть немного, но приблизились к тайне, какую скрывает баба Нюра!

Я поняла, что я зря обвинила Сакатова в бездействии, хоть мы и топчемся практически на одном месте, но ведь это не его вина!

– Когда я навешивал двери в бане, я видел у неё под домом ещё одну дверь, мне показалось, что у неё там цокольный этаж. И замок висит килограмма на два. Такой здоровенный! Я таких вообще раньше не видел. И дверь серьёзная. Доски на ней толще, чем у банной двери. – Сакатов опустил ушибленную ногу с дивана и пошевелил пальцами – Вроде, отпускает помаленьку.

– Ключи нам от этого помещения точно не найти, прячет

наверное в самом тёмном углу, или в кармане с собой носит. – Безнадёжно ответила я.

– Такой ключ с собой не поносишь, он в диаметре должен быть не меньше сантиметра, и длиной сантиметров десять. Я, когда мы дверь поставили в бане, гвоздодёр обратно не убрал в сарай, а бросил под баню, так на всякий случай. Можно попытаться ночью оторвать душку замка.

– Ты представляешь, какой скрип истошный будет ночью? Она поймёт, что мы вероломно хотим ворваться на её территорию. Раз мы ничего больше не можем придумать, значит надо с ней напрямую поговорить, припугнуть даже может.

– Это что за звук? – Напрягся Сакатов.

– Это баба Нюра закрывает на ключ свой дом. Ураа! – тихо прошептала я – Она куда-то пошла. Вот мы и заглянем, что она прячет под замком.

Я дождалась, пока баба Нина проковыляла по веранде, надела туфли на крыльце, и пошлепала по двору на улицу. Сакатов меня остановил:

– Оля, надо за ней проследить. Если она повернёт к магазину, пусть топает, а если к реке или к лесу, то нам надо за ней.

– А ты сможешь? – Спросила я, кивнув на его ногу.

Он встал и прошёлся по комнате.

– Надену тапочки, я с собой их взял, они мягкие.

Мы выскочили из комнаты, пробежали по двору и посмотрели из-за забора, куда повернёт баба Нюра. Она поверну-

ла к лесу. Мы крадучись пошли за ней по улице, прячась за раскидистыми кустами.

— У неё в руке какой-то небольшой мешочек. — Разглядела я.

— Вроде, как с солью или сахаром. — Добавил Сакатов.

То, что баба Нюра идёт очень медленно, нам это только сыграло на руку, так как для слежки за ней мы выбирали удобные места, и не надо было часто перебегать с места на место. Она ни разу не обернулась. За последним домом она повернула по еле заметной тропке в лес. Но в лес не пошла. Буквально через минуту она уже шла обратно.

— Оля, быстро домой, закройся в комнате, будто спишь. А я посмотрю, что она там оставила, или взяла. — Сакатов спрятался за две толстые берёзы, а я, согнувшись, проскочила до поворота, и со всех ног побежала домой.

Я забежала в нашу комнату, сняла кроссовки и поставила снаружи дверей, рядом с кроссовками Сакатова, и закрыла двери на шпингалет. Прошло минут десять, пока я снова слышала шаркающие шаги бабы Нины по двору, потом на крыльце. Проходя мимо нашей комнаты, она дёрнула входную ручку, но двери не собирались распахиваться. Она дёрнула посильнее, и поняла, что заперто изнутри. Она постояла с полминуты, а потом прошла в дом. Я позвонила Сакатову, он мне сказал, что обошёл нашу улицу со стороны леса и видит огород бабы Нюры.

— Через забор я могу перелезть, ты мне открой калитку в

огород, я отсюда вижу, что она закрыта. Баба Нюра где?

– В доме, только пришла. Хорошо, сейчас открою и запущу тебя.

Я, не надевая обуви, на цыпочках прошла до калитки в огород, Сакатов уже стоял там, мы с ним так же тихо прошли в комнату, дверь снова закрыли на шпингалет.

– Она высыпала прямо под сосну вот это. – Он выгреб из кармана скрученные разноцветные нитки – Что-то новенькое! Если бы это были простые нитки, она бы сожгла их в печке, а тут под сосну положила.

– И всё? Просто положила? – Спросила я.

– Не знаю просто или нет, может, с какими-то словами, мне не видно со своего места было и не слышно.

– Она сидит целыми днями вышивает там что-то. И Даше и Алине по вышитому платку они с сестрой подарили! – Я полезла в свою сумку и достала платок, который был в Дашиной сумочке.

– Нитки такие же малиновые, вот, в этом пучке есть такие. Оля, смори, а ведь концы у всех ниток в пучке вроде как подпалены. Это для чего так делают с нитками?

– Никто не палит нитки, только узлом концы завязывают, чтобы не распускались. – Я взяла в руки клубок со спутанными нитками и понюхала – Пахнет дымом. Да, простые остатки ниток в печку можно было кинуть. Подозрительно.

– Подозрительно. – Эхом повторил Сакатов.

– Значит, всё-таки она что-то колдует, а так как она про-

сто старушка, то вполне возможно, что это ей нашептывает Птошала. Но знаешь, колдовство очень слабенькое, я только сейчас почувствовала его, и то так, слегка.

– Слабое, не слабое, но всё равно колдовство.

– Значит, сегодня ночью будем пытаться проникнуть на её секретный объект. – Твёрдо сказала я – А завтра всё равно узнаем про эти платочки, которые они со своей сестрой подкидывают молодым девушкам. Посмотри, кстати, про платочки в своей картотеке. Что можно с ними передать.

– Я и так знаю, без картотеки. – Сактов взял в руки платочек – И, кстати, таким же эффектом обладают и расшитые полотенца. Это те вещи, которые соприкасаются с лицом. Но только в разных старинных обрядах их не подкидывали, а наоборот, воровали их.

– Зачем?

– В основном, чтобы или смыть красоту с чьего-то лица, или эту красоту на себя перенести.

– И что, помогает?

– Когда как, это же зависит от мастерства колдуна. А тут я просто в замешательстве. Ну, подарили платочек, ну, вытерся человек. А что дальше-то?

Я от нетерпения от осенившей меня мысли буквально закричала:

– Ты просто гений! Так этим платочком память и стёрли с Даши! А Алина сразу потеряла подаренный платочек, и поэтому у неё память не исчезла! Это подкладной платок!

Помнишь, нам Анна рассказывала про подкладные предметы? Они одноразово несут какую-то задачу, выполняют её, и становятся обычными предметами. А Дашин платок, смотри, с каплей крови. Значит, платок что-то вытянул из неё!

– Подожди ты! – Остановил меня Сакатов – Зачем нужно Анне Фёдоровне, или там ещё кому из её родни, чтобы Даша потеряла память? Все действия должны нести какой-то смысл, а здесь его совсем нет.

– Так это просто мы с тобой смысла пока не видим. Нам нужно бабу Нюру чем-нибудь прищучить и разговорить. А это не просто, она и так не очень-то с нами разговаривает, представляешь, если мы её разозлим?

– Я боюсь её разозлённую увидеть. Вот, Виктор Рубашин разозлил её и где он теперь? – Сакатов развёл руки.

– Давай не будем валить всё в общую кучу. Ищи пока про платочки, может, ещё что узнаешь. Кстати, а что за иероглифы у неё на печке, ты узнал?

– Ничего интересного, такие знаки раньше вышивали на люльках у младенцев, охранные. Не представляю, зачем ей это на печке. Слушай, а может теми подаренными платочками кто-то вытерся уже, и только потом их подкинули? Но тоже пока не вижу логики. Куда ты собираешься?

– Пойду, по деревне пройду, пообщаюсь, если получится, с соседями.

Я вышла из дома и медленно пошла по деревенской улице. Где-то там, за заборами, была другая жизнь, не похожая на

нашу, городскую жизнь. Раньше, когда я жила все каникулы у бабушки в деревне, что-то не помню таких высоких заборов. Так, от скотины жерди были прокинуты. А теперь все прячутся. Я увидела через пять домов от дома бабы Нюры двух старушек, сидящих на лавочке. У меня моментально созрел план, как мне начать с ними говорить, чтобы они не подумали, что я очень интересуюсь одной их соседкой.

Я подошла и поздоровалась, бабушки приветливо мне ответили. Ну что ж, хорошо, значит, к приезжим у них нет предубеждения.

– Извините, а не могли бы вы мне продать пару морковок, суп хотела сварить, а забыла морковку с собой взять. – Начала я смиренным тоном.

– Пошли, дам я тебе морковку! – Поднялась полненькая бабушка и повела меня в дом, рядом с которым и сидели они с подружкой.

По пути она меня спросила:

– А где ты остановилась?

– У бабы Нюры. – Ответила я.

Она повернулась ко мне и удивлённо спросила:

– А что, у неё нет моркови? Она же овощи с огорода тоннами сдаёт каждую осень!

– Да мне так неудобно у неё спрашивать, она с нами совсем не разговаривает, и сердитая такая ходит, мы лишний раз боимся из комнаты выходить! – Я безбожно лила слезу обиженного квартиранта, понимая, что поступаю не совсем

красиво.

Она согласно закивала, и даже остановилась:

– Она такая! Ни с кем сроду в деревне не дружила! Если мы на праздники собираемся, так её уже и не зовём, всё равно не придёт! Сидит и летом и зимой у себя, как сыч в норе.

– И никто у неё даже ни разу в гостях не был? – Озабоченно спросила я – Так это ведь совсем не по-соседски. Это в городе так, каждый в своей квартире сидит. А здесь, я думаю, по-другому, дружно.

– Так мы дружно здесь и живём, друг к другу в гости ходим, а если когда кто заболит, и лекарства покупаем, и супчику принесём. Дружно живём.

– А что, баба Нюра не болеет что ли никогда? Ей не надо лекарств? Или к ней приезжает кто из родни, ухаживает за ней?

– Приезжает сестра, но раз в год, не чаще. А этим летом внучка приезжала, в кои-то веки. На выходные. С подружкой приезжала. Так они на речку ушли, так и целый день там купались.

– А где они были? Тоже хочется на речке посидеть, не знаю какое тут дно, как бы ни зайти в какую трясины.

– Да какая у нас трясины! Везде дно хорошее. А Катюшка с подружкой были возле тарзанки, там вся молодёжь всегда собирается. Хохот стоит, дурачатся. Это возле лодок. Увидишь, как к реке пойдёшь.

– Так значит, когда она болеет, к ней никто не ходит на-

вестить? – Снова я озвучила интересующий меня вопрос.

– Никто. Она и не пустит. Иногда у неё допоздна свет горит, и чем она там занимается? У меня тут голова разболелась, я встала за таблеткой в два часа ночи. Выглянула в окно, а мне тут хорошо её дом виден. Так свет в комнате горит, и она возле окна склонилась, то ли читает, то ли пишет.

– Так может без света спать боится?

– Боится она! Несколько раз вон Васька рассказывал, как с ночной смены едет, а она из леса выходит. Что она там забыла? Ночью-то? То-то и оно.

– В огороде у неё такой порядок! И как она справляется? Сама еле ходит. – Вздохнула я.

– Говорю тебе, сестра к ней каждую весну приезжает, они нанимают трактор, он вспашет землю у неё в огороде и потом они вдвоём всё засаживают. А всё лето она одна на огороде.

– А она что, всю жизнь одинокая прожила?

– Одинокая! – Бабушка хмыкнула – Когда-то раньше из-за неё скандал за скандалом у нас в деревне был. То одного женатого уведёт, то другого. Но не долго возле неё они задерживались, больше скандалу было, чем вместе прожили. Мужики обратно к своим бабам уходили, а она других подцепляла. Сейчас, понятно дело, успокоилась, старая уже стала.

– А её подруга Элла? – Спросила я.

Бабушка подозрительно посмотрела на меня:

– А ты откуда знаешь про Эллу-то?

– Так мне в магазине какая-то бабушка сказала про неё,

про то, что у бабы Нюры только одна подружка была. – Соврала я.

– Это тебе Петровна что ли рассказала? Толстая такая, без переднего зуба?

Я согласно кивнула.

– Вот ведь, болтовня какая! Ничего у человека не задержится! – Она всплеснула руками и погрозила кому-то через огород – Да, была у Нюры подружка, вместе сюда приехали, да она задавилась. Дитё не могла родить мужику своему, он погуливать начал, она с горя ушла в лес и на его ремне повесилась. Правда, поговаривали, что больно высоко ремень был привязан к дереву, не достать ей самой вроде было, да так и остались разговорами, никто ведь не пойдёт в милицию со своими предположениями. Нюрка тогда на целый год уехала к своей сестре, мы удивлялись, чего это она? Ну, умерла подружка, ну так не бежать же из-за этого из дома! Она тогда со Славкой жила, так его бросила и уехала. А потом вернулась. Опять, как ни в чём не бывало, стала жить тут.

– А муж Эллы где, Виктор Рубашин?

– Так он в реке утонул. Прямо через год после похорон. Вроде трезвый был. – Она задумалась – Хороший мужик был, мы его так жалели! Он после смерти Элки сам не свой ходил, всё больше дома один сидел. И похудел так! Одна кожа да кости остались. Нюрка рассказывала, что он перед смертью к ней пришёл, попрощался. Говорит, что думала,

что он собрался уезжать, с чемоданом пришёл. До ночи сидел, всё плакал, что жену не может забыть. Вот так. Она говорит, знала бы, что так выйдет, ни за что не отпустила бы его.

Она выдернула мне пять морковок, сполоснула их в ведре с водой, денег с меня не взяла и я пошла обратно к дому бабы Нюры. Значит, расправилась она с Рубашиным. И как она одна смогла с ним справиться, или кто помог?

Глава 6. Опять пауки.

– Заглядывала Анна Фёдоровна. – Сообщил мне Сакатов, как только я переступила порог – Говорит, что огурцы можем с грядки брать себе на еду.

– Что это с ней? – Удивилась я – Понравились мы ей, что ли?

Я рассказала ему всё, что узнала у соседской бабушки. Потом я позвонила Светлане Николаевне и спросила о здоровье Даши. Даша лежит целый день, но зато к ней пришли Алина с Катей. Сейчас сидят возле неё, обе очень расстроены. Даша обрадовалась, когда они к ней пришли, хоть и не сразу их узнала. Светлана Николаевна говорит, что слышала, что они нашли в телефоне фотографии, которые Даша не могла найти. Даша их с расстройства заархивировала, поэтому думала, что они пропали. Я ей рассказала о бабе Нюре и об её подруге Элле. Светлана Николаевна заплакала. Зря я, наверное, ей всё это рассказала.

На улице уже начало темнеть. Мы доели нашу лапшу, баба Нюра выставила нам чайник, и поставила на стол смородиновое варенье. Вышитое полотенце лежало на подоконнике, и я поинтересовалась:

– Вы любите вышивать? Можно посмотреть?

Она не сразу ответила:

– Посмотри. – И протянула мне полотенце.

Я взяла полотенце в руки и в подушечках моих пальцев, словно иголки закололи. Я почувствовало колдовство. Стопроцентно. Я осторожно развернула полотенце, по краю проходила ровная вязь из тонких листочков, вышитых синими нитками. Остатки этих ниток лежали у нас в комнате.

– Красиво. – Сказала я и положила полотенце на край стола – Только у меня руки, словно деревянные стали, я что-то чувствую. Что это? – Я пристально на неё посмотрела.

Она от неожиданности отшатнулась от меня. Потом взяла полотенце в руки и долго его держала, видимо, не зная, что мне ответить. Потом она резко мне ответила, и градус злобы в её голосе заставил меня пожалеть, что я не сдержалась:

– Откуда я знаю, что у тебя с руками! – Она пошла с полотенцем в кухню, и загремела там посудой.

Сакатов тоже не ожидал от меня таких слов, я обычно никому постороннему не говорю об этой моей способности. Он округлил на меня глаза и тихо спросил:

–Зачем?!

Я нарочно громко, чтобы она слышала, сказала ему:

– Такое впечатление, что я где-то в доме чувствую колдовство. Ты ничего не почувствовал?

– Нет. – Почти прошептал он – Хотя тоже какое-то странное ощущение проскальзывает.

Я собрала со стола посуду, пошла её мыть. Сакатов вперёд меня метнулся из дома. Выйдя на улицу, он выдохнул:

– Оля, ты что? Зачем ты это ей сказала! Это её насторожит!

– И пусть насторожит! – Упрямо ответила я – Там девочка лежит, встать не может, а мы как два подростка, не знаем, как подступиться к делу. Надо подстегнуть события.

– Поздравляю, у тебя получилось! Сейчас придётся всю ночь дежурить, чтобы она ночью к нам своего Птошала не подослала.

– И хорошо! Ты же не спать сюда приехал. Значит будем дежурить!

Я вернулась в дом с чистой посудой, баба Нюра пила чай.

– Мы пошли спать. – Сказала я ей – Спокойной ночи!

Она кивнула мне. Я вышла из дома. Я её разозлила. И я ни капли не сожалела о том, что прямо сказала ей про колдовство. Посмотрим, что она будет делать!

Мы сидели в комнате, Сакатов переписывался с кем-то из своих учёных друзей, я читала журнал «Юность», который демонстративно вытащила из чемодана. Когда за окнами настала полная темнота, я встала, подошла к окну и сказала:

– Пора. Вылезем из окна в огород, ты возьмёшь гвоздодёр, и мы откроем этот чёртов подвал.

– В окно? А что, в двери нельзя выйти? Зачем лишний экстрим? – Тихо спросил Сакатов.

– Ты слышал, как они скрипят? Мы бабу Нюру разбудим! – Отрезала я.

– Так она вряд ли спит. Поди прислушивается к каждому

нашему шороху.

– Ты полезешь или нет? – Уже совсем рассердилась я.

– Полезу, полезу.

Сакатов вылез из окна и помог мне. Хотя мы и бесшумно постарались это сделать, но поломали кусты малины, которые росли под окнами. На этой стороне дома было только одно единственное окно, из которого мы и спрыгнули. Посреди стены была невысокая дверь, закрытая на массивный замок, которая и была нашей целью. Где-то орал басом кот. Ему вторил ещё один. В ночи это звучало зловеще. Я присела возле двери, а Сакатов пошёл к бане за гвоздодёром. Он быстро вернулся, и мы осветили телефонами дверь.

– Чёрт! Так всё плотно подогнано, не знаю, за что и зацепиться! – Чертыхнулся он – Придётся замок ломать. Если получится. Смотри, какие толстые у него дужки!

– Так у тебя и гвоздодёр не слабый! – Утешила я его.

– А если там ничего нет? Тогда мы с тобой только разозлим её, и она нас выкинет, и мы ничего не узнаем! Потому что больше она нас и на порог не пустит. Если в полицию не сдаст раньше.

– Мы и так завтра уедем от неё, а поговорить мы всё равно с ней успеем, даже если она наши вещи выкинет на улицу. И в полицию она не пойдёт. Действуй!

Он просунул гвоздодёр между дужками замка и надавил на него. Замок проигнорировал его усилия. Сакатов навалился всем телом, но замок и не думал поддаваться.

– А если доску отломить, которая рядом с косяком? – Посоветовала я.

– Говорю тебе, даже маленькой щелки между ними нет! Куда его я просуну!

Мы начали снова светить фонариками на обшивку цоколя. На совесть сработано. Дощечка к дощечке, нигде даже не разошлись.

– Смотри, – я показала ему на одну доску, из которой торчал гвоздь, примерно на сантиметр – вытащи его, посмотрим, отойдёт доска или нет.

Он подцепил шляпку гвоздя и потащил его. Ржавый гвоздь предательски заскрипел, но коты всё равно орали громче. Гвоздь выпал и мы притаились. Сакатов отогнул доску, посветил в открывшийся узкий проём фонарем и разочарованно сказал мне:

– Там брёвна! Это только верхняя обшивка.

– Замок срывай! – Скомандовала я.

Теперь мы уже оба навалились на гвоздодёр, и петля, в которую была просунута дужка замка, не выдержала. Замок повис на одной оставшейся петле, и Сакатов гвоздодёром подцепил толстую дверь. Она открылась и на нас пахнуло сыростью. Мы сначала пошарили фонариками, прежде чем зайти туда. У меня очень сильно закололи подушечки пальцев, и я сказала об этом Сакатову.

– Хорошо, значит мы не ошиблись. – Сказал он и добавил – А может и не хорошо. Смотря на то, что или кто нас там

ждёт. Ты баллончик взяла с собой?

– А ты мне напомнил?

– Готовься к рукопашной! Вперёд меня не лезь. – Героически сказал он и храбро шагнул в тёмный проём.

В тот же момент какая-то тень шарахнулась с освещённой нами стенки в дальний угол и замерла там. Мы остановились.

– Видела? – Коротко спросил меня Сакатов.

– Шарахни по нему гвоздодёром! – Коротко сказала я.

Он сделал шаг по направлению к затаившемуся в углу существу, но оно и так уже снова ползло ему навстречу. Сначала показались длинные чёрные мохнатые лапы, потом вытянутое туловище и сверкнули красные горящие глаза. Восемь штук. На одной голове. Паук замер, грозно подняв передние две пары лап. Рядом с дверным проёмом стояло какое-то сельскохозяйственное орудие, похожее на узкую лопату и я схватила его, выставив перед собой. Паук издал резкий щёлкающий звук. Из его головы показалось какое-то облачко серебристой пыли.

– Выходим! – Крикнул Сакатов и подтолкнул меня к двери.

Мы выскочили и прикрыли за собой дверь. Стрекот паука не прекращался.

– Какой-нибудь одурманивающий выхлоп. – Отдышавшись, сказал он – Ничего себе паучище!

– Как в твоей сказке, только это уже не сказка. Чем бы его прихлопнуть? Может поджечь его? – спросила я.

– Ну да, вместе с домом и Анной Фёдоровной! Нет. Поджечь бы его не помешало, но кругом дерево, вспыхнет только так.

– А как там в твоей сказке с пауками боролись?

– Там их мамка на них цыкнула. Знаешь, давай его закроем до утра. Я поищу способ его ликвидировать, а утром этим и займёмся.

– Надо дверь забаррикадировать. Забей гвоздь в неё, тот, который выпал.

– Громко будет, бабка проснётся.

– А как ещё?

– Давай земли накидаем к порогу, дверь изнутри будет не открыть. И лопатой приткнём, для надёжности.

Я очень кстати выбежала из подвала с лопатой, правда она больше походила на скребок, но мы и лопатой, и руками, нагребли из-под малины земли и засыпали дверь почти на четверть, и хорошенько притоптали её. Я оглядела наше поле боя – ну и разгром мы устроили в малиннике! Но теперь у нас уже был железный аргумент против бабы Нюры. И ей уже от нас не открутиться. Мы вымыли руки в бочке, сорвали в огуречной гряде по огурцу, и тут же их съели. Домой мы зашли через дверь. Но потом ещё час наблюдали из окна за дверью в подвал, не ломится ли паук оттуда или баба Нюра отсюда. Но баба Нюра не вышла, а паука больше не было слышно.

– Я подумала, – сказала я – что если убить этого паука, с Даши спадёт то заклятье, которое на неё наложено. Теперь я

думаю, что у Даши на руке не просто изображение паука, а маленький паучок сидит.

— Вполне может быть. — Согласился со мной Сакатов — Как странно. Эта Александра Фёдоровна чертей всех мастей собрала возле себя. Сначала Птошала, а теперь паук.

— Может это одно и то же? Птошала теперь пауком выглядит?

— Нет, обычно настоящий вид таких тварей поддерживается ими на протяжении всего существования их. Отдыхай, Оля. Я буду искать оружие против паука, и дежурить. Потом тебя разбуду, ты будешь дежурить.

Я уснула на последней его фразе. И спала я крепко, и никакие кошмары мне не снились. Похоже, я перестала реагировать на всяких тварей, они стали частью моей повседневной жизни. Конечно, не дай бог, но факт налицо.

Я проснулась, и сразу прислушалась. Сакатов ещё спал, полусидя на диване, а его телефон лежал на полу. Похоже, сон его свалил раньше, чем он планировал передать мне свою вахту. Прежде, чем встать, мне надо было решить, как себя вести с бабой Ниной. Я выглянула из окна, и увидела, что рядом с дверью в подвал ничего не изменилось. Или баба Нюра туда не заходила ещё, или всё уже видела, и сейчас продумывает план против нас. Я решила, пока не узнаю, что там нарыл за ночь Сакатов против пауков, мне лучше носа своего не показывать в доме. Я посмотрела, сколько сейчас времени и снова прикрыла глаза. Семь утра. У меня есть

ещё пара часов. Во-первых, Сакатов пусть подольше поспит, неизвестно, сколько он вчера, вернее уже сегодня, сидел в телефоне. И, во-вторых, бабы Ньюры тоже не было слышно в доме. Никаких звуков. Может она спит до девяти?

Проснулась я в половине девятого. Сакатов спал в той же самой позе, а в доме раздавались шаги и скрипели половицы под грузным телом хозяйки. Итак, пора будить наш мозговой центр и принимать решения.

– Ты вчера нашёл что-нибудь, что нам поможет убить это насекомое? Баба Ньюра пока в доме, но это ненадолго.

– Найти-то я нашёл, но как мы узнаем конкретно, какой это вид нечисти? Понимаешь, как я тебе уже говорил, сами пауки не являются какими-то злодейскими существами. Всё зависит от того заклятия, которое на него наложено. И наш паук не является исключением. Вчера опять с Ромой Саницким переписывались. Он мне так и написал, что надо знать, с какой целью создали этого паука. Но есть одно универсальное средство. Башку отрубить. Но ведь он нас сначала отравит! Он же не будет ждать, когда мы подойдём и отрубим ему голову.

– Маску надо какую-нибудь, или противогаз. – Предложила я.

– Может это и поможет, но где взять противогаз?

– Илья! Я ему сейчас позвоню и скажу, чтобы срочно ехал к нам с противогазом.

– А он где возьмёт? – Удивился Сакатов.

– У него бывшая жена в полиции работает. У них точно должны быть противогазы.

– Ну звони, я потом тебе ещё что-то расскажу.

Илья ничуть не удивился, когда ему рассказала про наше приключение в подвале. Но когда я ему сказала, что нужен противогаз, он задумался.

– Сегодня выходной. Даже если у Таньки на работе есть противогаз, в воскресенье вряд ли она сможет взять его. А маска, в которой машины красят, вам подойдёт? Она тоже с фильтром. У меня в гараже несколько таких.

– Вези, только срочно. Мы пока из комнаты не выходили. Илья, подожди, не клади трубку! А у тебя где тот нож, которым демонов можно убивать?

– Дома. Понял, возьму и его.

Когда я положила трубку, Сакатов продолжил наш разговор:

– Ещё про пауков. Даже если колдун подчиняет себе паука, это не служит гарантией, что паук никогда не попытается убить своего хозяина. Дело в том, что пауки в обычном своём виде очень маленькие насекомые. И им приходится большей частью прятаться от своих врагов. И они такую свою трусость компенсируют удивительной жестокостью по отношению к своим жертвам. К мухам, к комарам и так далее. Для колдуна крошечный паучок не представляет интереса, поэтому он возвращает его, сколько сможет, чтобы размеры его стали внушительны для врагов. А по мере роста тела, жестокость

паука увеличивается в геометрической прогрессии. И колдуну приходится держать руку на пульсе, не расслабляться рядом с таким своим помощником, или рабом. Я прочитал про несколько случаев, когда колдунов находили смертельно укушенными гигантскими пауками. Но паук без подпитки от своего хозяина тоже долго не живёт. Его строение не предназначено для больших размеров. Его всё равно кто-нибудь убьёт рано или поздно, или он сам сдохнет от голода. Обычно такие огромные пауки не долгожители, даже если сидят при своём хозяине.

– А зачем их создают? – Поинтересовалась я.

– Их сфера деятельности не так уж и обширна, поэтому над их созданием работают редко. Больше всего колдуны порабощают других людей, от них гораздо больше пользы. Есть случай, когда паука создали для того, чтобы извести единственного наследника короля. Паук каждую ночь пугал ребёнка, и в итоге довёл его до помешательства, и король не рискнул оставить ему своё королевство. Другой случай, там паук был подкинут в осаждённый город и укусил горожанина. По цепочке, от человека к человеку, пошла болезнь, делающая безумными всех, кто ею заразился. А заразились в городе все жители, и заразили войско, которое было в осаде. Потому, что народное ополчение стояло наравне с регулярными войсками на стенах города. Так пал город. Из-за одного-единственного паука. Ради справедливости, расскажу и продолжение этой истории. Недолго победители радовались.

Поняла, почему? Конечно, они же вошли в город и контактировали с побеждёнными. Пока их предводитель смекнул, что к чему, его войско уже тоже бегало по городу, капая слюной. Вот такой бумеранг истории. Ладно, это так, для общего кругозора. Что будем сейчас с тобой делать? Выходить придётся. Мне вот уже надо. Как с Анной Фёдоровной будем себя вести, как ни в чём не бывало? Или как?

– Или как! – Твёрдо и решительно ответила я – Я иду сейчас к ней, и говорю о том, что она тут натворила, ты стоишь сзади с гвоздодёром и гвоздём...

– Оля! Я не зверь! – Испуганно замахал на меня руками Сакатов.

– Господи, да ты просто заколотишь её дверь на гвоздь, после того как я выйду, чтобы она не скооперировалась со своим паучком! Мы ждём Илью, отрубам башку пауку, потом открываем бабу Нюру и разговариваем с ней.

– Понял. – Облегчённо выдохнул он – План, в целом, неплохой. Пошёл, найду наш единственный гвоздь и возьму гвоздодёр.

– А я пошла в атаку. – Сказала я.

– Не будешь меня ждать?

– Нет, но ты ведь поторопишься?

Я зашла в дом, предварительно постучав, но не стала дожидаться ответа. Баба Нюра выглянула из кухни. И сразу же зашипела:

– Что вам вчера не спалось? Мне не нравится, когда шу-

мят по ночам и не дают мне спать!

– А Вы что, ночью спите? – Деланно удивилась я – А я думала, что Вас мучает совесть за то, что Вы собирались погубить девочку, которая ни в чём перед Вами не провинилась. И то, что Вы много лет назад погубили несколько жизней, утопив в реке и девушек, и мужа своей подруги, за то, что он обо всём догадался!

Сказать, что она удивилась, это ничего не сказать. Она схватилась за спинку стула, подтянула его к себе и в буквальном смысле свалилась на него. Открылась дверь и позади меня встал Сакатов. Баба Нюра выдохнула:

– Кто вы?

– Какая разница! У правосудия нет имени. – С пафосом я, конечно, перегнула, но эта фраза сама собой слетела с моего языка – И нам очень помог в расследовании дневник покойного Виктора Рубашина, который в чемодане лежит, в нашей комнате. Это ведь тот чемодан, с которым он к Вам он и пришёл. Да? Сейчас мы с Вами дождёмся палача нашей организации. Правосудие у нас быстрое, Вы не успеете и глазом моргнуть, как приговор будет вынесен и исполнен. Да, и не переживайте за ту тварь, которая сейчас заперта в подвале. Она практически уже нейтрализована.

Она, правда, сидела как громом поражённая. И взгляд её, хоть и не выдавал её истинные чувства, но в нём появилось испуганное выражение. Это меня немного успокоило, значит, правильно мы сделали, сразу огорошив её нашими пла-

нами.

Я замолчала и, не отрываясь, глядела на неё. Она мельком взглянула на Сакатова, и, отвернувшись к окну, бросила:

– Делайте, что хотите! Устала я. Может это и к лучшему.

Теперь уже мы с Сакатовым недоуменно посмотрели друг на друга. Злая колдунья устала делать зло? Или это хитрый маневр, желание обмануть нас, потянув время, придумывая новый план?

– А на какое лучшее Вы рассчитываете? Всё лучшее у Вас уже было. Две молодости, никому на свете такое счастье не выпадает, а вам выпало! Вернее, как выпало, вы его купили ценой жизни других людей. Время пришло отдавать долги.

– Оля, хорошо. – Начал говорить Сакатов – Я предлагаю всё-таки дать шанс человеку, мы же иногда делаем так. Я предлагаю сделку. Пусть поможет нам быстрее снять с девочки этого паука, и живёт дальше! Я за это.

Молодец всё-таки он! Быстро смекнул, что к чему, и баба Нюра тоже смекнула, я уловила, как сразу она напряглась.

– Больно много на ней жертв, чтобы относиться к ней гуманно. – Строго ответила я ему.

– Не забывай, каждая спасённая жизнь бесценна. И на весах правосудия она всегда весит больше, чем десять погибших.

Баба Нюра повернулась и обратилась к Сакатову:

– Не надо делать из меня преступника, не я это начала первая. Элка всё организовывала, а я тогда ещё глупая была,

молодая. И Витька, муж Элкин, сам хотел меня погубить, я только защищалась. И паука я не для своего здоровья в девку ту пустила.

– А для кого? – Хором спросили мы с Сакатовым.

– Для внучки сестры моей, для Катьки.

У меня не было слов. Такого поворота мы не ожидали. Я села напротив бабы Нюры и сказала:

– Вы понимаете, что убив паука, мы разрушим Дашино заветное, и всё, что было связано с ним? И тогда уже никто не сможет помочь Кате. Расскажите, зачем Кате понадобилась Дашина жизнь.

– Когда-то, за все грехи наши, всё равно нам придётся расплачиваться! Я всю жизнь расплачиваюсь. Мне бог не дал детей. Я смирилась, даже одно время думала, что это и к лучшему. А у сестры Лиды дочь родилась, как раз в то время, когда я у неё целый год жила. Хорошенькая такая была, пухленькая! Они с мужем Леночкой её называли. Сестра через три месяца вышла на работу, а я с Леночкой сидела. И так к ней привязалась, так её полюбила, словно она моей дочкой была. Потом уехала от них со слезами, потому что сестра приревновала меня к своему мужу. А потом он всё равно от неё ушёл, одна она с Леночкой осталась. Я ездила каждые выходные к ним, чтобы понянькаться. И вот, приезжаю однажды к Лиде, подарков, как всегда накупила всяких, а та в слезах. И показывает мне то, от чего я похолодела вся. У Леночки, в районе четвёртого позвонка появилось чёрное

пятно. Я только протянула к нему руку, как чёрное пятно превратилось в чёрного паука под кожей. И лапами он так перебирает. Как только он показался, так Леночка наша как заревёт, ручками за то место хвататься начала, будто хочет вырвать его. И мы вместе с Леночкой обе с сестрой заревели. Лида мне говорит, что врачи ничего там не видят, даже тёмного пятна. Оно появляется только когда сестра одна с ней рядом. Но паука она сейчас впервые увидела, до этого момента это было просто пятно. И я сразу же поняла, что это за паук. Это расплата мне за всё, что я сделала по своей глупости, но почему Леночке, а не мне? Я сказала, что надо вести Леночку к бабке-знахарке. У нас была одна такая на примете, в соседней деревне жила. Мы к ней приехали. Она, как посмотрела на это, сразу ко мне повернулась и сказала: «Ты думала, что в жизни одни подарки на тебя сыпаться будут? Нет, милая, за всё надо платить!» Сестра непонимающе повернулась ко мне: «Аня, это она про что?» Знахарка ей сказала: «Потом она тебе всё расскажет, ей есть, что тебе рассказать. А пока я могу сделать только одно, на время остановить его, но только на время. Он отпустится от вашей девочки. Но это не решит вашу проблему совсем. В следующем поколении уже два паука будут терзать ваших близких, потому что мне придётся его разделить на две части. Два паука будут ждать следующее поколение. Если вы, конечно, за все эти годы не придумаете, как от них можно совсем избавиться!» Мы согласились, лишь бы она освободила Леночку

от этого страшного создания. Мы и не думали ни о каком следующем поколении! До этого ещё долго, а Леночка, вот она, страдает и плачет. Оставили мы Леночку у знахарки на ночь, сами во дворе просидели у неё, разговаривали. Я Лиде всё честно рассказала. Всё, как есть. Она просто в ужасе была, смотрела на меня, как на монстра. И имела на это полное право. А я уже привыкла к этой своей жизни, и не думала, что это может кого-то так шокировать. Леночке знахарка помогла. Сестра на меня сердилась первое время, но потом всё забылось. Правда, Леночка росла такой больной! То я, то сестра, мы по очереди ездили с ней по здравницам, санаториям, ходили по больницам, постоянно сдавали анализы! Конечно, Леночка выросла избалованной. И в семнадцать лет она нам принесла подарок. Говорит, что ждёт ребёнка, но мужа у неё не будет, потому что папа ребёнка не собирается на ней жениться. И так и не сказала нам, кто же отец её будущего ребёнка. Вот тут мы с сестрой и вспомнили про двух пауков. Поехала я к знахарке, а она уже умерла к тому времени. Зато на выезде из той деревни ко мне на остановке подсел какой-то мужчина и сказал, что знает, как мне помочь. Я его сначала послала к чёрту, он засмеялся и сказал, что ему для этого так далеко и не надо ходить. И сказал, что пауков можно держать в любом живом существе, не обязательно в человеке, надо только знать, как это сделать, и он научит меня этому. Так я отведу беду от Леночкиной дочки на какое-то время. Нужно взять слепого щенка, и поить его

молоком со своей кровью. Год. И облизывать его морду каждый раз, когда он поест. А через год, на полнолуние, вывести его на открытое место, привязать к дереву, на котором есть паутина и сказать: «Кому в дом, кому в лес. Твоё место здесь». И ночевать там под деревом рядом с собакой. А утром унести её домой. Унести, потому что она уже не сможет больше ходить. Пока жива собака, пауки будут в ней, и не смогут её покинуть, пока она не подохнет. После её смерти надо будет выбирать, или пауки займут место в тех, кому они и предназначались изначально, или обмануть их, подсунив им двух чужих людей. У меня будет время всё сделать, потому что пауки не покинут мёртвую собаку до следующей полной луны. Когда всё он мне это сказал, я взглянула ему в глаза, и холодок пробежал по моей спине, будто я в глаза самой страшной бездне посмотрела. Я не знаю, кто это был, но я так всё и сделала, и неважно, куда меня затащат после моей смерти. Теперь уже одним грехом больше, одним меньше. У соседей выпросила щенка, и поила его год молоком со своей кровью, вылизывая его морду. Леночка родила через полгода после того, как у меня появился щенок, поэтому следующие полгода, пока я не довела до конца ритуал, дочка её орала так, что соседи приходили узнать, что они делают с ребёнком. Но у неё не было нигде ни одного тёмного пятна, мы терялись в догадках, из-за чего она так страдает. А потом, под полную луну, я отвела к дереву с паутиной свою собаку, сделала всё, как мне тот на остановке сказал, и Катька у нас

успокоилась. И мы тоже. Катерина у нас родилась слабенькой, тоже болела часто, но это было меньшее зло, по сравнению с тем, что могли бы натворить пауки. Двадцать два года прожила у меня собака. Я ходила за ней, как за маленьким ребёнком. Я видела, как она страдает. Пауки выедали ей все внутренности. И вот, год назад, весной, приехала ко мне Лида и сказала, что нашла заговор от родового проклятия. Ей какой-то мужчина случайный на остановке сказал, чтобы мы поторопились, а то собака скоро сдохнет. Я промолчала, не стала ей говорить, что тоже когда-то сталкивалась на остановке с этим мужчиной. И ещё он ей подсказал, как обмануть пауков, чтобы они перешли не к Кате и Леночке, а к их подружкам. Она привезла нитки для вышивания, мы с ней вышили платочки, которые нужно было отдать девчонкам, но предварительно одним платочком должна была вытереться Катя, а другим Леночка. Чтобы отвести от них пауков. А в мае у меня умирает собака, как и предсказывал этот чёрт на остановке. До полнолуния оставалось десять дней, поэтому, мы с сестрой спешили. А так как платочки она уже передала девчонкам, подружкам Катиным, нужно было просто привести этих подружек ко мне, чтобы закончить ритуал. И тут Лида начинает понимать, что Леночка постоянно, как бы ни в себе, взгляд порой становился таким безумным, что сестра боялась оставить Леночку одну дома. Один платок почему-то не сработал. Тот, которым вытерлась Леночка. Я приготовила ещё один платок, Леночка снова им вытерлась, но

платок исчез из дома, и сестра не могла понять, куда он мог деться. Я начала вышивать полотенца, мы подумали, что может на полотенцах сработает. Но времени оставалось мало, и мы поняли, что Леночке нам уже не помочь. Катя привезла Дашу, они здесь ночевали. Я прокралась ночью в их комнату, и увидела, как один паук исчез у неё в руке в районе пульса. Второй паук тоже сидел рядом, а Даша спокойно спала, и он не собирался присоединяться к первому пауку. И тогда я с великой предосторожностью пересадила паука на Леночкино полотенце, он сразу же схватился за него, и я отнесла его в подвал. Даша утром встала, как ни в чём не бывало. А Катю рвало целое утро. А потом, когда Катя с подружкой уехали, позвонила сестра и сказала, что Леночку увезли в больницу, у неё кровотечение внутреннее. Сейчас уже лучше, но она еле ходит.

Она вздохнула, закрыла рукой глаза, посидела молча, и добавила:

– Судьбу не обманешь. И её наказанию нет срока давности.

– Почему Вы не убили пауков, пока они были в собаке? – Спросила я.

– Пока была жива собака, я боялась испортить всё, вызвать какую-нибудь новую беду. А когда умерла собака, я бросила её труп сразу же в печку в бане. И дверку закрыла на завёртку. Сидела возле неё, пока она полностью не прогорела. А потом открыла, посмотрела, ничего в печке не оста-

лось, одна зола, всё сгорело подчистую. Я захожу в ограду, а там мёртвая собака моя лежит! Как будто я её только что не кинула в печку, и не сожгла! Я ещё раз её отнесла и ещё раз спалила. Но она всё так же лежала у меня в ограде.

– А где блокнот Ваш, с помощью которого Вы годы себе добавляли? – Вдруг спросил за моей спиной Сакатов.

– У этого погорельца красноглазого остался! – Ответила баба Нюра – Как только он вытащил его из огня, когда Витька хотел тот блокнот спалить, то с ним и исчез, и больше не появлялся. Да мне он и без надобности был. Итак, только горе да слёзы нам обоим с Элкой принёс. Никого незаслуженные подарки не делают счастливыми. И чужие слёзы, словно поток, смывают всю построенную на них жизнь. Сейчас и Леночке не помочь, инвалидом стала. И Катя сказала моей сестре, что лучше бы тогда её мать прямо в детстве умерла, и не мучились бы столько лет все. Всем плохо. Не знаю уж, чем вы там собрались убивать паука, да только не обычный он, и вряд ли вам удастся его убить!

– Посмотрим. – Сказала я – А вы чем его кормите?

– Кормлю? – Она недоумённо посмотрела на меня – Да я, как на полотенце перенесла его в подпол, так больше туда и не заглядывала, закрыла его на замок. Думала, может он там сдохнет.

– Он уже размером с хорошую собаку. – Сказал Сакатов – Сантиметров шестьдесят, когда на лапах стоит.

– Тогда он был небольшой, с ладонь. – Она показала, ка-

кой он был.

– А Птошала к Вам больше не приходил? – Спросил Сака-
тово.

– Нет, он, когда уходил, мне сказал, что теперь будет ждать
меня у себя дома. А чтобы я точно пришла, он мне вот какую
отметину оставил, сказал, что это ключ от его дома.

Баба Нюра повернулась к нам боком и подняла кверху ру-
кав на футболке. На правом предплечье у неё было чёрное
пятно в виде широкой буквы «Н» с наклонной второй палоч-
кой.

– Что это обозначает? – Спросила я.

– Он же сказал, что ключ. – Он опустила рукав и добавила
– Я знаю, где его дом. И знаю, что меня там ждёт.

Мы с Сакатовым снова переглянулись. Да, Птошала себе
немало за все эти столетия душ насобирав. И себе неплохое
место в аду, наверное, этим обеспечил.

– Ну что ж, Анна Фёдоровна, оставайтесь пока в доме. –
Сказала я – Мы попытаемся разобраться с вашим квартиран-
том. Может, если найдём способ его ликвидировать, то и ва-
ша семья освободится от проклятия, не только Даша. Алек-
сей Александрович, придётся тебе снова искать выход из на-
шего непростого положения. Со своей башкой паук может
не захотеть так просто расстаться.

Баба Нюра осталась сидеть, а мы снова пошли в свою ком-
нату.

– Ну, что ты думаешь про это всё? – Спросил меня Сака-

тов.

– То, что она невинная жертва, я не верю. А остальное, наверное, всё правда. Не похоже, что она для себя хотела здоровья. И я верю, что блокнота у неё больше нет. Если она родилась в тот же год, что и Элла, то ей сейчас восемьдесят с лишним лет. Она и выглядит на них, и здоровьем не пышет. Те десять лет, что она вначале своей жизни отхватила, уже и не увидишь на ней. Всё прошло. И знак на руке не похож на обычное тату. Одно радует – Птошала сейчас сидит в своём аду. А с пауком не знаю, что делать. Если он и в печке не горит, тогда вся надежда только на то, что именно нож Ильи сможет его убить, он же против таких вот демонических созданий и создан. Ладно, не отвлекайся, ещё поищи что-нибудь про то, как можно волшебного паука уничтожить. Но не впервые же он такой появился на земле!

– Я посмотрю, но это уже по второму кругу. Я вчера добросовестно все записи пролистал про таких модифицированных пауков. И Синицкий тоже искал. Против таких пауков всё больше всякие колдуны выступали, а если простые смертные с ними боролись, так только какие-нибудь богатыри с особым оружием. Но спорить не буду, выход должен быть. Напишу ещё одному своему приятелю. Давно с ним не встречались, надеюсь, что он меня ещё не вычеркнул из круга своего общения. Да, Ольга, как ты думаешь, что за человек явился на остановке с такими добрыми советами?

– Я сначала подумала, что это какой-то колдун. Но какой

интерес и выгода колдуну от того, что будет с семьёй бабы Нюры и с пауками? Потом подумала, что это потомок знахарки. Могла ведь она ему передать отчёт о своих делах, чтобы он продолжил этим заниматься после её смерти?

– Вполне. И это похоже на правду. Встретить бы его! Наверняка он знает, как нам поступить с пауками! – Поражмышлял Сакатов, а потом добавил – А что, если это был сам Птошала? Вдруг за все эти годы он научился на себя личину человека надевать?

– Ты же говоришь, что такие сущности свою истинную форму редко меняют.

– Так это я так думаю, ещё так кто-то так думает, а он – бац! И сменил личину.

– Но ведь он с ней попрощался?

– И что? С ней попрощалась головёшка с красными глазами, потом ему в аду демоны дополнительные опции накрутили. Он теперь, может, периодически на землю поднимается, так сказать, в новом звании. Что-то мне подсказывает, что это именно так и есть. Птошала за три тысячи лет карьеру себе сделал. Головокружительную, как сейчас говорят. Сначала простой курицей был, потом мелким бесом в караванах промышлял, потом у колдуна колдовству научился, потом начал жизни у людей отбирать. Вот так и дослужился до полноценного демона. И видишь, даже домом там своим обзавёлся.

– Ты прямо так говоришь, будто любишься им!

– Меня всегда привлекала целеустремлённость и воля к победе.

Я вышла во двор и села на завалинку. Так тихо! И тут мне пришла мысль. Я набрала Светлану Николаевну, и она сразу мне ответила.

– Светлана Николаевна. Сейчас я разговаривала с бабой Нюрой, и в разговоре промелькнуло, что Лена, Катина мама, в одно время с Дашей заболела, и до сих пор у неё тоже серьёзные проблемы со здоровьем. Мне кажется, Вам надо идти к ним, и поговорить с ними начистоту. И послушать, что там бабушка скажет. Лене и Даше поможет только то, что мы уничтожим этих пауков. И что скажет на это бабушка Кати, потому что именно она предложила такой способ снять с их родни проклятье. Я не думаю, что она смирится со смертью своей дочери. От Кати она отвела беду, передав проклятье Даше. А от Лены не смогла.

Я, как могла, объяснила ей связь всех событий, и она мне пообещала, что прямо сейчас к ним и пойдёт. А потом добавила:

– Дашу с собой возьму.

– Вы уверены? – Засомневалась я в её решении.

– А что нам терять? Если в ближайшее время ничего у вас не получится, нам с Дашей уже никто не поможет. А Лена меня поймёт. Раз она не участвовала в колдовстве своих родственниц, то у меня только на неё вся надежда. Потихоньку с Дашей дойдём до них. Они же рядом живут. Второй этаж,

невысоко ей подниматься.

Я уже начала волноваться, время идёт, а Ильи всё нет. Звонить ему не буду, вдруг он в дороге. Не любит он, когда ему в это время кто-то звонит. Я вышла на улицу, прошлась к реке, постояла на берегу. Возле самой воды отдыхала компания, было шумно. А мне хотелось тишины. Я снова вернулась во двор. Какое-то состояние усталости навалилось на меня. Не хотелось ни двигаться, ни разговаривать. Даже думать. Так и сидела с пустой головой, в которой не рождалось ни одной мысли.

Послышались шаги. Сакатов подошёл и сел рядом.

– Нашёл что-нибудь? – Спросила я его.

– Не знаю пока, но давай вместе порассуждаем. Смотри, знахарка сказала, что за всё надо платить, но не сказала, кто это наслал. А само оно не могло прийти, если кто-то не приложил к этому руку.

– Не поняла. Что значит, кто наслал? Это же карма!

– Оля, карма, это когда ты пнула ногой собаку, а потом подскользнулась и сломала эту ногу. А если ты пнула собаку, а потом на этой ноге появился паук под кожей, это похоже на карму?

– Да, это наказание!

– От кого?

Я задумалась. От кого приходит наказание?

– От высших сил. – Уверенно ответила я – Кто-то следит ведь за равновесием во вселенной.

– А откуда высшие силы знают, что равновесие нарушено? Они что, за каждой собакой следят?

– Знаешь что, просто выложи все свои мысли, и тогда мы с тобой порассуждаем! Иначе мы так до китайской пасхи будем тут про карму спорить.

– Ладно, не злись. Я вот что подумал. Вернее не я. Мы с Гавриловым. Ну, это не важно. Он меня напрямую спросил, раскаялся ли тот человек, который такое злодеяние сотворил. Это очень важный вопрос. И не с пауками надо бороться, а с тем, что предшествовало всему этому несчастью. Пауки являются только следствием тех событий. Посмотри, ведь они изначально появились у того, кто был дорог бабе Нюре. И за кого она так сильно испугалась. У её племянницы Леночки.

– И что нужно сделать?

– Нужно прощение.

– Чьё? Девушек?

– Да. Всех заглубленных ею.

– И как его получить?

– У них самих попросить.

– Не тяни! Говори сразу всё. Какой же ты, Сакатов, нудный!

– Зато умный. Ты понимаешь, Оля, на физическом уровне ничего уже не вернуть и не изменить. Дело сделано. А на духовном можно. Там время не властно, его там просто нет в нашем обычном понимании. Раз в нашем случае всё связано

с водой, значит, и ритуал должен проходить в воде. Обидчик должен зайти в воду в том месте, где произошла трагедия. А Рубашин где-то рядом тут утонул. Так вот, обидчик заходит в воду и встаёт на колени. И просит прощения. Искренне. А когда вода почернеет, он зачерпывает её в ладошку и пьёт. А что дальше произойдёт, этого никто не знает.

– Всё?

– Всё.

– А если вода не почернеет?

– Не знаю. Но Гаврилов сказал, что это работает.

– А девушки не здесь утонули.

– Если будет получено прощение, это будет не важно.

Над нами, из распахнутого окна, раздался голос бабы Нюры:

– Я буду просить прощения. Сегодня ночью.

Глава 7. Прощение.

Илья приехал через полчаса, и, мы сразу начали с Сакатовым наперебой рассказывать ему о наших последних событиях.

– Я так и не понял, так мы будем рубить пауку голову или нет?– Спросил он.

–Будем! – Сказала я.

– Не будем! – Сказал Сакатов.

– А почему у нас тут два лагеря? – Удивился Илья.

– Давай хотя бы попытаемся! – Постаралась я переубедить Сакатова – У Ильи не простое оружие, оно специально для таких тварей. И если мы убьем этого паука, может и Даше будет легче. Пара пауков, в сущности, являлись изначально одним пауком, разрубленным пополам. Они, может быть, до сих пор и есть одно целое. У меня просто такое чувство, что это у нас получится. Интуиция. Ты же знаешь, сколько раз в экстренных случаях я угадывала с решением?

– Я сегодня не поеду с вами в город. Останусь и буду присутствовать на ритуале прощания. Если ничего не получится, тогда пойду сам в подвал и убью эту тварь. – Решительно ответил Сакатов.

– Я тоже не поеду в город! – Сказала я – Я тоже буду на реке. И если что, пойдём в подвал вдвоём.

– Так я зачем тогда приехал? – Возмутился Илья – Они

оба не поедут! А утром, вы на чём поедете в город? Тебе, Оля, между прочим, с утра на работу! Я останусь. Утром пораньше развезу вас. И в подвал с моим оружием мне лучше самому идти. Так идём мы в подвал или нет?

Я посмотрела на Сакатова. Он вздохнул и сказал:

– Ну что ж, давайте попробуем. Хотя я сейчас вспомнил, что твоя интуиция, Оля, нас подводила гораздо больше раз, чем выручала.

Илья достал из машины две маски-респиратора, одну протянул Сакатову, другую оставил себе. Потом достал завернутый в толстую тряпицу нож в ножнах и развернул его. На ножнах блестел рубин, словно пылающий красный глаз.

– Мой Керстагладец! Обычно он у меня лежит на самом дне комода. Ждёт своего времени. Похоже, дождался.

– Так он же только на летающих демонов! – Вспомнила я.

– Ты предлагаешь паука сначала подопнуть?

Баба Нюра нам дала ключ от сарая, мы взяли там две лопаты и откопали двери. Илья сказал Сакатову:

– На счёт три, открываем двери, ты слева идёшь, машешь палкой, отвлекаешь его, а я сразу из-за тебя выскакиваю, и

...

– У него четыре пары глаз. Как бы ты быстро не выскочил, он тебя быстрее увидит, чем ты его.

– Он же от вас не убежал, сам говоришь, стойку принял, значит, думал защищаться. Лапы у него всё равно короче, чем мои руки. Дотянусь.

– Меня беспокоит та субстанция, которую он выпускает. Может, нам не органы дыхания надо защищать, а кожу? Надень куртку с длинными рукавами.

Илья достал из машины ветровку, надел её и спросил у Сакатова:

– У меня в машине газовый баллончик. Может его распылим? Мы же в респираторах, нам он не страшен.

– Бери, будем всё пробовать! Я тоже взял.

– Я пойду позади вас с топором. – Сказала я.

– Это что ещё за заградительный отряд! Ещё нас пораишь! – Илья был не согласен – Я не хочу, чтобы в тылу у меня был такой неадекватный боец, да ещё и с топором.

– Да, Оль, лучше не надо! – Согласился с ним Сакатов. – Ты, в случае чего, если мы выбежим, сразу захлопни за нами дверь и держи.

– За нами, а не перед нами! – Уточнил Илья.

Они встали возле двери и, на счёт три, Илья резко распахнул дверь, они влетели в открывшийся проём, сделали шаг вперёд и раздался голос Сакатова:

– Что это, чёрт возьми?

– Фу, ничего не видно. Как вы раньше тут паука-то разглядели? – Спросил Илья.

Я заглянула в помещение и увидела, что оно было набито какой-то ватой. Потом я пригляделась и поняла, что это паутина. Она оплела всё помещение от стены до стены, и от пола до потолка. Илья махал своим ножом, Сакатов пытался пал-

кой расшевелить хотя бы проход для себя, но паутина была очень плотная, и они продвинулись только на один шаг. И запах стоял не сырости, как в прошлый раз, а пахло какой-то падалью, словно в подвале передохли все мыши.

Мы снова все вышли на улицу. Сакатов и Илья стали стряхивать с себя комки и целые ленты паутины. Я взяла одну такую ленту, в руках она ощущалась так, словно это изделие из полноценных толстых нитей. Порвать мне её удалось с трудом.

– В такой крошечной паутине он может незаметно к нам приблизиться, и атаковать. – Сказал Сакатов – Надо его выманить.

– Но ведь ещё вчера вечером ничего этого не было! – Изумилась я – Мы спокойно прошли через комнату. Когда он успел! Он же там один.

– Он понял, что мы готовим на него покушение. – Сказал Сакатов – Мы так неосмотрительно повели себя, только насторожили его своим приходом. Вот он и принялся защищаться единственным доступным ему способом. Он увидел, что противник против него крупный, такого ему не поймать...

– А если поймать, то за раз не съесть! – Подхватил Илья – Поэтому соорудил баррикаду. Можно попытаться это сжечь.

– Да вы что за семейка такая! – Сакатов осуждающе посмотрел на Илью – Ольга тоже вчера хотела спать тут всё ко всем чертям вместе с домом и хозяйкой! Я предлагаю на-

оборот, намочить её, она осядет, и мы сможем пройти. В природе паутина прогибается под каплями дождя.

— Попробуем, но мне почему-то кажется, что ни фига она не осядет. — Илья подошёл к бочке, которую я вчера наполнила.

Набрав целое ведро воды, он, подойдя к входу в подвал и размахнувшись, направил всё содержимое ведра на паутину. Вода, красиво распавшись на капельки, осталась висеть на пластах паутины. Он ещё три раза сходил и вылил воду вслед за первым ведром. Но вода или оставалась блестеть капельками на серебристой вате, или, переваливаясь с нитки на нитку, добиралась до пола и там стояла уже приличная лужа. Паутина ни на сантиметр не осела.

Сакатов попытался намотать паутину на палку, а потом резко выдернуть её, но отщепился лишь небольшой клочок, и такими темпами он мог до Нового года её щипать. Потом он принёс из сарая вилы, но на них паутины оставалось ещё меньше, чем на палке. Вдобавок ко всему, руки после паутины чесались, будто ужаленные крапивой. Илья с разбегу хотел примять паутину, но она пружинисто оттолкнула его обратно. Мы всё-таки её подожгли, предварительно поставив рядом ведро воды, чтобы сразу затушить её, если она вспыхнет, но паутина даже не расплавилась. Так, промучившись больше часа, мы отступили. И ещё проголодались.

Илья привёз с собой готовые салаты в контейнерах, мы вместе пообедали, после чего Сакатов снова уткнулся в свой

телефон, а я повела Илью к Базальтовым скалам. Илье места понравились, но такого восторга, какой испытали мы с Сакатовым, он не высказал. Но он с удовольствием по лазил по скалам, много фотографировал, даже подобрал двухцветный камень, сказал, что на память, увезёт домой. Мы прошли до моей любимой голубой скалы и только потом повернули обратно. Забравшись на очередную вершину, с которой видна была Исеть, он меня спросил:

– Ты думаешь, что просто попросив прощения, решатся все вопросы, и можно спокойно жить дальше? Значит, можно убивать, грабить, а потом просто сказать «прости»? Не слишком ли просто?

– Слушай, а тебя когда-нибудь мучила совесть? Так, что ни стоять, ни сидеть?

– Конечно, и не единожды.

– И что, ты спокойно жил в то время, радовался жизни?

– Нет, конечно.

– Я думаю, тебя угрызения совести мучили не за убийства и не грабёж, а за то, что ты кого-то словами обидел, или действием, но это было в процессе каких-то отношений. Это не одно и то же. И если пришло раскаяние, плюс к этому совесть ноет, как больной зуб, жизнь уже никогда не будет счастливой и беззаботной. Я думаю, что баба Нюра такая злобная из-за страданий.

– А как насчёт того, что страдания очищают? – Недоверчиво спросил Илья.

– Стрдать можно по-разному. Разница есть, или тебя обидели, или ты обидел. Знаешь, я вот тебя убеждаю, а ведь и у меня маленькое сомнение сидит где-то. Пять загубленных жией. Пять отрубленных ветвей, и никогда на них не будет новых побегов. Смогут ли её простить те, кто уже никогда не обнимет своих близких? Прошла ли с годами обида на своего палача? Надо быть очень великодушным, чтобы отпустить всё это.

– Вот и я о том же!

– Посмотрим. Наверное, там они тоже стали другими.

Мы не спеша спустились с горки, и пошли по деревне. На скамеечке сидели мои знакомые бабушки. Мы подошли к ним и поздоровались.

– Что, сварила супчик-то? – Спросила бабушка, которая мне дала морковь.

Боже, я даже не помню, где потеряла её морковки! Видя, как я растерялась от вопроса, Илья положил руку себе на грудь и проникновенно сказал:

– Да, спасибо Вам большое за рецепт! Такой вкусный получился! Никогда мы не ели раньше такого!

– Да, спасибо Вам за морковку! – Поторопилась я исправить оплошность Ильи.

Бабушки заулыбались, а мы пошли к дому. Раздался звонок. Звонила Светлана Николаевна:

– Ольга Ивановна! Мы все едем к вам. Леночкин знакомый нас отвезёт в Калюткино. Приедет приблизительно через час

за нами.

– А кто все?

– Мы с Дашей, и Лидия Фёдоровна с Катей. Позвонила сестра Лидии Фёдоровны, Анна Фёдоровна, и рассказала нам про прощение. Лидия Фёдоровна и Катя едут, чтобы тоже попросить прощения.

– Понятно. А вы зачем с Дашей едите? Вам не надо просить прощения.

– Да как не надо! Я, как услышала про то, что надо раскаяться, сразу вспомнила, сколько у меня грехов в жизни было! Сколько я слёз другим принесла. Мои грехи может и не смертельные, но ради Дашки тоже хочу покаяться.

– Так ведь для этого не надо ехать сюда, в реке стоять, можно в церковь сходить.

– Да мы уж тут все вместе. Ради наших детей. И ещё, мы простили с Дашей Анну Фёдоровну, и не держим на неё зла.

И так она сказала это, что у меня слёзы навернулись. Я повернулась к Илье и сказала:

– Я тоже буду просить прощения сегодня. Вместе со всеми.

– Коллективное помешательство! – Он махнул рукой и зашёл во двор.

С порога он спросил у Сакатова:

– Сюда едет целая делегация просить прощения, Ольга тоже собирается к ним присоединиться. Ты, случайно, не собираешься вместе со всеми в речке каяться?

– Да, я тоже подумал, мне тоже есть в чём раскаиваться, и я чувствую, что должен это сделать сегодня.

– Похоже, река сегодня выйдет из берегов от желающих покаяться!

Светлана Николаевна, Даша, Лидия Фёдоровна и Катя приехали в шестом часу вечера. Дашу с двух сторон поддерживали Светлана Николаевна и Катя. Они провели её в дом, баба Нюра убрала покрывало, взбила подушки, и Дашу положили на кровать. Все собрались в комнате. Мы с Сакатовым рассказали им всё, что узнали про пауков и Птошала, Сакатов ещё раз сказал про ритуал прощения и добавил:

– И вот ещё. Сегодня я снова с Гавриловым разговаривал, и он мне вот что сказал. Что у человека, на которого наложено какое-то проклятье, обычно бывает слабость. Мы это и видим сейчас у Даши. И чтобы поддержать человека, надо на бумажке нарисовать крест, и приложить к тому месту, где у неё стоит клеймо, или в нашем случае, сидит паук.

Катя моментально достала с полки листок бумаги, нарисовала на нём крест и примотала его на кусок бинта к запястью Даши. Я вспомнила про свой оберег, достала его из сумки и вложила в руку Даши и сжала руку её в кулак. Даша мне слабо улыбнулась, но по взгляду, брошенному на меня, я поняла, что она меня не помнит. Сакатов продолжил:

– Гаврилов этот занимается изучением полезных свойств некоторых растений, а в свободное время он изучает народные заговоры, обереги, этим он занимается уже давно, и до-

бился значительных успехов. Он посоветовал, что надо над Дашей петь.

Мы переглянулись. Светлана Николаевна переспросила:

– А что петь-то?

– Он просто сказал: «Пусть поют, всем будет легче». – Сакатов развёл руками.

И вдруг раздался чистый девичий голос:

Ой, то не вечер, то не вечер.

Ой мне малым мало спалось.

Мне малым мало спалось,

Ой, да во сне привиделось.

Это запела Катя, она подошла и села на край кровати к Даше, взяв её за руку. Песню подхватили Лидия Фёдоровна со Светланой Николаевной:

Мне во сне привиделось,

Будто конь мой вороной

Разыгрался, расплясался,

Ой, да разрезвился подо мной.

Они все окружили кровать, на которой лежала Даша, и тихо пели. К ним присоединился низкий и приятный голос. Баба Нюра подвинула табуретку и, опершись об изголовье кровати, подхватила куплет.

Мы втроём вышли на улицу.

– А мы дверь в сарай закрыли? – Спросил вдруг Сакатов Илью.

Мы кинулись в огород. Когда подошли к подвальной две-

ри, и увидели, что она распахнута настежь, то сразу стало нам всё понятно, что мы натворили. Посреди плотной паутины был лаз из глубины подвала наружу. Это мы не могли пробиться через неё в комнату, а для того, кто заполнил своей пряжей всё помещение, не составило большого труда покинуть через неё свою темницу.

– И где нам его теперь искать? – Спросил Илья.

– Что нам теперь от него ждать? Вот наш главный вопрос. – Сакатов почесал затылок – Он за месяц сидения в тёмной комнате без еды первым делом займётся организацией ужина.

– Значит, полундра, свистать всех наверх. – Вздыхнул Илья – Пошли искать это чучело по деревне.

– Начнём с огорода Анны Фёдоровны. – Подсказал Сакатов.

– И с дома. – Добавила я.

Вот так, под задушевные песни женщин, мы проверили все места в доме, где мог скрываться беглец. Потом все постройки во дворе, теплицы и огород. Как и следовало ожидать, паука мы не нашли.

– Слушай, а что, песни на пауков как-то по-особому действуют? – Спросила я Сакатова.

Он внимательно посмотрел на меня, потом ответил:

– А это не для паука. Ты что, подумала что для паука?

– Для Даши?

– Не только для Даши. Это для них для всех. Они все из-

мучены, потеряны. А песня, как и работа, как и рукоделие, сближает. Когда люди вместе что-то делают, они ближе друг к другу становятся. В старые времена зимой девушки и женщины собирались в одной избе и вышивали, пряли, ткали вместе. И пели. На поле выходили женщины, тоже все вместе и с песнями. У крестьянок всегда трудная была жизнь. На них было всё хозяйство, дети, и в поле они с мужиками наравне работали. Хватало, в общем, забот. Что, думаешь, никогда не накатывало на них чувство безысходности, тяжести? Конечно, всё было. Вот они и выкладывали свою душу в песне.

Мы не спеша прогулялись возле ближайших домов, обошли дома со стороны леса, разглядывая каждый закуток. Проходя мимо дворов, мы прислушивались, не раздастся ли стрекот, или не закричит ли кто, увидев нашего беглеца.

– Наверное, он уже давно в лесу. – Предположил Сакатов – На человека он не будет нападать, даже нечего тут бояться. Собака для него тоже великовата. Кошку не поймать, и если поймает, то не удержит. И потом, он проклятье определённой семьи, а не всей деревни. Может, и не надо тревожиться.

– Не надо тревожиться? У нас пятикилограммовый паук сбежал! – Воскликнула я.

Мы ещё долго ходили по улице, до самой темноты, прошли снова кромкой леса, но паука так и не смогли отыскать. А когда стало совсем темно, смысла в нашем поиске не осталось никакого. Чёрный паук в тёмном лесу. Чёрная кошка в

тёмной комнате. Я очень расстроилась. Сидел он там спокойно в подвале, а мы решили сделать доброе дело! Я в мыслях ругала себя, ругала Сакатова, Илью, но делу это не помогло.

Мы стояли во дворе и ждали, когда все выйдут из дома. Вышла Светлана Николаевна, ведя под руку Дашу. Мне показалось, или Даша на самом деле увереннее стоит на ногах? Вышли Катя и Лидия Фёдоровна. Баба Нина вышла последняя. На ней было длинное чёрное платье, а на голове был завязан чёрный платок. Она не подняла на нас головы, а просто молча сразу пошла к воротам. На улице не было ни одного человека, только где-то недалеко играла музыка, и слышался смех.

– Я останусь здесь. – Тихо сказал Илья – Не пойду с вами.

Мы с Сакатовым шли последними. Баба Нюра шла первая, и её чёрный силуэт сливался с темнотой деревенской ночи. Никто ничего ей не говорил, никто ни о чём не спрашивал. Она просто пришла на берег и встала. Мы встали с ней рядом. Река успокаивающе накатывала свои волны на берег и сразу же отползала назад, чтобы снова вытолкнуть к нам очередную волну. Я сняла обувь и прошла по кромке воды. Тёплая. Но меня всё равно билa лёгкая дрожь. Я оглянулась. Катя тоже сняла обувь и подошла ко мне:

– Ничего, что от луны только серп виден? Сколько звёзд!

– Да, сегодня удивительно чистое небо! Сакатов говорит, что для того, чтобы просить прощения, совсем не важна ни фаза луны, ни место, ни время.

– Такие очевидные истины Алексей Александрович говорит, мы и так должны были их всегда знать!

– Мы их всегда и знали. Но забыли о них. А теперь нам о них напомнили.

Баба Нина зашла в воду, и встала на колени. Она прижала руки к груди и опустила голову. Рядом с ней опустилась её сестра. Катя встала рядом с Лидией Фёдоровной. Светлана Николаевна, подвела Дашу к ним, и та опустилась на колени рядом с бабой Нюрой, с другой стороны возле неё опустилась на колени Светлана Николаевна. Они так и стояли все в один ряд, а вода серебрилась рядом с ними, и казалось, что силуэты женщин скользили по воде, не касаясь её. И было в этом что-то торжественное, даже тихий шум реки стал другим, словно река прислушивалась к их мыслям, решая, открыть ли им свой заповедный мир.

Сначала все просто стояли, долго стояли. Но потом головы их будто поникли, а плечи стали уже, съежились, и они сами стали меньше. У бабы Нюры задрожали плечи, она всё больше и больше наклонялась над водой. И вот громкое рыдание вырвалось из её груди, и пронеслось над рекой, как рухнувшая в воду лавина. Оно было как освобождение, эта выпущенная из груди тяжесть, которая сидела в ней все эти годы. Я встала на колени позади них и словно застыла, впус- тив в себя оцепенение, которое сковало моё сердце и всё моё тело.

Горько плакала Катя, наклонившись к плечу Лидии Фёдо-

ровны. Та гладила рукой её голову, а другой рукой вытирала свои слёзы. Светлана Николаевна прижала к себе Дашу, которая опустила в воду руки и они обе плакали, а Даша дрожала, то ли от холода, то ли от страха.

Над рекой вдруг повисла тишина, на какое-то время оглушив нас своей тяжестью. Свет от луны стал ярче, и её отражение в воде застыло. Где-то на середине реки от воды пошёл синий свет, принесся с собой тёплый ветер. Рябь на воде сразу очертилась светлыми линиями, которые огибали нас, словно отделив границу между миром живых и неживых. Синий неясный свет плавно поплыл к нам, и та поверхность, откуда он уходил, становилась чёрной, как зловещая пропасть в небытие. В том месте, где собрался свет, вода приподнялась, словно скатываясь со спины гигантского кита. Потом из воды начали подниматься светлые фигуры, будто сотканные из тонких стеклянных нитей. Вода несла их к нам, и мы слышали, как ветер проходит сквозь них, создавая немыслимую музыку, похожую на плач. Пять светлых фигур. Они замерли в паре метров от нас. И мне показалось, что незримая преграда отделила бабу Ньюру и пять этих силуэтов от всех остальных. За этой преградой была боль, которая не утихла с годами, не стала меньше, а стала только тяжелее. Я не знаю, говорили ли с ней светлые фигуры, или просто молчали, но плечи бабу Ньюры всё так же сотрясали рыдания, которые мы больше не слышали, а голова её была так низко опущена, что я видела только её сгорбленную спину.

Вода вокруг меня стала ледяной, я опустила глаза, и увидела, как чёрный поток струится возле меня, захватывая всех нас в один большой круг. Чёрная вода была такая густая, словно в реку вылили самую чёрную краску на свете. Ещё это было похоже на то, как будто исчезает небо над нами вместе со всеми звёздами, которые больше не отражались в реке. И нас окружило безвременье. Мы стояли в нём, мы были открыты ему, и оно словно изучало нас, и от этого я перестала слышать своё сердце.

Баба Нюра зачерпнула обеими ладонями воду. Я услышала её голос, он будто прорвался сквозь густую тишину. Она сказала всего одно слово – «Простите». Слово вырвалось у неё как пленник, выпущенный на свободу после долгого заточения, или как птица, выпущенная птицеловом. Снова зазвучала музыка ветра, но теперь к грусти прибавилось ещё что-то, всего одна нота, но она снова запустила наши сердца.

Баба Нюра приблизила руки с зачерпнутой из реки водой к лицу и сделала глоток. От самой первой фигуры отделился светлый луч, словно рука, и дотронулся до головы бабы Нюры. В тот же миг схлынула вся чернота с воды, снова побежали по ней светлые блики, и звёзды радостно высыпались в реку. Всё пространство вокруг нас на короткий миг вспыхнуло светом, который разом пролился в реку, унося с собой светлые фигуры. Такое никогда не забудешь. Мы медленно возвращались в наш мир, чуть-чуть заглянув в тот, незнакомый и далёкий.

Я обернулась, позади меня стоял Сакатов. Он стоял с закрытыми глазами. Неужели он ничего не видел? Я встала и пошла к берегу, по пути тронув его за плечо. Катя и Лидия Фёдоровна помогли подняться бабе Нюре. Когда она повернулась, я была готова поклясться, что это не она! Заплаканные глаза, и выражение их было не озлобленно-недоверчивым, а беззащитно – горьким.

Все молчали, никто уходить с берега не спешил. Первой нарушила молчание Светлана Николаевна:

– Даша, покажи руку. Он всё ещё здесь. – Это она уже мне сказала.

Я подошла к Даше, и она протянула мне руку. Под кожей пульсировала тёмная тень.

– Он уйдёт. Верь мне. – Уверенно сказала я. Я и правда была в этом уверена. – Давайте всё оставим до утра. Может не всё сразу отступает, а постепенно.

– Да. – Светлана Николаевна прижала Дашу к себе и сказала – Странные какие были эти фигуры, безликие!

– Почему безликие? – Раздался голос бабы Нюры – Какими я их всегда помнила, такими и остались.

– Но нам они не показали свои лица. – Сказала я – Действительно, это странно.

– Ничего странного нет! – Ответил Сакатов – Они пришли к Анне Фёдоровне. Нас они, скорее всего, даже не видели.

– И что теперь нам делать? – Спросила Лидия Фёдоровна.

– Ничего, спать пойдём. Утро вечера мудренее.

– Даша, прости меня. И ты, Катя меня прости. И спасибо вам.

Я обернулась, говорила баба Нюра. Она подошла к лежащему на берегу бревну и села на него, тяжело дыша. Поправила на голове платок, стряхнула песок с подола. Потом, видя, что мы не уходим, она сказала:

– Идите, не ждите меня, я позже приду. Я там вытащила подушки и одеяла, всё на кровать и диван положила. Разберётесь. Ложитесь спать. – Она вздохнула – Мне надо здесь одной побыть. Не ждите меня. Дом я не закрыла.

Лидия Фёдоровна хотела остаться с ней, но Анна Фёдоровна махнула ей рукой, и они с Катей пошли за нами. Катя повернулась и помахала ей рукой:

– Долго не сиди, приходи!

Баба Нюра улыбнулась и тоже помахала ей рукой.

– Берегите друг друга! – Раздался нам вслед её голос.

Нам навстречу шёл Илья.

– Слышу, вроде вы разговариваете. Ну что, получилось?

– Не знаю, – ответила я, беря его под руку – как то всё странно. Тихо так, не заметно.

– А ты что, думала разразится гром среди ясного неба, град, девятый вал? – Спросил меня Сакатов – Это она одна там была, с ними, и это всё произошло только между ними.

– Мне кажется, что я никакого прощения ни у кого не попросила, а просто стояла и смотрела. – Сказала я.

– Я тоже. – Кивнул Сакатов – Какое-то состояние стран-

ное было. Вроде, как оторопел. Ни одна мысль в голову не пришла, ничего такого не вспоминал.

– А я только плакала! – Повернулась к нам Светлана Николаевна – Дашка ко мне прижалась, и у меня так сердце защемило! Так её жалко стало, и себя тоже!

– А я стояла и смотрела, как вода красиво собирается в голубые столбы. – Катя махнула руками – Такие большие, светлые, итак на душе стало хорошо, будто я вылетела откуда-то, и красоту мне эту подарили. Неужели всё так бывает на самом деле?

– А я будто провалилась в мягкий свет. – Тихо добавила Даша – И он был таким тёплым, хорошим, и я прикрыла глаза и ничего больше не видела, никаких фигур, никаких столбов.

– Зря мы бабушку одну оставили! – Вдруг остановилась Катя – Я пойду к ней, просто рядом посижу.

– Она сказала, чтобы мы её не ждали. – Возразила Лидия Фёдоровна – Пошли домой, Катя, тут недалеко, она сама дойдёт. А нам рано завтра выезжать, за нами машина придёт в шесть утра.

Но Катя уже не слушала, она повернула к берегу и пошла обратно. Сакатов попридержал нас с Ильёй:

– Сейчас всё равно придётся обратно идти, Катя увидит.

– Что Катя увидит? – Спросила я, не понимая, что он имел в виду.

– Баба Нюра умерла.

– Она была жива, когда мы уходили! – Воскликнула я – Сакатов, говори немедленно, что ты ...

– Оля, чтобы остановить проклятие, она должна была умереть. Она знала об этом. И поэтому осталась на берегу одна. У Даши паук исчезнет только после этого, у Катиной мамы болезнь прекратится только после этого.

– Ты мне ничего не сказал!

– Не сказал. Потому что ничего не изменишь. И это прощание было нужно Анне Фёдоровне не только для того, чтобы прекратить проклятье, но и для того, чтобы облегчить душу перед далёкой дорогой. Но теперь ты знаешь.

На берегу раздался крик Кати. Мы пошли обратно на берег.

Эпилог.

– Эх, жалко, столько бабка картошки насадила, а поесть ей не придётся! – вздохнул Илья, когда мы в половине шестого утра вышли к машине, чтобы ехать домой.

– Илья, не святотатствуй! – Оборвала я его.

– А что? Человек старался, мечтал, что ещё тридцать лет проживет.

– Она не мечтала ещё о тридцати годах, она уже давно раскаивалась.

– У Даши на руке больше нет паука, я только что посмотрела! – Из дома вышла улыбающаяся Светлана Николаевна и подошла к нам – Я ещё ночью заметила, после того, как мы с берега пришли. И Даша, как и раньше, долго в телефоне возилась, потом вставала попить. Как будто и не лежала пластом ещё вчера.

– Хорошо, всё будет хорошо! – Мы со Светланой Николаевной обнялись.

– Приезжайте к нам, я всегда буду вам рада, у нас тоже в Заречном хорошо, да вы и сами видели! В любое время приезжайте!

– Приедем, обязательно.

Из дома вышла Лидия Фёдоровна, она подошла к нам и сказала:

– Леночка сегодня приедет. Нам с ней похороны надо будет организовывать. Я здесь останусь, а Катюшка с вами поедет. В шесть часов за вами машина придёт. А может, я вообще здесь жить буду. Что мне в городе делать? Катя уже большая, да и Леночке лучше одной жить. Может и встретит кого, она ведь ещё не старая. Ко мне в гости будут приезжать. Алексей Александрович, Вы говорите, что Аня знала, что эта ночь будет для неё последней?

– Да, Лидия Фёдоровна, поэтому она вам и позвонила, хотела попрощаться. Она меня ведь спросила вчера, уйдёт ли вместе с ней проклятье. За это она своим временем расплатилась.

– Да сколько там её времени и оставалось! – Вздохнула Лидия Фёдоровна.

– Да хоть один день, хоть один час! – Горячо возразил Сакатов – Это ведь не важно! Она отдала своё время, она отдала то время, которое взяла у других. Она отдала долги. Я не знаю, приняли ли её раскаяние, или нет. Но мне, почему-то кажется, что приняли. И не нам её судить.

– Да, грех на душе её был большой! И на моей тоже. – Уже тише добавила она – Никто ведь никогда не думает, что на чужих заслугах в рай не въедешь!

Утреннее солнце окрасило макушки высоких сосен в розовый нежный цвет. Мы выехали на трассу, и я ещё раз оглянулась на это волшебное Берендеево царство, под названием Калюткино. Такое чудесное место! И пусть там всё будет

хорошо! При любой луне.